

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 9 том - «Анжелика и заговор теней»

Перевод с фр. С.А. Томилкина, Л.Г. Резняк

Кишинев: Литта: Гера, 1992.

(ошибочно публиковалась под заголовком «Дорогой надежды; Анжелика и ее победа»)

•

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОН

Глава 1

Анжелика проснулась глубокой ночью. Она не могла понять, что извне нарушило ее сон. Было тихо. Единственное, что ощущала графина — легкое покачивание стоящего на якоре корабля. Слабый лунный свет едва пробивался сквозь плотные занавеси на окнах. Скоро Анжелика привыкла к темноте и могла различать контуры добротной мебели, стоящей в салоне. Тускло поблескивала изысканная золотая отделка.

Графиню де Пейрак разбудило смешанное чувство безграничной потребности в любви и беспокойства, даже страха перед неведомой угрозой. Она попыталась вспомнить сон, навеявший эти ощущения — желания и тревоги. Кажется, она видела Жоффрея, который был невероятно груб с нею... Но Анжелика испугалась не этого, другого... Чего?

Она никак не могла вспомнить, но и успокоиться тоже не могла. Дыхание ее было прерывистым, лоб покрылся холодной испариной. Два сильных, почти животных, чувства сковали все ее существо.

Анжелика была одна. Смятая подушка на широком восточном диване, казалось, еще хранила тепло Жоффрея, который поднялся, видимо, недавно, не более часа назад. В том, что он в такое время покинул салон, не было ничего удивительного: у Пейрака уже вошло в привычку по нескольку раз за ночь проверять посты на корабле.

Анжелика приподнялась, осматриваясь, и вдруг ее осенило: впервые она отчетливо осознала, что, войдя в залив Св. Лаврентия, они снова оказались во владениях короля Франции! Раньше эта мысль посещала ее мимолетно, и она не придавала ей особого значения.

Граф и графиня де Пейрак, объявленные государственными преступниками у себя на родине, решились бежать из страны, где были бы неминуемо уничтожены. Они скрылись, имея в своем распоряжении сильный флот из шести кораблей. Им казалось, что сколь бы далеко не распространялась власть Людовика XIV, она не была безграничной.

Глупцы! Анжелика лишь теперь со всею ясностью поняла, что многочисленные враги, люди, душой и телом преданные французскому королю, поджидают их в здесь, в Канаде! Как можно было не предусмотреть этого заранее!

Она не ощущала такого сильного страха с тех пор, как в лесах Пуату боролась в рядах мятежников против жестокого монарха. Сегодня ужас прижал ее к стене, превратив в западную побережье Северной Америки. И вдруг ей так захотелось вернуться на родину, что, казалось, она не сможет устоять против этого искушения — дома и стены помогают, а здесь, на чужбине, спасения нет...

Увы, покидая Францию, надеясь вновь обрести в Америке долгожданную свободу, они поступили чересчур опрометчиво. Жоффрей действовал слишком быстро, не оставляя времени для размышлений. И

Анжелика даже не пыталась остановить его, хотя так естественно было предположить, что на любой территории, где властвует Людовик, им не будет пощады.

Зачем, почему они поддались иллюзиям? Их мечты скоро обернутся бедой! Как недальновидно было предполагать, что родственные связи освободят им путь, а мстительность короля со временем ослабнет!

Беглянка вновь представила себя во Франции. Тогда, шесть лет назад, в своем замке в Пуату она испытывала похожие чувства. Ей было так же страшно и одиноко, и она, всеми покинутая, сгорала от неупокоенной страсти к возлюбленному. Опасности подстерегали ее на каждом шагу, Анжелика трянула головой, пытаясь вырваться из цепкого плена воспоминаний, но сегодня все было так похоже, так знакомо и так безнадежно...

Графиня соскользнула с дивана, вяло прошлась по комнате. Коснулась мебели, книг, огромного старинного глобуса, пытаясь вернуться к реальности. Она никак не могла успокоиться. Она видела себя пленницей этого салона, чужого, равнодушного, едва освещенного мертвенным светом луны. Ей хотелось умереть, чтобы не чувствовать всего этого.

Позади была целая жизнь. Анжелика знала: это конец.

А Жоффрей? О, Жоффрей тоже остался в прошлой жизни, он там, где свет, солнце, радость. А она...

Неужели никогда больше ее тело не замрет в объятиях любимого, и сердце не будет бешено колотиться в предвкушении райского наслаждения? Неужели судьба столь неблагоприятна к слабому созданию, распорядившись заточить Анжелику в четырех стенах ненавистного салона на этом корабле-призраке? И неужели ей, графине де Пейрак, не остается ничего более, как только вспоминать о

минувшем счастье, которого никогда больше уже не будет?!

— Никогда больше, никогда больше!.. — застонала женщина, Охваченная безысходным отчаянием, она опустилась на пол, закрыв лицо руками. Некоторое время она, погруженная в себя, ничего вокруг не замечала. Но мало-помалу сознание начало возвращаться, и Анжелика уловила чьи-то шаги близ салона. Как ни странно, этот знакомый размеренный звук вернул ее к действительности.

— Но мы уже в Канаде! — проговорила она вслух, поднимаясь с пола. — Мы на «Голдсборо».

«Мы» — это слово восстанавливало то единство, утрату которого графиня так болезненно воспринимала. Мы! Это, в первую очередь, Жоффрей де Пейрак, расположившийся сейчас где-то наверху, на палубе, потом — его люди, его флот, бросивший якорь в заливе у подножия крутого берега Санта-Крус де Мерси...

Анжелика подошла к окну и снова повторила:

— Санта-Крус де Мерси...

Так назвал это место лоцман. Он сказал днем:

— Здесь Санта-Крус де Мерси. Здесь будем ночевать.

Это был фиорд — место в морском заливе, куда впадает река.

Анжелика уже слышала об этой местности. Это был самый обычный берег, но сейчас он приобрел для Анжелики странное, почти мистическое значение.

Не ощущая холода, графиня автоматически набросила на себя покрывало. Она немного успокоилась, но боялась зажечь свечу в серебряном подсвечнике: маленький язычок пламени и огромные тени по углам сделают этот огромный салон еще более мрачным, и вновь чередой побегут воспоминания, от которых так хотелось избавиться...

Не в силах более выносить одиночество, Анжелика подошла к двери и приоткрыла ее. В лицо ударил запах соли, свежеструганных рей, рыбы, жареного мяса. Матросы готовили ужин, пользуясь рецептами тех стран, в которых успели побывать.

Графиня медленно приходила в себя. Она несколько раз глубоко вздохнула, и сердце стало биться ровнее. Жоффрей — она знала это — был близко. До него оставалось пройти пару шагов, надо было подняться всего на несколько ступенек выше по лакированной деревянной лестнице — и Анжелика увидела бы мужа. Он, как обычно, стоит на мостике, прислонившись к поручню. Поднявшись, Анжелика немного помедлит. Она тихонько остановится поодаль, полюбуется его гордой осанкой, широкими плечами... Муж не сразу ее заметит. В такое время ему всегда хорошо думается, и он, наверняка, строит планы на будущее.

А когда Жоффрей, наконец, увидит Анжелику, то удивится и спросит:

— Сокровище мое, ты не спишь?

А она ему ответит:

— Я видела дурной, страшный сон. Я так испугалась! Я захотела, чтобы вы были рядом, я должна ощущать ваше присутствие, вашу близость, любимый мой!

И Жоффрей засмеется, и обнимет, и посмотрит долгим нежным взглядом.

Анжелика знала, что так Жоффрей может смотреть только на нее. Жгучий, пронизательный, пронизывающий насквозь взгляд этого мужчины становится совсем другим, когда рядом появляется жена. Его глаза становятся светлыми и радостными, будто глаза ребенка. Он до беспамьятства был влюблен в Анжелику, она была единственным человеком в мире, перед которым гордый Жоффрей де Пейрак, вершитель многих судеб, ютов был упасть на колени. Одной

улыбкой жена умела исцелять его душевные раны, рядом с нею он забывал об обидах и несправедливости — о тех превратностях, которые уготовила ему судьба. Жоффрей часто говорил, что эта женщина сделала его счастливейшим человеком в мире, и Анжелика знала, что подобное признание — не дань красноречию. Ее власть над этим загадочным и неприступным человеком, мужчиной, любви которого добивалась не одна аристократка, — ее власть год от года становится все сильнее. Но как ни странно, Жоффрей не противился этому. Любовь к Анжелике придавала ему новые силы.

И Анжелика тоже любила его. И она предвкушала, как сейчас они встретятся после смехотворно короткой разлуки. Он осторожно обнимет ее своими теплыми и крепкими руками, и она, прижавшись к груди любимого, ощутит едва уловимый запах дорогого табака, который ей так нравится. Она прикоснется к его щеке и тихо-тихо скажет:

— Сумасшедший, любимый!..

Глава 2

Но этого не произошло.

Жоффрея на палубе не было. Не он, а норвежец Эриксон стоял у поручня, покуривая свою длинную трубку. Это был прекрасный подчиненный, все понимавший с полуслова и никогда не задававший лишних вопросов. Бесстрашный моряк, неотесанный и трудолюбивый, готовый, словно сторожевой пес ринуться в бой, почуяв малейшую опасность, охранял спокойствие людей на корабле. Ощувив на себе посторонний взгляд, он резко обернулся, но, увидев Анжелику, тут же успокоился и вежливо поклонился.

— Добрый вечер, монсеньор Эриксон, — Анжелика приблизилась к нему. Она окинула взглядом темную поверхность воды за кормой, мрачный лес, на берегу, который был намного ближе, чем представлялось.

Сквозь густые заросли слабо пробивались отблески разожженного кем-то костра. — Мне казалось, здесь должен быть монсиньор де Пейрак. Вы не видели его?

Сердце Анжелики сжалось от дурных предчувствий.

— Он ведь не мог уйти на берег? — продолжала Анжелика в надежде услышать отрицательный ответ.

Эриксон снял украшенную пером шляпу, которую носил с тех пор, как прошлой зимой был приглашен капитаном на «Голдсборо». Этот сдержанный немногословный человек сумел завоевать доверие и хозяев, и экипажа.

— Совершенно верно, мадам. Час тому назад монсиньор де Пейрак отправился на берег.

— Один? — спросила Анжелика дрожащим, незнакомым ей голосом.

— Он взял с собой двух людей на вахту и своего юнкера Жана де Кувеньяка.

— Жана?..

Она опять посмотрела на темную полосу земли. Дремучий канадский лес, убежище медведей и индейцев, казалось, был бесконечным. Что это означает, почему Жоффрей отправился туда, оставив лишь два поста у лодок?

— Мсье Эриксон, — непроницаемое лицо моряка было бледным от лунного света. — Монсиньор не сообщил вам, куда именно он хотел пойти?

Эриксон покачал головой. После долгой паузы он, наконец, вынул изо рта трубку и проворчал:

— Ему передали послание.

— Кто? Индейцы?

— Не знаю, но монсиньор, думаю, понял, о чем идет речь. Он приказал мне принять вахту и сказал, что идет в деревню и вернется через два часа. Я видел только, как он взял письмо и сел в лодку с Жаном.

Внезапно Анжелика поняла, о какой опасности предупреждал ее сон. Они вступили на территорию

короля Франции, безлюдную и необжитую, которая, тем не менее, может стать западней. Все ночные страхи, волнения, предчувствия покинули Анжелику. Она вновь стала смелой и решительной. Нужно было действовать, и маленькая отважная женщина не колебалась.

Вернувшись к себе, она зажгла свечи, осмотрела свой пистолет, надела пояс с боеприпасами. Решительно двинулась к выходу, но в дверях вновь остановилась в замешательстве. Бог мой, что она делает, что затевает в эту мрачную, пахнущую морем, рыбами, водорослями, безумную ночь?

Мимо, не замечая Анжелику, проходил один из членов экипажа, громко зевая и засыпая на ходу. Бедняга, видно, возвращался после веселой попойки и бесконечно долгой партии в кости.

— Жакке, — узнала матроса Анжелика. — Немедленно пришли ко мне Куасси Ба, Энрико Енци и Вигнота. Скажи им, чтобы взяли оружие и ждали меня внизу, у лестницы.

Обернувшись, она увидела на вахте вместо норвежца унтер-офицера.

— Эриксон ждет вас внизу, мадам, — сообщил он.

Старый моряк уже готов был спрыгнуть в лодку, спущенную на воду.

— Мне показалось, что мадам желает пойти в деревню, — объяснял он Анжелике свой уход с вахты. — Разрешите сопровождать вас. Монсиньор де Пейрак был не совсем прав, позволяя вам одной в такое время пускаться в путешествие.

Женщина рассмеялась:

— Я думаю, мы правильно поняли друг друга, монсиньор Эриксон.

Норвежец был всей душой предан своему господину, но увы, Жоффрей де Пейрак, превыше всего ценивший собственную независимость, не принимал во внимание волнения тех, кто его любит.

По просьбе Анжелики, оставив дела, пришел лоцман, готовый в любую минуту заменить капитана.

— Что здесь есть, в Санта-Крус де Мерси? — Анжелика желала хоть что-то узнать о пустынном месте, где флот в эту ночь встал на якорь.

— Ничего, мадам.

— Все же что-то должно быть — индейская деревня, торговая лавка, уединенный домик?

— Ровным счетом ничего, — повторил лоцман.

— Но что же хотел найти тут монсиньор де Пейрак?

— Видите там, наверху? — человек указывал пальцем на утес. — Возможно, — предположил он, — в этом полуразрушенном монастыре капуцинов индейцы устраивают торговлю мехами?

— Возможно... — задумчиво повторила Анжелика. Но с кем, право, мог условиться о встрече Жоффрей де Пейрак в этом забытом людьми и Богом месте?

В этот момент подошли вызванные ею негр Куасси Ба, член мальтийского ордена Энрико Енци и плотник Вигнот.

Они спустились в лодку и через короткое время причалили к берегу. Эриксон оставил оба весла на вахте у моряков, которые жгли костер. У них же узнал, в каком направлении ушли монсиньор и юнга. Люди указали на узкую тропу, змеей сползающую с утеса.

Глава 3

У подножия горы фонарь решено было погасить. Продираясь сквозь густые, низко растущие ветви деревьев, Анжелика постепенно теряла ощущение реальности времени и места. Она вновь была партизанкой в лесах Пуату, авантюристкой, вступившей в ряды мятежников против короля Франции. Точно так же когда-то пробирались они сквозь ночные лесные чащи, словно затравленные волки, гонимые ненавистью и близостью неизбежного конца. «Кот в сапогах», как она называла тогда главного противника, иногда давал

передышку, а иногда мятежникам даже удавалось отбивать атаки королевских полков. С их стороны это было сущим безумием, но они не хотели преклонять колени перед могущественным монархом. Партизаны пользовались эффективными приемами внезапной атаки: на ничего не подозревающих всадников короля прыгали с утесов или верхушек деревьев, а иногда нападали в ущельях или на темных лесных тропах.

Сейчас, поднимаясь в гору, Анжелика вновь, как и тогда, не чувствовала ни усталости, ни ударов колючих веток. Она полностью освободилась от тех чувств и воспоминаний, которыми еще недавно было сковано ее самообладание. Сейчас она шла на помощь человеку, которую любила.

Прогалина горного кряжа была маленькой и узкой, и неожиданно переходила в опушку леса. Единственный в этой местности горный массив высоко торчал из темной воды залива Св. Лаврентия. В полуразрушенной стене старинной крепости гнездились тысячи птиц. Ледяной ветер охлаждал разгоряченное лицо, и шум разбивающихся о берег волн сливался с говором ветвей деревьев.

Стоя на краю скалы, Анжелика видела белую светящуюся полоску у кромки воды. Сзади кто-то подошел. Анжелика обернулась.

Это был Вигнот. Приложив палец к губам, он взглядом указал вверх, направо. Там, среди мощных стволов деревьев, едва можно было скорее угадать, чем разглядеть, очертания хижины. Еле уловимый свет пробивался сквозь затемненные окна. Возможно, внутри горели свечи или тлел огонь в очаге.

Анжелика подала знак Куасси Ба. Он натянул капюшон накидки на свои седые волосы и стал почти неразличим в темноте. Негр бесшумно направился к хижине вдоль опушки.

Вскоре он вернулся и шепотом доложил, что свет исходит от очага, но разглядеть кого-либо внутри невозможно, так как окна затянуты непроницаемой рыбьей чешуей. Однако он слышал голоса и готов присягнуть, что один из них принадлежит графу де Пейраку.

Значит, Жоффрей там! Но с кем?

Кто-то хотел вести переговоры с Пейраком, и Жоффрей отправился сюда, взяв для охраны необходимое сопровождение. Следовательно, он знал о характере встречи. Но ей, Анжелике, не сказал об этом ни слова. Что ж, это было в его правилах, продумывать до мелочей и заранее планировать все свои начинаний. Она хорошо изучила его натуру за долгие годы совместной жизни.

Вот и путешествие в Квебек. Кто мог знать, как долго обдумывал его Жоффрей втайне от всех? Значит, нелишне предположить, что сегодняшняя его встреча не сулит никакой опасности. Возможно, он отправился на переговоры с монсиньором де Фронтеньяком, губернатором Новой Франции, который мог придти сюда с тайной миссией, ища совета и поддержки, ибо местное население относилось к французу крайне враждебно. От этой мысли Анжелика ненадолго успокоилась и решила пока что не предпринимать никаких шагов.

Но все же это место по непонятной причине внушало тревогу и скоро Анжелику снова охватило волнение. Она боялась шевельнуться, чтобы ее страх не передался спутникам. Из своего укрытия Анжелика хорошо видела каждого из них. Падающий на листья слабый свет ночного светила отражался на их замкнутых настороженных лицах.

Один из помощников вдруг коснулся ее руки и жестом указал на человека, появившегося с другой стороны прогалины. Анжелика задержала дыхание. Она

разглядела Жана де Кувеньяка, который неторопливо подошел к краю утеса, вглядываясь в темную пропасть, у подножия которой волны с глухим ревом разбивались о камни, а затем опять повернул в сторону хижины. На полпути он остановился, раскуривая свою трубку. Очевидно, ситуация не требовала от него особой бдительности.

Анжелика попыталась представить себе, как отреагировал бы на ее появление здесь, будь он повнимательнее, молодой бретонец, понял бы ее тревогу? А Жоффрей? Понял бы Жоффрей?

Впрочем, сейчас это не играло роли. Ее больше занимала другая сторона приключения, в котором участвовали граф де Пейрак и его люди. Они пустились в путешествие не без колебаний, но все же явно недооценили то, что многие беглецы — французские подданные — вновь вступили во владения короля Людовика XIV. Среди них — Жан, открытый, веселый юноша. Неужели он забыл, что на любом клочке французской территории его неминуемо ждет виселица: Жан убил высокопоставленного господина Сейгнорса фон Хельгота, распорядившегося повесить за браконьерство отца юноши. И Кувеньяк, и другие люди, бежавшие с родины вместе с Жоффреем де Пейраком и Анжеликой, не были преступниками: его Величество Случай толкнул каждого из них на скользкий путь. Увы, вряд ли им удастся полностью оправдать себя в глазах соотечественников. Только воля и мужество помогут соратникам Пейрака и ему самому выйти невредимыми из ситуации, в которую они попали. Эти безумцы должны предпринять все, победить в споре с судьбой подобно тому, как саламандры побеждают законы природы, выбираясь невредимыми из смертоносного пламени огня.

Анжелика должна была понять и принять это.

Даже здесь, на берегу огромною залива, на далекой необжитой земле она не имела права забывать о том, что любое сношение с жителями этой страны — с индейцами ли, с крестьянами и рыбаками, с духовниками или служащими короля — могло закончиться гибелью.

Она все еще размышляла над этим, когда вдруг на прогалине появились чьи-то призрачные тени. А еще через мгновение Анжелика различила двух незнакомцев, показавшихся на противоположной стороне опушки. Неслышно приблизившись к ничего не подозревавшему Жану, они неожиданно набросились на него. Последовала короткая схватка, потом юнкер упали остался неподвижно лежать на земле.

До Анжелики донесся приглушенный голос одного из нападавших:

— Не нужно его закапывать. Привяжем камень на шею — вниз с обрыва. С одним дело улажено.

Все это произошло так быстро, что спутники Анжелики, наблюдавшие за прогалиной из укрытия, не сразу осознали, что на самом деле случилось. Они увидели, как те, двое, подтащили неподвижное тело Жана к краю пропасти, и еще не сообразив, что за этим последует, кинулись на помощь молодому бретонцу. В два прыжка подскочив к убийцам, Эриксон вытащил свою старую саблю и расколол ею череп одного из них. Обезглавленный труп рухнул на землю, будто подрубленное топором дерево. На шум обернулся его товарищ и... получил сокрушительной силы удар в лицо. Незнакомец попытался было закричать, но Куасси Ба крепко схватил его за горло. Тело мужчины задергалось в предсмертных конвульсиях. Через минуту все было кончено. Теперь обе жертвы лежали рядом с бездыханным Жаном.

Эта картина могла поразить кого угодно, но не спутников Анжелики, Для людей Пейрака борьба и

опасности стали привычным делом, они уже не раз видели смерть.

Эриксон подал знак Куасси Ба и остальным, и Анжелика поняла, что мертвецов следует оттащить вглубь леса. Но прежде Вигнот тщательно обыскал одежду незнакомцев, надеясь найти хоть что-нибудь, чтобы выяснить, кто они и чей приказ выполняли. Возможно, это бывшие матросы, бездельники и пьяницы, подкупленные недругами Пейрака. Во всяком случае, судя по их действиям, эти люди попадали в разные переделки, и останься в живых, они не остановились бы ни перед чем. Они уничтожили бы Пейрака так же молниеносно и безжалостно, как только что расправились с Жаном.

Анжелика поняла, что ее предчувствия оправдались. Борьба началась.

Появление людей на прогалине не прошло незамеченным. Переполошились, вспорхнули потревоженные птицы, защебетали испуганно. Белыми облаками опустились они на ветви столетних деревьев.

Послышалось какое-то движение внутри хижины. Анжелика и ее помощники моментально отступили вглубь леса. Мужчины едва успели оттащить трупы к корневищу мощного дуба.

Напряженные, готовые в любое мгновение принять бой, они всматривались в приоткрывшуюся дверь хижины. Оттуда раздался громкий голос:

— Что тут за крики?

— Видимо, птицы отчего-то перепугались. — Анжелика услышала ответ де Пейрака. А вот и он сам показался в проеме двери, пригнулся, чтобы выйти наружу. Медленно направился к прогалине.

Анжелика поняла, что он был спокоен, однако что-то показалось Жоффрею подозрительным.

— Жан, ты где? — крикнул он в темноту.

Ответа не последовало. Из хижины вышел человек, назначивший Пейраку встречу. Слабое освещение и расстояние не позволяли детально разглядеть его, однако было понятно, что это был коренастый мужчина средних лет. Он не производил впечатления человека, которого следует опасаться. Не отходя от двери, человек кинул взгляд в ту же сторону, что и Пейрак, туда, где волновались птицы.

— Кажется, там кто-то прошел, — заметил Пейрак, — Жан? Где он может плутать?

Звук родного голоса заставил сердце Анжелики биться сильнее. Кровь ударила в виски. Вот он, Жоффрей! Живой! Слава Богу, слава Богу, — повторяла она про себя. Его лицо спокойно. Лицо умного и властного человека, лицо, порой светлое и нежное, порой замкнутое, беспредельно холодное. Любимое, родное, единственное в мире лицо!

Однако спокойствие Пейрака было обманчивым, В глубине души он чувствовал тревогу. Анжелика догадывалась об этом, Она машинально положила руку на гриф пистолета и внимательно всмотрелась в чужака. Спутник Пейрака, оставаясь в глубине, у двери хижины, внимательно оглядывался.

— Бьюсь об заклад, он будет медлить, — успела подумать Анжелика. — Он атакует Жоффрея сзади. Однако странно, он не похож на наемного убийцу.

В этот самый момент незнакомец вытащил свою шпагу и ринулся к стоящему спиной графу.

Анжелика закричала и выстрелила одновременно.

Граф отпрыгнул в сторону, готовый к борьбе с зажатой в руке шпагой. Но опоздал. Выстрел Анжелики попал в цель, но противник, скрючившись, еще держался на ногах, недоумевая, сжимая рукой грудь. Второй выстрел разорвал рукоятку шпаги. Незнакомец рухнул на землю.

Пейрак поднял глаза. Слева от себя, на опушке, он увидел Анжелику с дымящимся пистолетом в руке. Она была прелестна и горда, как амазонка.

— Прекрасный выстрел, мадам, — Пейрак все еще не верил в реальность происходящего. Анжелика медленно приближалась к нему. На фоне лесных зарослей, в бледном свете луны она казалась призраком. Она не шла, она парила над землей. Светлые волосы делали Анжелику похожей на королеву эльфов. Она была обольстительно-женственной, несмотря на грозное оружие в руке. Неопытность, с которой она держала пистолет, скрывала решительность и твердость женщины, готовой в любой момент выстрелить снова. Что-то незнакомое появилось в ее взгляде. Такой Пейрак не знал жену прежде.

— Вас хотели убить, — тихо сказала Анжелика.

— Без сомнения. И если бы вас не оказалось здесь в нужный момент, я был бы уже мертв!

Страшно представить — не выстрели Анжелика, не попади она в цель, Жоффрей бы простился с жизнью в этом лесу, и крики ночных птиц, вой волков да рев медведей заменили бы звуки траурного марша! Она вспомнила сон — расставание, разлука с Жоффреем...

— Зачем вам надо было сюда заплывать? — с отчаянием спросила она. — Я до сих пор не могу понять, как вы решились на эту авантюру.

Жоффрей по-своему истолковал ее слова, отнесся их к настоящей ситуации.

— Сознаю, это была моя вина. Тот, кто вызвал меня сюда, представился курьером монсиньора Фронтеньяка. Я до последнего момента не ожидал предательства. Но все прошедшее для меня наука. Теперь я буду дважды предусмотрителен. Без вас, любимая... Но где же Жан?

Раненый юнга, между тем, пришел в себя. Мужчины подошли к графу, и Эриксон, рассказал де Пейраку о нападении, жертвой которого стал бретонец. Теперь

Жоффрею стало окончательно ясно, что на его жизнь покушались.

Пейрак склонился над предателем. Первая пуля попала ему в грудь. Вторая пробила спину, когда он падал на землю. То, что он был убит наповал, не вызывало сомнений. На его бледном, разом осунувшемся лице застыла маска удивления.

— Его зовут маркиз де Варанж. Он передал мне послание Фронтеньяка, в котором губернатор любезно приглашал меня к себе. Здешний наместник короля знает, что его политика невысоко оценивается местным населением. Поэтому он совершенно секретно просил меня поставить Квебек перед свершившимся фактом нашего прибытия и еще кое о чем. Я не нашел ничего странного в его просьбе. В разговоре с Варанжем я категорически придерживался указаний Фронтеньяка. Но вдруг, в один момент его посланник показался мне подозрительным. Почему? Я сам не могу этого объяснить.

Внезапно на тропе, ведущей к реке, слышались шаги и треск сломанных веток.

— Что случилось? — раздался голос одного из оставленных на вахте моряков.

Охрана поднялась по тревоге, от выстрелов, доносившихся с вершины утеса. Люди Пейрака кинулись на помощь.

— Позаботьтесь о том, чтобы обстоятельства случившегося не стали достоянием всего экипажа, — быстро приказал Пейрак Эриксону.

Капитан «Голдсборо» поспешил навстречу охране.

— Все в порядке, парни, — успокоил он людей. — Возвращайтесь на пост.

Распорядившись, Эриксон снова подошел к Пейраку. Мужчины совещались о том, что делать дальше. Под деревьями валялись три мертвеца. Один из них — хвастливый чиновник из колонии, правая рука

губернатора края. Его исчезновение вряд ли пройдет незамеченным. Правда, отдаленность места, выбранного Варанжем для встречи с Пейраком и подлого убийства графа, облегчала задачу и позволяла тщательно замести следы разыгравшейся драмы.

— Лес большой, река глубокая, — заметил Пейрак.
— Они в состоянии хранить тайну.

Договорились, что свидетели трагедии будут молчать о том, что здесь произошло. Лучше всего — навсегда вычеркнуть из памяти сегодняшнюю ночь. Обнимая Анжелику, Жоффрей поклялся, что не вспомнит об этом и под пытками.

— А вы, мадам, — спросил он у жены, — как узнали о том, что здесь произойдет? Почему вы оказались здесь, в незнакомом вам месте, в самый нужный момент?

— Я... я почувствовала страх за вас, ведь вы опрометчиво согласились встретиться с кем-то на этой территории, где нас всюду поджидают враги. Вы отправились в деревню без должной охраны. Я во сне поняла, что с вами может что-то случиться, проснулась и, обнаружив, что вы исчезли, попросила мужчин сопровождать меня. Но могу вас уверить, что никто на корабле не знает истинной причины ни вашего, ни моего отсутствия.

— Без мадам вы бы окончательно влопались, синьор, — непочтительно заметил Эриксон.

Вдруг Жоффрей ощутил, что тело Анжелики бьет крупная дрожь. Куда-то пропали ее решительность и смелость. Она не была уже амазонкой, но слабой и усталой женщиной. Только теперь Жоффрей понял, какую тревогу пришлось пережить его маленькой жене. И как она с ее живой фантазией могла представить себе его мертвое тело, камнем падающее с утеса... Бедняга, он так виноват перед нею!

Благодаря мужеству Анжелики Жоффрею в очередной раз удалось уйти от смерти. Он прав: никто

не должен узнать о случившемся. Все, что произошло, надо хранить в глубокой тайне. Никто не имеет права предать огласке сегодняшнее происшествие. Если кто-то узнает подробности смерти Варанжа, Пейраку и его окружению придет конец. Страшен гнев колонистов.

— Я не знаю, что намеревался сделать этот сумасшедший, кроме того, чтобы убить меня, разумеется, — заметил Пейрак после долгих размышлений, — но я почти уверен, что он не выполнял поручение Фронтеньяка. Это исключено. Квебек сейчас расколот на два лагеря, и Фронтеньяку как никогда нужны сторонники и соратники, он прекрасно понимает, что большинство его неудач связано с ближайшим окружением. Увы, люди не всегда искренни...

Пейрак, встав на колени, обыскал сумку Варанжа. Найдя какую-то бумагу, обнаружил чертеж, где был детально описан план местности, и хижина была обозначена красным крестом. Внимательно изучив план, Пейрак снова сунул его в сумку убитого. Рядом положил и послание Фронтеньяка.

— Пусть выглядит так, будто Варанж не смог передать мне послание, и встреча не состоялась, — объяснил он Анжелике и мужчинам. — Мы не должны оставлять следов. Исчезнуть надо так, чтобы никто не догадался, что мы здесь все-таки побывали.

Пейрак послал Эриксона в хижину, чтобы проверить, не осталось ли там каких-либо свидетельств о его встрече с Варанжем. Потом Жоффрей взял за руку Анжелику и начал вместе с нею спускаться к морю. Куасси Ба, Вигнот и Энрико Енци остались заметать следы.

На половине пути Жоффрей остановился, взял Анжелику за обе руки и страстно прижал к своей груди.

— Вы спасли мне жизнь, душа моя. Тысячекратно благодарен вам за это.

Анжелика смотрела на возлюбленного и, казалось, не замечала ничего больше. Ни крикливых птиц, круживших над головами, ни колючего терновника, протянувшего к ним свои ветви, ни мелких комьев земли, катившихся из-под ног.

Окружающая природа бесстрастно взирала на последствия ночной драмы. Уж она-то вечно будет хранить молчание о том, что произошло на темном утесе, высоко торчавшем из зеркальной глади воды залива Св. Лаврентия.

Глава 4

«Голдсборо» величаво покачивался на волнах, внушая чувство надежности и безопасности. Свет факелов в стеклянных красных и золотых фонарях играл на холодной воде. Анжелика взирала на корабль так, будто видела его впервые.

С тех пор, как вся компания на лодке отчалила от берега, она не выпускала руки Жоффрея. Граф не сводил с жены взгляда.

Он понимал, что из-за событий последних часов Анжелика все еще была возбуждена. Пейрак и сам переживал подобное состояние. И не столько из-за опасности, которой он неосмотрительно подвергнул свою жизнь, сколько из-за решительности своей жены. Какая сила воли, какое мужество таилось под обманчиво-беззащитной внешностью этой маленькой женщины! Анжелика появилась в самый нужный момент, готовая пойти на все, чтобы спасти мужа. Ее нежная ручка не дрогнула, когда нужно было выстрелить в человека, угрожавшего Пейраку.

Жоффрей понимал, что сегодня жена сделала ему величайшее признание. Только сегодня, после стольких лет супружества, он понял, насколько сильно ее чувство. Нет, он никогда не сможет забыть эту драматическую ночь, сделавшую его таким счастливым!

Анжелика успокоилась только тоща, когда они, наконец, снова были в своем салоне на «Голдсборо». Успокоилась и разозлилась.

— Как вы могли совершить такую глупость? — упрекнула она мужа. — Вы могли бы, по крайней мере, предупредить меня. Я всегда предчувствую беду. Я боролась против короля в Пуату, и знаю, какие подлецы ходят в его помощниках. Да, я, всего лишь женщина, но как женщина я многое предвижу заранее, и вы не можете этого не признать!

— Любимая, успокойтесь, — тихо пробормотал Жоффрей. — Вы только что спасли мне жизнь, а теперь устраиваете такие сцены.

— Одно не исключает другого, — Анжелика вырвалась из его объятий и порывисто встала. Она сделала несколько шагов по комнате, постояла у окна и, совладав с собой, продолжала:

— Мой дорогой, это было ужасно. Представьте себе, мне опять приснился сон, который я часто видела раньше, когда вы были вдали от меня. Я бегу в лес, к вам, я знаю, что вы в опасности, не прихожу всегда поздно...

Анжелика закрыла лицо руками.

Жоффрей подошел, положил руки ей на плечи:

— Ну не надо... — он отнял ладони от ее лица, поцеловал пальцы. — Наяву вы появились вовремя.

Прижав ее к себе, он нежно гладил светлые ароматные волосы возлюбленной. Анжелика запрокинула голову и взглянула в его глаза.

— Жоффрей, прошу, повернем обратно! Идти дальше опрометчиво. В Америке мы были в безопасности от короля, против которого боролись, и от церкви, которой прокляты. Но сейчас, в Канаде, мы снова попали во французские владения. Не нужно задерживаться здесь. Это безумие.

— Но ведь мы пришли не с пустыми руками. Наши корабли полны золота, и есть договор... Кроме того, прошло так много времени...

— Я не жду пощады от короля. Я боюсь.

— Вы испугались при первом же сигнале опасности, — разочарованно пробормотал Жоффрей, — Хотите вернуться... А я думал, что жизнь в борьбе стала для вас привычной. Разве вы не хотите дать мне уверенность, что наш союз достаточно силен для осуществления общей цели?

Он смотрел на нее так, будто хотел передать свою уверенность. Но Анжелика не могла успокоиться.

— Но почему мы должны непременно остаться в Квебеке? — в отчаянии спросила она. — До сих пор мысли мои были просты и ясны. Мне казалось, что мы возвращаемся к друзьям. Но сегодня вдруг я увидела и обратную сторону медали: нас заманили сюда, чтобы убить.

— Нельзя терять хладнокровия. Я прекрасно понимаю, что вам трудно пережить ситуацию, в которой мы оказались. Но она не настолько сложна и безнадежна, как вам кажется. И здесь, в Квебеке, у нас будут верные друзья, на которых мы сможем положиться.

— Но есть и безжалостные враги, — возразила Анжелика.

Она вновь повернулась к окну и долго смотрела на море, повторяя:

— Зачем нам обязательно быть в Квебеке?

Некоторое время Жоффрей молчал. Потом он решительно сказал:

— В азартной игре всегда есть доля риска. Мы должны рисковать, только так мы сможем сломить окружающую нас враждебность. Мы должны остаться здесь прежде всего ради наших детей и друзей, ради верных помощников, не покинувших нас в трудную

минуту. Мы должны отыграть у судьбы нашу свободу. Иначе все наши планы превратятся в мираж, иллюзию, и остаток жизни мы проведем в роли антилопы, за которой гонятся охотники. Неужели вы этого хотите?

Он взял в ладони лицо Анжелики, но увидел в ее изумрудно-зеленых глазах лишь бездну отчаяния. Увы, пламенная речь Пейрака не убедила ее: такую безнадежность прекрасная маркиза дю Плесси де Бельери испытывала лишь раз в жизни. Тогда, когда мятеж в Пуату был подавлен, и она осталась со своим слабым отрядом в одиночестве перед могущественным Людовиком.

— Прошу вас, не бойтесь любимая, — прошептал Жоффрей. — На этот раз с вами рядом буду я.

Произошло чудо: эти простые слова совершенно успокоили Анжелику только что сходящую с ума от страха и неопределенности. И она, вопреки всему, снова обрела надежду.

— Да, он прав, мы должны рисковать, — подумала она. И еще она подумала о том, что, слава Богу, сон ее не сбылся, она вовремя пришла сегодня ночью на вершину одинокого мрачного утеса. И вот Жоффрей рядом, любимый, желанный...

У нее перехватило дыхание. Ее тело загорелось бешеным огнем страсти.

— Да, любимый, мы поедем в Квебек вместе, я согласна. Но сначала вы должны мне пообещать...

— Что?

— Что ты никогда меня не покинешь и всегда меня защитишь, — Анжелика задыхалась от его близости.

— Я обещаю тебе это, — ответил он с улыбкой.

Их губы соединились в жарком томительном поцелуе. Ничего и никого, кроме них двоих, уже не существовало в этом мире. Любовь, переполнявшая их, вырвалась из плена светских приличий. Эта любовь и была их победой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В ПОТОКЕ

Глава 5

Маркиз Виль д'Эвре посмотрел на небо и вздохнул:
— Все вокруг говорит мне о любви!

Интендант Шарль де Вуверанж озадаченно уставился на него. Они вдвоем стояли на мостике корабля, который тихо плыл по холодным ноябрьским волнам. Окутанное облаками до горизонта небо настраивало скорее на пессимистический лад и, разве что неожиданно блеснувший из-за туч золотой лучик солнца мог вызвать этот вздох восхищения. Равнодушная зеленовато-голубая вода слегка волновалась, и четко очерченные на свинцово-сером фоне вершины гор по обе стороны залива были безжизненны и однообразны. Время от времени пролетали птицы, и в тишине их громкие крики неприятно резали слух. Что тут могло напоминать о любви?

— Вы этого не чувствуете, Шарль? — д'Эвре заметил недоуменный взгляд собеседника. — О, это единственный климат, в котором может изредка раскрыться мужская сущность. Мне приходилось ощущать такую силу, сконцентрированную в природе.

Шарль все же не понимал, о чем говорит маркиз. Последний слыл оригиналом в том смысле, что нечасто можно было встретить человека, настолько уверенного в своей правоте. Он на самом деле редко ошибался, всегда рассуждал здраво и логично. Но на этот раз Шарль едва не усомнился в его разуме. Д'Эвре заметил это и раззадорился еще больше.

— Любовь — это огонь, божественное пламя, сметающее на пути все преграды, заставляющее забыть о прошлом, настоящем и будущем, поднимающее человека из путины бытия и создающее новую жизнь. В обыденности есть моменты, дарующие райское наслаждение разуму, но чувства — это нечто другое.

— Видимо, ваши рассуждения столь глубоки, благодаря искусству французских виноделов, — иронически заметил Шарль, бросив красноречивый взгляд вниз, на стол, накрытый к вечерней трапезе.

Дорогие хрустальные бокалы и серебряные приборы поблескивали на ослепительно белой скатерти. Графины с ликером и вигом были слегка початы.

— Да, я пьян, — примиряюще констатировал д'Эвре. — Я приложился к божественному эликсиру и готов вам сообщить: любовь — это райское течение, которое...

— Течение... — машинально повторил Шарль. Да, действительно, есть течения, но он не видел в них ничего райского. А впрочем, удивительно, что запах моря не дает спокойно жить ни ему, ни его спутникам, поэтому-то они и забрались так далеко от дома!

— Вы говорите о море! — простонал маркиз. — Вы, действительно, отвратительный реалист! Напрасно я утруждал себя, вас это мало занимает.

Разочарованный, он отвернулся от интенданта и взял конфету из хрустальной вазы. Но его обида была недолгой: через минуту он продолжил свои разглагольствования:

— Собственно, признаки любви я вижу в этой, единственной в своем роде прелестной женщине, чье сердце принадлежит лишь одному достойному мужчине. Постигнуть любовь непросто, наверное, и невозможно, но я готов бросить к ногам возлюбленных все богатства мира. Разве душа человеческая не должна быть устремлена к этой единственной цели? Есть ли вообще в этом мире люди, которые устояли бы перед ликом страсти? Уверен, что и вы не раз...

Произнеся эти слова, он больно задел за живое Шарля:

— Мне неприятно, когда вы упоминаете об этом, и кроме того, вы вообще болтаете вздор!

Монсиньор Виль д'Эвре оскорбился. В гневе он схватил своего собеседника за ворот и хорошенько встряхнул его.

— Пытаетесь убедить меня, что вы бесчувственная машина? Что под вашей выцветшей кожей не раздаются удары сердца?!

Шарль оторвал маркиза от себя.

— Опомнитесь, маркиз! Просто я ничего не понял из вашей экстравагантной речи. Сейчас холодно, близится ночь, мы плывем в направлении Квебека, где нас ожидает скука и тоска, а вас вдруг охватило это такое возвышенное чувство... Какая тут может быть любовь, позвольте вас спросить?

— Спросите меня лучше, в кого я влюблен.

Маркиз был предельно возбужден.

— Смотрите туда. Слепая курица, вот вы кто!

Театральным жестом он указал на группу, внезапно появившуюся у корабельной рубки. В вечерних сумерках можно было разглядеть несколько персон в черных, украшенных перьями, шляпах. В некотором отдалении виднелся силуэт женщины.

— Это она. Божественное творение природы. Женщина! Шарм без оттенка вульгарности. Она может мгновенно ослепить того, кто осмелится взглянуть на ее божественную красоту, пленить навсегда одним-единственным словом, небрежно слетевшим с великолепных уст. Ее нежность соблазняет, темперамент же поощряет. Ее слабость нуждается в нашей силе, но ее сила в том, что она легко может вытащить на свет божий наши слабости, чтобы скрыть свои. Ее присутствие не может оставить равнодушным ни одно существо мужского пола. О, это нужно уметь — быть женщиной!

Шарль промолчал, но в его глазах зажегся огонек неподдельного интереса. В этот момент мимо него и д'Эвре прошла Анжелика в сопровождении мужа и

одного из офицеров. По лакированной лестнице они поднялись к главному мостику. Все трое были дорого и элегантно одеты. Само собой разумеется, Анжелика привлекла всеобщее внимание. Ее облик очаровывал: изумрудные глаза казались еще более прекрасными оттого, что лицо графини было освещено изнутри каким-то новым ясным светом; счастливая улыбка блуждала на ее губах даже тогда, когда она вступала в сердечную беседу с кем-то из спутников. На голове у нее была большая белая шляпа, окружавшая лицо, словно аура. Зеленый бархат платья, выглядывавший из-под наполовину расстегнутого горностаевого пальто, выгодно подчеркивал цвет глаз. Воротник, сотканный в строгом соответствии моде из серебряных ниток, подчеркивал безупречную линию шеи, украшенной тройным ожерельем из жемчуга. Из-под серебряной каймы, обрамлявшей подол платья, выглядывали изящные туфельки. Одной рукой Анжелика поддерживала фалды юбки, чтобы удобнее было спускаться по лестнице, другая — уютно улеглась в белую меховую муфту, висящую на серебряной цепочке.

Движения Анжелики были настолько легки и грациозны, что Виль д'Эвре воскликнул с чувством:

— Разве эта женщина недостойна появиться на центральной лестнице Версаля под руку с королем?!

— Говорят, такое уже было... — пробормотал Шарль.

— Как? Она спускалась по главной лестнице Версаля под руку с королем?

Интендант не ответил. Он вполне довольствовался тем, что осадил фантазии д'Эвре упоминанием реального факта.

— Вы что-то знаете о ней? Говорите же, — тормозил его маркиз. — А-а, хотите хранить молчание? Но знайте, однажды я все равно из вас вытащу эту тайну.

Кошка, неизвестно откуда появившаяся у ног группы, обнюхав каждого, остановила свой выбор на

Анжелике. Она замурлыкала и улеглась у ног женщины, точно маленький лев.

— Кошка! — возликовал д'Эвре. — Смотрите, даже животные чувствуют ее обаяние и подчиняются графине де Пейрак. О, вы много потеряли, если не видели ее на «Голдсборо» с медведем.

— С медведем? — переспросил Шарль, ужаснувшись.

— Да. Зверь ужасно разъярился, а она подошла к нему и, склонившись, заставила его успокоиться. Внушила ему эту необходимость.

— Но это очень странно. Вы не говорили мне, что мадам де Пейрак обладает такими необыкновенными способностями.

— Это был незабываемый спектакль!

— Это граничит с колдовством.

— О нет! Это все ее шарм... Вы просто слепец, если не видите, как она необыкновенна!

— Возможно. Но я ни на минуту не забываю, что она принадлежит графу де Пейраку, и не испытываю ни малейшего желания когда-либо объясняться с ним по поводу его жены.

— И справедливо! Но не тягостно ли вам самому всегда все видеть в черном цвете? Да, мы всего лишь гости монсеньора де Пейрака, о чьих приключениях и богатствах, крупнейших в Северной Америке, ходят легенды. Доставив нас в Акадию, он получил наше согласие плыть с ним до Квебека. Вам должно быть известно, что граф направляется туда, чтобы угодить губернатору Новой Франции монсеньору Фронтеньяку.

— Вы всегда смотрите на мир сквозь розовые очки? — иронически спросил Шарль.

— Я счастливый человек, вот и все. Ибо предпочитаю видеть лишь приятные стороны бытия. А что может быть лучше, чем находиться в хорошем обществе, естественно, и в вашем, — д'Эвре слегка

поклонился. Заметив, что Шарль хочет что-то сказать, поспешил продолжить: — Нет-нет, не протестуйте! Итак, находиться в благородном обществе, плыть на прекрасном корабле и при этом иметь возможность изредка беседовать с восхитительнейшей женщиной мира. Да, кроме всего прочего, монсиньор де Пейрак в качестве компенсации за мою «Асмодею», которую у него отбила морские пираты, подарил мне корабль. Правда, я еще не знаю, как назову его... Я буду привозить товары, ценные меха, настоящий ямайский ром и, пожалуй... — он на секунду задумался, подняв глаза к небу, — изразцовые печи! Чудесно, не правда ли?!

— Правда, что вы надоели мне со своим наивным восхищением! — Шарль был не очень-то вежлив. — Сложившаяся ситуация представляется не такой уж и ясной, скорее, запутанной. Я вообще не вижу радужной перспективы. Признаюсь, мне абсолютно все равно, насколько глубоки чувства господина и госпожи де Пейрак друг к другу. Их любовь нас не обезопасит. В Квебеке, уж поверьте моей интуиции, в нас будут стрелять. Готов положить руку в огонь. В случае же, если нам удастся выйти сухими из воды, супруги и впредь заставят нас быть с ними заодно. А если мы откажемся повиноваться, нас просто устранят. Вам должно быть известно, что епископ Лаваль и иезуиты не шутят, когда говорят о колдовстве и распутном поведении. Поэтому я не думаю, что граф и графиня будут приняты с благосклонностью на любой французской территории. Им крышка, и нам, заметьте, тоже.

— Вы преувеличиваете, друг мой! Конечно, наше появление в Квебеке вызовет определенный интерес, но, сознаюсь, мне льстит, когда моей скромной персоне оказывают внимание...

— Боже, с вами бессмысленно о чем-то спорить. Вы влюблены...

— Нет, я не влюблен... ну, разве, немного... Вы не поняли ровно ничего. Вы пали духом. Я не буду больше говорить с вами!

Маркиз Виль д'Эвре обиженно отвернулся. Вот почему Анжелика и её эскорт, возвращаясь с главного мостика, застали обоих собеседников в унылом настроении.

* * *

После короткого осеннего дня маленький флот опять стал на якорь в небольшой бухте залива Св. Лаврентия. Как обычно, капитаны пяти судов собрались на «Голдсборо», чтобы за вечерней трапезой обсудить события прошедшего дня и наметить дальнейшие планы.

— Отсюда уже недалеко до Тадоуссака. Это первый французский пост.

— Надеемся, нас там не встретят в штыки...

— С какой стати? Это только маленькое поселенке, и там нет войск. Здесь, в любом случае, превосходство на нашей стороне. И, кроме того, мы идем с дружественными намерениями.

Флот графа де Пейрак был хорошо вооружен. Он состоял из трех кораблей водоизмещением от двухсот пятидесяти до трехсот пятидесяти тонн каждый и двух маленьких голландских яхт, служивших преимущественно для разведки. Яхты были маневренны и могли, при необходимости, защищать тяжелые корабли с их пушками.

Шестой корабль, яхта «Ла Рошель», должна была ждать у Кантора. Ею командовал шестнадцатилетний сын Анжелики и Жоффрея. Несмотря на столь юный возраст, капитан уверенно чувствовал себя на море. С десятилетнего возраста отец брал его с собой в

плаванье, я молодой де Пейрак накопил богатый опыт, бороздя Средиземное и Карибское моря.

Виньи, бывший пират, капитан печально известной «Пресвятой девы Марии», командовал теперь «Монт-Десертом». Из всех претендентов на это место граф де Пейрак отдал предпочтение именно Виньи, так как последний был католиком и не преследовался во Франции.

Команда «Голдсборо» была сформирована Эриксоном.

Капитанами двух других мощных кораблей были виконт д'Урвилль и кавалер де Барссемпью, французские дворяне, которые вряд ли вызовут недовольство в высшем обществе Квебека, если, конечно, кто-либо не проговорится об их прошлом.

Кроме флота у Пейрака была собственная лейб-гвардия — четыре испанца-телохранителя. Они с давних пор служили в личной охране графа, но никогда не вступали в контакт с экипажами кораблей, тем более, с населением побережья.

Итак, компания из пяти капитанов, а также хозяева и телохранители уже отужинали, когда к столу вновь спустились Мрачный Виль д'Эвре и надутый Шарль Карлан. Анжелика, которую чужие проблемы волновали не меньше своих собственных, поспешила к ним.

— Что случилось, друг мой? — обратилась она к д'Эвре. — Вы выглядите так, будто чем-то озабочены.

Д'Эвре драматически вздохнул. На самом деле он уже забыл об обиде и сейчас чувствовал себя польщенным, ибо сама Анжелика кинулась успокаивать его.

— Я озабочен тем, графиня, — сказал он грустно, — что теологи правы, утверждая, будто чистилище начинается на земле. Я только представил себе, как должно быть одиноко тем людям, что вынуждены жить в этом унылом краю.

— Вы об этом говорили с монсиньором Шарлем?

— И об этом, — уклончиво ответил маркиз.

— Садитесь же и расскажите мне все.

Скоро Анжелика почти раскаялась, что затеяла этот разговор. Стоял изумительный вечер, жаль было бы портить его. Графиня наслаждалась, наступившим спокойствием и свежим воздухом. После памятной стоянки в Санта-Крус де Мерси никаких происшествий не случилось, а о трагической ночи, как и уговаривались, никто не вспоминал.

Иногда Анжелика спрашивала себя: уж не сон ли то был? Единственно, что изменилось — ее отношения с Жоффреем. Супруги сблизились еще больше, и граф, — гордый, независимый и самолюбивый де Пейрак — не принимал никакого решения, предварительно не обсудив все детали с Анжеликой. А чем ближе они были к Квебеку, тем больше возникало проблем.

Временами графине казалось, что их цель еще далека. Море не баловало разнообразием впечатлений: белые баранчики пены на невысоких серых волнах, белые шапки снега на мрачных прибрежных утесах... И ноябрь. Не лучшее время для путешествий. Холодный, пронизывающий насквозь ветер приносил запахи рыбы и водорослей; иногда они смешивались с изысканными ароматами кухни монсиньора Тиссота, создавая странный букет. Именно этот букет терпкого аромата старого вина, грибов, жареного мяса, креветок и морской соли занимал Анжелику, когда голос маркиза вновь вернул ее к реальности:

— Он очень ограниченный человек, — д'Эвре, пригубив из бокала, закусывал фисташками.

— Ну, разумеется, — рассеянно согласилась Анжелика, совершенно не вникая в суть разговора.

— И я! — запротестовал маркиз. — Я тоже ничего не понимаю в вопросах торговли. Я не так образован.

— Ну, разумеется... То есть, я хотела сказать, что вы один из самых эрудированных аристократов.

— Вы прелестны! — пробормотал маркиз, целуя ее руку. — Я был бы счастлив принять вас у себя. Вы не разочаруетесь в моем гостеприимстве. Вот увидите...

И он многословно начал описывать свой дом и его обычаи.

Но Анжелика не слушала его. Она думала о том, как тяжело ей будет жить всю зиму в Квебеке в обществе этих болтливых и любопытных людей, интересующихся личной жизнью графини и ее супруга. И еще о том, что, несмотря на оптимизм Жоффрея, который все еще молчал о поручении губернатора Фронтеньяка, Анжелика не ждала ничего хорошего от конечной цели их путешествия. Она помнила о покушении на мужа и нисколько не сомневалась, что в Квебеке их ждут враги, более того, была готова к этому. У нее уже не было другого пути, как продолжение борьбы.

— А вы не знаете, кем был Варанж? — беспечно и совсем некстати спросила она Виль д'Эвре.

Маркиз озадачился.

— Варанж? Вы знаете его? И почему вы сказали — был? Он умер?

Анжелика спохватилась, что выдала себя. Она на долю секунды, всего на долю секунды задумалась, а потом столь же беспечно солгала:

— Кто-то мне говорил, что это барон де Маудрибург. Рассказывали, он жил в Канаде, потом вернулся во Францию...

— Если бы это было так, я бы знал об этом, — пожал плечами маркиз.

Его мысль лихорадочно работала: «Нет, наша прекрасная графиня определенно хитрит! Варанж — что же могло с ним произойти? Старый дамский угодник! О! Оказавшись в отдаленной колонии, он определенно посвятил себя гнусным аферам! У него

важный пост в казначействе Квебека... Наверное, эта дама знает что-то о его намерениях. Нет, я не буду его больше посещать! Если его ноги еще топчут эту брэнную землю — Все же с ним определенно что-то произошло, и Анжелика знает, но скрывает. Что за чертова баба!»

Куасси Ба принес вина на серебряном подносе, и Анжелика предложила маркизу освежить горло.

— Да, я охотно что-нибудь выпью, — согласился д'Эвре. — Я так долго описывал Шарлю ваши бесчисленные достоинства, но, увы, напрасно. Он отгородился от меня мрачной стеной логики. Он не признает мечты, друг мой, но только реальность...

В ответ на эту тираду Анжелике ничего не оставалось, кроме как беззаботно рассмеяться.

Огромный негр с поклоном удалялся. Анжелика посмотрела ему вслед. Он был не просто слугой, он был верным, преданным другом.

Анжелика представила себе, как загорелись бы невыразительные глазки Виль д'Эвре, узнай он о графе и графине де Пейрак то, что знает о них Куасси Ба. Но этого никогда не случится — чернокожий слуга не выдаст ни одной тайны ни за какие блага мира.

Вскоре он снова появился сервировать стол. Его обшитая золотом ливрея была подбита мехом, чтобы привыкший к теплу африканец не страдал от холодного северного климата. Белые с золотой каймой чулки и туфли с пряжкой, на высоком каблуке, выгодно подчеркивали ровные линии его сильных ног. Седые волосы были скрыты под тюрбаном из ярко-красного шелка, на фоне которого его лицо казалось еще чернее. Две большие золотые серьги — подарок монсиньора де Пейрака — украшали уши. Негр передвигался бесшумно, с гибкостью пантеры.

— Да, лакей Пейраков привлечет внимание всего Квебека, — с завистью подумал д'Эвре. Иметь такого

вышколенного, преданного слугу было его давней мечтой. Увы, сейчас ей не суждено сбыться. В этом захолустье, в этой провинции — что знают о манерах, о моде? Конечно, он пошлет из Квебека курьера в Европу. Приятельница из Парижа позаботится о том, чтобы маркиз получил ткани от Понтарвилля и двух юных пажей из Судана. Но смогут ли они так же безупречно работать? И, кроме того, все это прибудет в Квебек не раньше следующей весны.

Маркиз огорченно вздохнул и вновь отхлебнул глоток вина.

Громкий голос монсиньора де Вуверанжа прервал его невеселые мысли.

— Почему, собственно, вы так поздно пустились в путь? Считайте, вам просто повезло: для этого времени года погода стоит поразительно теплая. В ноябре обычно река замерзает.

— По-моему лучше обнаружить на реке ледокол, нежели вражеский корабль.

Шарль бросил на маркиза раздраженный взгляд.

— Вижу, вы неплохо осведомлены о проблемах этой страны. Действительно, на данный момент все корабли находятся в Европе, поэтому вы и не боитесь, что на вашем пути появится военный флот, Кстати, факт, что Новая Франция не имеет вооруженного военного флота — вечный предмет спора между мною и монсиньором Кольбертом. Но не окажутся ли ваши расчеты напрасными, если Квебек откажется открыть свои ворота?

— Надеюсь, вы шутите? Не думаете же вы на самом деле, что нас не пропустят в Квебек? — выпалил д'Эвре, сожалея о вконец испорченном вечере. — Вот увидите: наши друзья будут встречать нас на берегу... они оставят все дела, чтобы приветствовать нас!

Маркиз уверенно усмехнулся. Однако в глубине души он чувствовал, хотя и не отдавал себе отчета, что

конечная цель их путешествия, которое протекает в столь дружелюбной атмосфере, может обмануть их ожидания. Миновав остров Антикости, они вошли на французскую территорию. Что бы там ни было, а их вряд ли с удовольствием примут в любых владениях Людовика XIV.

В течение последующих нескольких дней путешественники пересекли впадающую в залив реку, заметив невдалеке несколько индейских каноэ и рыбацких лодок; аборигенов, казалось, мало интересовал флот под чужим флагом, идущий в направлении Квебека. Прошли мимо Кап фон Капсю — нескольких островов, поросших диким лесом. Погода начала портиться на глазах. Целый день они плыли, оставляя по обе стороны залива грустный пейзаж, монотонность которого нарушали лишь звуки горна, доносившиеся с идущих в тумане кораблей.

К вечеру туман рассеялся. Лучи заходящего солнца осветили лес, кроны деревьев переливались прекрасными красками осени.

Флот де Пейрака состоял уже из шести кораблей — подоспела яхта «Ла Рошель». Все капитаны собрались на «Голдсборо», чтобы поздравить де Пейрака, достигшего французской бухты западного побережья. Именно здесь его соотечественники одержали победу над английским флотом.

— Ну-с, мы на территории Франции, а в нас все еще не стреляют, — язвительно заметил д'Эвре интенданту. — А я, между прочим, познакомил мадам с вашими пессимистическими соображениями.

— О, признаюсь, я глубоко огорчил мадам. Правда, не желая этого.

— Не раскаивайтесь, моксиньор Шарль, — успокоила его Анжелика, — вы совершенно правы, когда смотрите в будущее не так оптимистично, как маркиз.

Сама Анжелика чувствовала себя подавленной. Во-первых, потому что она вновь оказалась на французской территории, а во-вторых, из-за того, что здесь о ее муже ходило слишком много нелепых слухов: одни считали его сторонником англичан, желающих захватить французские территории, другие — опасным и вероломным пиратом. При такой славе непросто было выполнить его планы. Смущало графиню к присутствию интенданта.

— Вижу, вы всегда готовы поспорить с маркизом, убежденным, что жизнь нужно видеть только в розовом цвете. — Она попыталась скрыть свое беспокойство, вновь обращаясь к Шарлю. — Я же без всяких споров разделяю ваши опасения...

— А ваш супруг — нет! — вырвалось у маркиза, кинувшего взгляд в сторону графа де Пейрака, который стоял поодаль.

Анжелика покачала головой.

— Нет. Он — нет... Он всегда готов бросить вызов судьбе. Он живет надеждой.

К графу подошли гости «Голдсборо» — монсиньор де Ваувенарт и математик Фальерс. Завязалась оживленная беседа. Куасси Ба. держа в руках щипцы с раскаленным углем, помогал хозяину раскурить сигару — трубочку, свернутую из табачных листьев. Жоффрей с наслаждением выпустил дым.

«Как тогда, в Тулузе», — подумала Анжелика.

Казалось, все идет по замкнутому кругу, все повторяется. Как только исчезали все преграды, судьба ставила новые препятствия. Жоффрей, действительно, так спокоен, так самоуверен, что и ей передается его состояние. И она, Анжелика, которая настроена куда как более критически, чем муж, в конце концов тоже начинает верить, что все будет хорошо.

Почувствовав на себе взгляд Анжелики, граф повернулся к ней. И его темные глаза, как всегда в

такие мгновения, озарились светом: он здесь, он рядом, ей нечего опасаться. О, сколько всего было в этом нежном любящем взгляде! Целая жизнь... За год до этих событий супруги пережили в лесах Нового Света невероятные приключения, упорно преодолевали враждебность канадцев, холод и голод, а сегодня плывут на великолепном корабле, нагруженном золотом и мехами. Их сопровождают преданные друзья. Ну не чудо ли это? Не означает ли это, что судьба управляет Жоффреем, а Жоффрей судьбой? А раз так — то и Анжелике бояться нечего.

Тысячи препятствий преодолели они в течение года. Даже, когда их поражение, казалось, было неминуемым, а смерть очевидной, они побеждали и победят на этот раз, войдя в Квебек в зените могущества и богатства.

Глава 6

Раздался радостный детский смех. Дочь Анжелики Онорина и ее маленький приятель Герубин с визгом выскочили на мостик, пытаясь догнать кошку. Пушистый серый комочек метнулся по канату, спасательной лодке, мостику и исчез в обратном направлении так же быстро, как появился.

— Ой, умру, не могу больше, — крикнула ему вслед прехорошенькая девчущка, запыхавшись, обмахиваясь платицем.

Герубин выглядел совсем маленьким по сравнению со своей подружкой, хотя дети были ровесниками — каждому шел шестой год. Мальчик был поразительно похож на отца — маркиза Виль д'Эвре. Матерью же была известная в этих местах пионерка французской бухты, темпераментная и отважная индианка из Акадии Марселина-ла-Беллю.

В большой семье Марселины, все дети которой происходили от разных отцов, Герубин был самым младшим. Ребенка взяли на корабль с согласия

Анжелики, так как его старшая сестра, двадцатилетняя Иоланда, взялась присмотреть за детьми. Девушка появилась на палубе в сопровождении солдата Адемара и Нильса Аббиала, сироты из Судана, брошенного иезуитом Луисом-Паулем Марайхером в Нью-Йоркской гавани. Для каждого из этой троицы путешествие имело особое значение.

Иоланда до сих пор ничего, кроме торговых лавок северного форта и полуразрушенной часовни, в своей жизни не видела. А теперь она попадет в настоящий город. Город со множеством церквей и крепостью.

Адемар дезертировал из действующей армии, но здесь, в составе экипажа, он нашел себе применение.

Нильсу Аббиалу было совершенно все равно куда и с кем плыть. Главное — чтобы был кусок хлеба и крыша над головой.

Что касается Герубина, то не для него, а для отца это путешествие имело особое значение. Маркиз предвидел реакцию высшего света Квебека на свое появление с этим мальчиком. Конечно, поначалу пойдут самые нелепые слухи, но очень скоро граждане города уловят необыкновенное сходство Герубина с д'Эвре. Маркиз по привычке уже строил далеко идущие планы: видел великолепно воспитанного и образованного сына пажом при дворе короля.

* * *

Для большинства пассажиров жизнь на корабле была приятной и необременительной. В том числе, и для кошки, но только не сейчас. Бедное животное, до смерти напуганное детьми, подбежало к Анжелике, как бы ища у нее защиты. Когда-то, в начале прошлого лета, графиня уже спасла зверька, выходила больную бродячую киску, подобранную в форте, и поселила ее на «Голдсборо». Все невероятные приключения кошка переживала вместе со своей хозяйкой.

Когда Онорина увидела, как кошка ластится к Анжелике, она заявила обиженно:

— Да, мама, киска любит вас больше, чем меня!

С недавних пор, когда семья снова собралась вместе, девочка стала обращаться к родителям на «вы», пытаясь доказать этим не только свою взрослость, но и недовольство тем, что ей так долго пришлось одной оставаться в Вапассу.

— Нет, дитя мое, она, конечно же, больше любит тебя. Но кошка — благородное создание, не забыла, как я ухаживала за ней, когда она погибала от болезни и голода.

И Анжелика рассказала дочери, как плоха была бедняжка-кошечка, как грустно смотрела она из-под полуопущенных век. Девочка нежно прижалась к матери, и Анжелика взяла ее на руки. С любовью и гордостью смотрела она на личико, обрамленное вьющимися волосами, Онорина, действительно, была красавицей. В ее облике было что-то от сказочной принцессы. Молочно-белая совершенно незагорелая кожа лица была на щеках покрыта нежным румянцем, а волосы вились, как у матери, — золотисто-коричневые. Взгляд ясных темных глаз был лишен жеманного кокетства: они смотрели строго, смело и глубоко. Онорина, несомненно, была маленькой личностью.

— Ты хорошо будешь кушать в Квебеке? — спросила Анжелика. Она нежно поцеловала шейку девочки. Ее мысли приняли странный оборот: — ...ты француженка, ты родилась в Пуату, тебя принимала Мелусина, которую считали ведьмой...

— А ты не дашь мне больше этого пирога? — спросила девочка, с интересом наблюдавшая за матерью.

Промелькнула тень, и какой-то человек подошел к Жоффрею. Он что-то сказал приглушенным голосом, и Анжелика скорее угадала, чем услышала его слова:

— Нас преследует корабль, монсиньор!

Глава 7

Эту весть принес лоцман Эспирт Ганемот, которого взяли на борт из бухты Камуре. Он оставил семейное дело на западном побережье Акадии и хотел вернуться в Канаду, но для этого нужны были деньги. Ганемот и несколько его земляков, доказавших свою лояльность, получили от Пейрака щедрую плату. Таким образом, граф обеспечил себе преданных подопечных. Сегодня Эспирт в очередной раз доказал свою верность, проявив заботу о безопасности корабля.

Анжелика поднялась и бессознательно притянула к себе Онорину и Герубина, инстинктивно пытаясь защитить их от неведомой угрозы. Гости поднялись со своих мест и обратили вопрошающие взгляды к Пейраку. Увидев смущение и тревогу окружающих, спокойный доселе граф тоже поднялся и задумчиво закурил сигару.

Приближалась ночь. От воды тянуло ледяным холодом.

Долго и с явным удовольствием выпускал Жоффрей последнее голубое облачко дыма. Затем он положил едва тлеющую сигару, вернее, то, что от нее осталось, в небольшую серебряную чашу, до краев наполненную водой.

— Что случилось? — Виль д'Эвре, наконец, сообразил, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— За нами следует чужой корабль, — невозмутимо объяснил Пейрак.

Все присутствующие автоматически повернули головы в ту сторону, откуда могли появиться преследователи.

— Нет, этого не может быть! — воскликнул д'Урвилль. — На десятки миль вокруг нас никого не было... Не хотите ли вы сказать, что некое неизвестное

судно вошло в пролив Святого Лаврентия в такое время года?.. Но это невозможно!

— Может быть, этот корабль послан королем для поддержки Квебека? — предположил один из капитанов.

Пейрак рассмеялся.

— Для какой поддержки? Насколько мне известно, городу не угрожает опасность. О моих же намерениях Людовик вряд ли осведомлен. Даже, если среди моего окружения есть королевский шпион, он просто не успел бы поставить короля в известность.

— Некоторые мысли, граф, переносятся по воздуху, — резонно заметил капитан.

— Король Франции не принадлежит к тем людям, на решения которых могут влиять неопределенные предположения, — Пейрак умел правильно оценивать своего противника.

К графу подошел озабоченный Эриксон:

— У вас есть какие-то указания относительно чужого корабля, монсиньор?

— Пока, пожалуй, нет, — ответил граф. — Мы стоим на якоре, и самое мудрое, что можем предпринять — подождать до утра. Думаю, наш преследователь сделает то же самое — невозможно же продолжать плавание в темноте.

Несмотря на позднее время и пронизывающий холод, с палубы никто не уходил. И члены экипажа, и гости Пейрака строили самые разнообразные предположения.

— Не исключено, — сказал лоцман Эспирт Ганемот, — что этот корабль ушел в море из Квебека, но потерпел аварию и возвращается.

— Но как далеко от нас? — спросил интендант Шарль, кутаясь в пальто. — И как вы вообще узнали о его существовании?

— Я оставил в Гаспью двух наблюдателей, — пояснил Ганемот, — и они передали мне это известие через индейского гонца.

— Возможно, это торговое судно из Акадии? — полувопросительно произнесла Анжелика.

— Уверен, нет, — возразил Жоффрей. — Будь это так, нам непременно сообщили бы. В это время года в залив Св. Лаврентия могло войти, кроме наших кораблей, только одно судно. «Саис-Ройр» корсара Ванерейка. Впрочем, я могу ошибиться, не так ли, монсieur Вуверанж?

— Ваше предположение наиболее правдоподобно, — согласился Шарль. — Видимо, Ванерейк идет в Квебек, чтобы попытаться получить от Фронтеньяка освобождение от налогов и посетить одну даму... Поговаривают, Ванерейк намерен жениться... О нет, корсар не станет ссориться с обитателями «Голдсборо»!

— Хорошо бы, если б это было «Саис-Ройр», — возразил лоцман. — Но это может быть и другое судно — не следует об этом забывать. Возможно, что за нами идут англичане...

Пейрак решительно отверг эту версию.

— О, это маловероятно. Ни один англичанин не осмелится сейчас войти на эту территорию. Ведь тут у британцев две опасности: погибнуть, зажатыми во льдах, или попасть в плен. Вряд ли им по душе обе эти перспективы! Нет, уверен, это, скорее, торговое судно, которое, опоздав в Гавр или Нант, вернулось в залив.

— Что же все-таки вы намерены предпринять? — спросил Шарль.

— Я доложил. Будем ждать до рассвета. Может быть, кораблю все-таки удастся догнать нас.

— А потом?

— Все будет зависеть от того, как будут вести себя люди на чужом судне. Если они атакуют, примем бой. Если нет — тем лучше. Не беспокойтесь: мы успеем

распланировать. На месте определим, куда идти, сколько человек может остаться на борту, какую добычу привести в наш лагерь...

— Вы рассуждаете, как пират! — воскликнул интендант.

— А я пират, монсеньор, — парировал Жоффрей. — Правда, говорят, я меньше всего похож на грозу морей и океанов...

Анжелика почувствовала, что он смеется. В темноте она не видела его лица, ощущала лишь руку мужа на своем плече. Анжелика прижалась к этой теплой, пропитанной знакомым запахом табака и дорогих духов ладони, как бы ища у нее защиты.

— Я не пират, господа, я колдун, — продолжал Жоффрей, не обращая внимания на всеобщее замешательство. — Мое брненное тело семь лет тому назад сожгли на Гревской площади Парижа...

Внезапно все разговоры прекратились, и наступила почти кладбищенская тишина. Тягостное молчание прервал Виль д'Эвре, решивший обратить все в шутку.

— Однако вы выглядите достаточно живым!! — маркиз звонко захохотал.

— Я могу защищаться благодаря моему магическому дару, — Жоффрей вновь стал серьезным, — Но знайте же, господа, король Франции — и я благодарен ему за это — свой приговор временно отменил. Граф де Пейрак Тулузский был сожжен лишь символически, Но и этого достаточно.

На сей раз молчание длилось еще дольше. Все словно забыли о чужом корабле.

— И... король... вас помиловал? — осторожно спросил Шарль.

— И да, и нет... Скорее, забыл. Благодаря этому я и оказался здесь. Я должен снова напомнить Людовику о себе, опять заслужить его благосклонность. Наступило

мое время. Слишком долго я кружил по свету с клеймом вероотступника.

Матросы зажгли факелы, и в их неровном свете было видно, как побледнел Шарль. Он искренне сожалел, что попал в эту историю, связав свою судьбу — пусть и ненадолго — с судьбой графа де Пейрак. Ситуация оказалась гораздо хуже, чем он предполагал. Он знал, что у владельца «Голдсборо» были неприятности с французскими властями, знал, что Людовик не благосклонно относился к графу, но знать это одно, а попасть в одну компанию с тулузским авантюристом — совершенно другое... Старые друзья Пейрака — Эриксон и д'Урвилль, напротив, не высказали ни удивления, ни разочарования после пламенного признания графа. Тайна Жоффрея им давно была известна, но они нисколько не сомневались в честности и благородстве своего хозяина, и этого было достаточно, чтобы они пошли за ним в огонь и воду.

Барссемпью и Ваннеу, а также некоторые другие члены экипажа, состоявшие на службе у Пейрака не столь длительное время, как Эриксон, остались равнодушными ко всему, о чем говорил хозяин. У каждого из этих людей были свои тайны, и скрывать их или, напротив, обнародовать было личным делом владельца. Граф — рассуждали они, — решил раскрыть карты. Что ж, значит, ему так удобнее. Но это проблемы Пейрака, и пусть они касаются только его.

Анжелика же была взволнована сверх всякой меры. Она почувствовала настороженность, которая исходила сейчас от некоторых людей, окружавших графа и ее, представила себе состояние Жоффрея и неожиданно выкрикнула:

— Сир! Я опять здесь! Я, синьор Тулузы, осмелившийся бросить тень на ваше высочество и поплатившийся за это свободой и родиной!

Это было настоящей провокацией. На лице интенданта выступили красные пятна гнева. Забыв о приличиях, о том, что перед ним дама, он грубо одернул Анжелику:

— Мадам, мне кажется, вас покинул разум! Ваш муж только что сделал нам такое признание! А теперь вы подвергаете насмешкам короля Франции, хотя его власть распространяется далеко за пределами Европы!

— Вы несправедливы ко мне, — Анжелика смотрела Шарлю в глаза. — Или я сказала что-то, что еще не было известно его величеству королю Людовику XIV? О, в отличие от вас, интендант, он знает обо мне предостаточно, и совершенно не нуждается в вашей защите. Я три года пробыла в Северной Америке, и у меня было достаточно времени на размышления. Я пришла к выводу, что сегодня справедливость на нашей стороне. Годы прошли. Монарх сейчас в зените славы, и с высоты своего нынешнего положения, думаю, посмотрит на наше возвращение в его владения снисходительно.

— Вы так уверены, будто только вчера были на аудиенции у его величества! Вы бросаете вызов королю и высшему свету Франции. Это недопустимо! — интендант почти кричал.

— Я уверена только в одном: вы вряд ли понравитесь его величеству.

— Вы были и остаетесь азартным игроком! Вы... вы... вы авантюристка! — Шарль пришел в бешенство.

— А вы, господин интендант? Кто вы? Лицемер? Делаете вид, что ничего не знали о нас. А я уверена, власти Квебека послали вас следить за графом. Ведь в ведомстве Фронтеньяка издан на сей счет специальный указ и давно уже имеется специальная служба, не так ли?

Некоторое время Вуверанж молчал, пытаюсь совладать с собою. Потом он тяжело вздохнул и

недоуменно пожал плечами:

— Конечно, ходили разные слухи... Но что касается меня, я не придавал им значения... Утверждали даже, что супруга де Пейрака — ведьма... Забавно, не так ли? Я вижу в этом выход народной фантазии... Но что касается слезки за вами... Мне тягостно, мадам, слышать от вас подобные обвинения.

— И вы ничего не знаете об указе губернатора Фронтеньяка? Не имели случая прочесть его лично?

— Я знаю только о том, что специальный указ, касающийся вас, существует. Но монсieur Фронтеньяк держит его в строгой тайне. Не уверен даже, что губернатор ознакомил с ним монсieurа Лавалля.

— Кажется, на вас можно положиться! — подойдя к интенданту, Пейрак фамильярно похлопал его по плечу. — А я и не ожидал подвоха от брата-соотечественника. Конечно, господа, я озабочен будущим. Но вам не стоит волноваться! Я иду в Квебек, чтобы, наконец, разобраться с теми недоразумениями, которые преследуют меня чуть ли не всю жизнь, и убрать с пути последние преграды. Не знаю, много ли времени отпустил мне Господь, но хотелось бы оставшиеся годы наслаждаться миром со своими соотечественниками и сознавать, что я вместе с ними укрепляю могущество Франции. Надеюсь, вы разделяете мою позицию, монсieurы?

Виль д'Эвре искренне воскликнул:

— А мне абсолютно все равно, кто вы — пират, колдун или то и другое вместе! Для меня существенно одно: вы обаятельнейший и богатейший человек Северной Америки. И совершенно очевидно, что последнее обстоятельство принесет пользу не только Франции, но и каждому из нас — ваших сторонников. Не правда ли, мой дорогой Шарль? — он с улыбкой повернулся к интенданту. — Итак, предлагаю выпить за успех нашего предприятия. Это вино, — он высоко

поднял старинный хрустальный бокал с великолепным рубиново-красного цвета напитком, — это вино превосходно, господа! Немного тяжеловато для мясных блюд, но для нашего случая... Это ведь испанское вино, я не ошибаюсь, дорогой граф?

— Совершенно верно, — подтвердил Пейрак. — Ванерейк привез мне немного из Новой Мексики. Я давал ему поручение найти настоящее французское вино, типа бургундского. Но, увы, пока что это не удалось. Жаль, потому что у меня всего два бочонка с отечественным вином, да и те зарезервированы для господина Фронтеньяка. Я знаю, что у него частые застолья, нонет французских вин. Это невыносимо для гурмана.

— Мы все гурманы, — понимающе кивнул д'Эвре. — И не смогли избавиться от этого национального порока даже в походных условиях на борту вашего корабля. Итак, давайте выпьем! Сюда, Шарль, чокнемся! Да смейтесь же! Жизнь все-таки прекрасна!

Куасси Ба снова наполнил бокалы.

Глава 8

Отправляясь спать, Онорина уложила в свою кроватку кошку, которая тут же свернулась калачиком и ласково замурлыкала, и пристроила сундучок с сокровищами. Пока девочка размещала свое хозяйство, Анжелика, опустившись на стул, разглядывала каюту. Это было просторное уютное помещение с хорошей вентиляцией. Здесь жили трое — Онорина, Герубин и Иоланда. За перегородкой, которую на ночь убирали, размещались «девочки короля» под присмотром Дельфины де Росойс. В этой части корабля размещались только эти шестеро обитателей: священники, господин де Ваувенарт и господин де Гранд-Ривер устроилась в другом конце судна, рядом с проповедником господином Квентином. У Адемара тоже было свое логово в темной углу рядом с паровым котлом. Для

бедного парня, побывавшего в плену у англичан, это помещение было настоящим салоном.

Сидя у кровати дочери, Анжелика увидела, как мимо раскрытой двери прошел молодой солдат. Он лишь на мгновение замедлил шаг, бросив быстрый взгляд на Иоланду. Бедняга Адемар был влюблен в сестру Герубина, и увидев, как девушка расчесывает свои непокорные вьющиеся волосы, днем спрятанные под белым чепчиком, засиял от восхищения.

Чтобы не смущать юношу, Анжелика быстро отвернулась к дочери. Онорина рассматривала свои сокровища: раковину, камешки, увядшие цветы, золотую погремушку, которую держала еще в колыбели, колечко, подаренное отцом...

— Когда мы будем в Квебеке, я им все покажу, — вполголоса рассуждала она сама с собой. — Но только самым хорошим.

Анжелика поняла, что присутствие при взрослой беседе не прошло для девочки даром.

— А плохих я буду убивать! — героически заключила Онорина.

Анжелика едва сдержала смех. Давно она не слышала из уст дочери таких серьезных заявлений.

Путешествие в Квебек разбудило в прекрасной графине казалось бы исчезнувшие навсегда воспоминания раннего детства, когда все кажется таким таинственным, страшным... Тогда, в Ла Рошеле, у маленькой Анжелики была скверная привычка с палкой в руках нападать на человека, не внушавшего ей симпатии. В такие минуты она кричала во весь голос:

— Я хочу тебя убить!

Когда, наконец, Онорина разобралась со своими сокровищами, Анжелика помогла ей спрятать в ногах под одеялом шкатулку с «драгоценностями» и улечься поудобнее. Она гладила Онорину по нежной круглой

щечке и едва сдерживалась, чтобы не заплакать от переполнявшей ее нежности.

— А у меня тоже была такая шкатулка с драгоценностями, — поделилась она с дочерью секретом своего детства.

— Правда? — Онорина с интересом посмотрела на мать. Она проползла по кровати, вновь достала из-под одеяла заветную шкатулку, открыла, бросила взгляд на сокровища и поставила коробочку у изголовья. — И что там было внутри?

— Я не помню точно... Там было гусиное перо... перо одного поэта из Парижа... и еще нож... египетский кинжал...

— А у меня нет ножа, — пожаловалась Онорина, закрывая глаза. — Мне обязательно нужен... один... А где твоя коробочка сейчас?

— Я не знаю, девочка моя.

Онорина повернулась на другой бочок и пробормотала, засыпая:

— А где... поэт?

Не дожидаясь ответа, она тихонько засопела во сне, как маленький щенок, и причмокнула губками.

Целуя свою спящую дочурку, Анжелика услышала за спиной легкий шепот:

— Мадам, вам нужна моя помощь? Может быть, вам расстегнуть платье? Мама приказала мне исполнять любое ваше желание.

Анжелика обернулась к Иоланде.

— Нет-нет, благодарю. Ты и так достаточно занята с этими двумя чертенятами.

— Ну что вы... Я привыкла заниматься с детьми и работать. А на корабле мне совершенно нечего делать. Я могла бы прислуживать вам. Конечно, я пока еще не все знаю, и, пожалуй, могу запутаться в дамских нарядах, но я очень быстро научусь, клянусь вам. Я достаточно способная, просто не очень красивая...

— Боже, что за глупости ты говоришь, — запротестовала Анжелика. — Ты очень хорошенькая. Но не в этом дело. Мне больше нужна гувернантка для дочери, нежели камеристка.

— Ну, возьмите себе в прислугу хотя бы Генриетту, — Иоланда кивнула на перегородку, за которой спали «дочери короля». — Она долгое время прислуживала одной знатной даме и прекрасно разбирается в туалетах и вообще во всем, что касается женщины. Она помогала одеваться герцогине де Маудрибург.

— Нет, ни в коем случае! — запротестовала Анжелика.

— Она сама говорила, что привыкла к такой работе и что сочла бы за честь прислуживать мадам.

— Правда, нет, — повторила Анжелика. Одно лишь упоминание имени герцогини де Маудрибург приводило ее в дрожь. — Вы обе прелестные девушки, но пока я справляюсь сама. Позднее, в Квебеке, посмотрим. А сейчас извини, мне пора идти. Спокойной ночи.

Энрико Енци провожал графиню по темной палубе, освещая путь фонарем. Большинство обитателей «Голдсборо» уже спали.

— Да, когда-то и у меня была шкатулка с драгоценностями, — думала Анжелика. — Где же она осталась?

Графиня попыталась вспомнить. Она увидела себя маленькой девочкой, юной девушкой в Париже... Вспомнила поэта Клауде де Пепита, памфлетиста, чье перо хранилось в ее коробочке... Его потом повесили, несчастного... А кинжалом, привезенным кем-то из Египта, длинным острым кинжалом она хотела убить короля воровской шайки...

Было холодно, и Анжелика поплотнее запахнула пальто. Шел мерзкий морозящий дождь, и из-за туч не было видно луны.

Энрико осветил фонарем мостик, и Анжелика увидела стоящего в одиночестве Жоффрея. Сейчас он казался еще более таинственным, еще более величественным. Был ли он озабочен появлением чужого корабля? Опасался ли преследования?

— Как вы думаете, зачем за нами следует корабль? Вы знаете о нем что-нибудь? — спросила она у Энрико.

Мальтиец отрицательно качнул головой:

— Вообще-то нет. Мой синьор убежден, что это торговое судно, потерпевшее аварию. Хозяин предложил подождать до рассвета. Но вам не следует беспокоиться: в любом случае перевес сил на нашей стороне.

Помолчав немного, он добавил:

— Монсиньор приказал удвоить посты на вахтах и распорядился, чтобы капитаны дежурили всю ночь. Двух человек на берег послали для наблюдения.

Пройдя третий пролет лестницы, Анжелика и ее провожатый остановились у двери, ведущей в салон. По обеим сторонам ее стояли огромные фигуры мавров, вырезанные из черного дерева. Они держали массивные золотые светильники с лампами из венецианского стекла.

— Мадам виконтесса может спать спокойно, — сказал на прощание Энрико. — В конце концов мы не впервые проводим ночь в полной боевой готовности. Вам нечего опасаться, вы и ваши дети надежно защищены.

Анжелика улыбнулась:

— Спасибо, Энрико. Вижу, ты опять в своей стихии. Тебе ведь лучше странствовать по морям, нежели отсиживаться на суше, в Вапассу, не правда ли?

Южанин учтиво поклонился:

— Я счастлив везде, если нахожусь в обществе графа и графини де Пейрак!

— О, да ты умеешь делать комплименты! Наверняка столь галантный кавалер вскружил голову не одной местной девчонке?!

Энрико рассмеялся:

— Может быть, мадам! Разрешите идти?

Анжелика вошла было в открытую мальтийцем дверь салона, когда, почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулась. Жоффрей, склонившись над балюстрадой, наблюдал за женой. Выглянувшая из-за облаков луна светила ему в спину, и Анжелика не могла разглядеть выражение лица Пейрака.

— Я услышал ваш смех, мадам. И решил поинтересоваться: с кем же вы так кокетливо беседовали?

— С Энрико Енци. Он пытался меня успокоить.

— Моя дама взволнована? Позвольте же узнать, чем? Уж не тревожитесь ли вы из-за чужого корабля? Не стоит беспокоиться: скорее всего, за нами следует какое-то судно, потерпевшее аварию. На всякий случай, я позаботился о безопасности наших кораблей, но, думаю, ничего страшного не случится.

Помолчав секунду, он добавил:

— А если будет необходимость, я сам о вас позабочусь.

Анжелика не ответила. Она молча смотрела на мужа, плотнее закутавшись в пальто, будто ее знобило. Она не стала объяснять Жоффрею, что не столько чужое судно, сколько он, де Пейрак, напугал ее сегодняшним вечером, когда вздумал публично рассказать о своем прошлом. Она была бы куда спокойней, если бы все по-прежнему оставалось в тайне. Графиня боялась, что Жоффрей накличет беду, и прошлое, вынырнув из затаившихся в потаенных уголках памяти воспоминаний, вновь станет явью. Ей вдруг показалось, что потянуло дымом от костра, разожженного на берегу Сены: этот зловещий залах

напоминал о том, что воля короля обязательно будет исполнена, несмотря ни на время, ни на расстояния... Несуществующий сейчас дым несуществующего сегодня костра говорил и о том, что Жоффрей, чудом избежавший гибели, смог спастись тогда, в Париже, только при помощи нищих и бандитов. Тогда Анжелика поделила его участь, но как бы ей не хотелось, чтобы все повторилось сейчас!

Голос Пейрака, мягкий и нежный, как всегда, когда он говорил с нею, вернул графиню к реальности:

— Вы совсем замерзли, милая! Идите в салон, согрейтесь. Я скоро к вам приду!

В салоне, действительно, было тепло и уютно. Огромная изразцовая печь дышала жаром; широкий восточный диван в алькове, наполовину скрытый за парчовыми занавесями, сулил сладкие сны; матовый свет, пробивающийся сквозь огромные окна с витражами, отражался на бронзовых и золотых дверцах мебели, дорогих переплетах книг, хранившихся в палисандровом шкафу. К Анжелике вновь вернулось хорошее настроение и чувство безопасности. Она небрежно бросила в широкое кресло горностаево пальто и начала раздеваться. Уже через пять минут она пожалела, что отказалась от услуг Иоланды или Генриетты. Избавиться от пышного модного наряда без помощницы было нелегко. Распутывая длинные ожерелья, расстегивая с терпением пчелы бесчисленные крючки, пряжки, распутывая шнуровки, Анжелика совершенно обессилела. Посмеиваясь над собою, она опустилась на край кровати и начала стягивать шелковые лионские чулки, плотно облегающие ногу. Увы, и с этим практически невозможно было справиться в одиночку. Да, раздумывала Анжелика, здесь нужна помощь не одной, а по крайней мере двух девушек. О, как быстро управилась бы графиня, будь на корабле ее первая

горничная Маргот! Или Жавотта, которая прислуживала очаровательной маркизе дю Плесси де Бельери, — прелестная девушка, впоследствии вышедшая замуж за шоколадного фабриканта Давида Гуллона. Правда, безрассудство Жавотты доставляло Анжелики много хлопот, но зато маркиза всегда была одета так, что перед нею меркли все законодательницы мод в Версале. Ах, как хотелось бы, чтобы так же было и в Квебеке! Жаль, сюда нельзя было пригласить Эльвиру и мадам Жюпа, чьи советы очень помогали графине. Но обе модистки принадлежали к реформаторской церкви, а в Канаде это не поощрялось.

Едва не вывихнув руку, Анжелика расстегнула на спине последнюю пару крючков, а потом долго вытаскивала из корсета украшенные жемчужинами булавки. Когда же она, наконец, освободила грудь и руки из пут тесного сатинового лифа, облегченно вздохнула. О, этот ненавистный корсет, к нему снова надо привыкнуть. Зато он позволит надевать модные изысканные туалеты. Правда, с ними невозможно справиться без посторонней помощи, Жоффрей проявил замечательный талант, бесчисленное число раз помогая Анжелике снимать и надевать платье, но все же ей не очень хотелось пользоваться его услугами. Нет, решено, надо найти камеристку. Хоть одной заботой будет меньше, да и времени освободится больше.

Раздумывая об этом, Анжелика машинально: будто от холода, обхватила руками плечи, и тут же почувствовала под ладонью шрам: бурбонскую лилию — знак позора — выжег раскаленным железом королевский палач.

Боль, обида затаились где-то в глубине души. Осталась досада, что Анжелика уже не сможет носить декольтированные платья, обнажавшие ее грудь и плечи — предмет зависти первых версальских красавец. И вновь подступила тревога: прошлое не дает забыть о

себе. Оно по-прежнему ставит бесчисленные преграды. Жоффрей, Жоффрей... Он уверяет, что все обдумал. Но принесет ли результат это авантюристическое путешествие? Что сулит им возвращение на родину, откуда оба были с позором изгнаны?

Глава 9

Маленький городок среди непроходимых лесов: более сени месяцев в году заваленный снегом и отрезанный от остального мира. Маленький городок на американском континенте — жемчужина, спрятанная от постороннего взгляда. В течение короткой истории сколько пришлось ему пережить! Он переходил из рук в руки — от англичан к французам, и снова к англичанам, и опять к Франции Квебек Желанная цель де Пейрака...

Анжелика поняла, что, приехав туда, она просто не в силах будет отказаться от участия в жизни городка: от детского общества, от развлечений — слишком долго графиня была лишена всего этого. Конечно, она неизбежно столкнется с недоверием и даже враждебностью местных жителей, но все равно заранее радовалась тому, что проведет зиму во французском городе, среди соотечественников. Она будет ездить на балы и участвовать в приемах. У нее появятся соседи и друзья, которых можно будет приглашать в гости на кофе и шоколад. Анжелика и Жоффрей, наконец, получат возможность читать новые французские романы, а маленькая Онорина начнет постигать азы науки у благочестивых сестер из местного монастыря... О, их будет окружать хорошее общество, а приятное времяпрепровождение даст возможность, быть может, забыть о приговоре Пейраку, Анжелика предвкушала, как она отправится за покупками в фешенебельный магазин и как со временем обрстет всякой блестящей мишурой и светскими обязанностями. Они с Жоффреем будут кататься на коньках в замерзших водах залива, а Рождество встретят в настоящем соборе и потом

отправятся на прием к губернатору, а для карнавала придумают удивительные костюмы. А еще Виль д'Эвре обещал Анжелике держать ее в курсе всех любовных афер.

Господи, как давно не было всего этого! Анжелика содрогнулась, вспомнив свою жизнь в Вапассу: глушь, страх и скрывающаяся за деревьями смерть.

Год назад Жоффрей, отвоевав у канадцев форт Катарунк, поклялся:

— Если мы когда-нибудь выйдем отсюда живыми, гарантирую, что в один прекрасный день мы станем сильнее всех.

Он сдержал свое обещание. Сегодня у них в изобилии было золота и серебра, добытых из многочисленных горных рудников, Пейраку принадлежала также торговая гавань в Атлантике, Граф заключил союзы с богатыми и влиятельными индейскими племенами, и это было платой за пребывание Пейрака на западном берегу Акадии. Мух стал влиятельным человеком, его имя было известно всей Северной Америке и все несчастья, выпавшие на его долю, слава Богу, были позади. Но воспоминания... Что делать с ними?

Пейрак, его дети, его жена, его люди могли сто раз умереть: от рук канадцев, от выстрелов ирокезов, от суровых северных морозов, когда сгорели все постройки в гавани близ Катарунка... Они могли погибнуть от голода, когда невесть откуда появившиеся ирокезы похитили весь провиант... Маленькая совершенно прозрачная, смертельно больная Онорина лежала рядом с матерью, и у Анжелики разрывалось сердце от сознания, что ее ребенок погибнет... Поистине, пионеры Нового Света не должны заводить семей: смерть надо искать в одиночку...

Нет, этого не должно повториться! Анжелика просто не вынесет больше! Хватит с нее растертых до крови пальцев, сломанных о кастрюли в сараях ногтей, дикой боля в позвоночнике от того, что приходится таскать дрова, как тогда, в Верхнем Кеннебеке. Нет! Прекрасная графиня рождена не для этого!

Анжелика хочет просыпаться по утрам счастливой, смеяться и танцевать и ни о чем, ни о чем таком больше не думать! Анжелика, первая красавица Версаля, виконтесса де Пейрак, возлюбленная короля — о, она станет первой дамой Серебряных озер, она произведет настоящую сенсацию здесь, в Квебеке!

Но прежде, прежде надо навести порядок в мыслях. Поглубже спрятать воспоминания, изгнать из души фантомы прошлого, пережитого, которое никак не хочет выпускать Анжелику из своих цепей. Давно забытые лица вдруг оживают перед мысленным взором графини, и давно забытые голоса кричат, вопрошая:

— Анжелика, кем ты стала теперь? Мы помним тебя!

Квебек... Анжелике начало казаться, что в этом маленьком городке ее спасение, что здесь — узенькая лазейка, в которую надо втиснуться, чтобы спрятаться от этих неземных голосов. Спрячется Анжелика — и прошлое забудет о ней, и жизнь наладится, и будет радостной и счастливой, как когда-то... Квебек... Он будет недружелюбен поначалу, но у графини нет выбора — судьба подталкивает ее: вперед, Анжелика, вперед...

Начиная с Гаспью, флот Пейрака взял прямой курс на Квебек. Заштормило, мощные волны затеяли игры с кораблями. Туман скрыл далекий берег. Северная осень принесла лед и снежные бури, зорко следя, словно наблюдая, как тюремный сторож, чтобы никто не свернул назад. Возвращение невозможно. Флот Пейрака идет вперед по черной воде, к черному лесу, который гирляндой тянется у горизонта. И там, в этом лесу,

дремучем, непроходимом — Квебек. Прекрасный город с белыми домами, серебристыми крышами, с собором и монастырем — шумный, активный, агрессивный, суверенный город!

Французский Квебек! Чудо — маленький Париж, эхо Версаля, — болтливый, нетерпеливый, элегантный, благочестивый, беззаботный, со своими мастерскими, роскошью, борьбой, молитвами, мистикой, адюльтерами, интригами и скандалами. Остров в океане, оазис в пустыне, цветок цивилизации в середине необжитого материка, приют и убежище для обездоленных.

Анжелика вспомнила своего духовного наставника, патера Вернона:

— Идите в Квебек, — говорил он. — Имейте мужество дойти до этого города и пробить лбом стену непонимания и враждебности. Не страйтесь ничего — ни лишений, ни бесчестья. Идите в Квебек — и может быть, там вы принесете пользу и Франции, и Америке...

Патер Вернон уже мертв, его убили. Но Анжелика хотя бы в знак памяти о нем должна достичь своей цели. И она достигнет ее. Ведь, что ни говори, а жизнь прекрасна! Анжелика скоро вновь почувствует это. Она будет танцевать на балах, играть в карты, ужинать среди ночи. А в солнечные погожие дни она будет гулять с маленькой Онориной за городской чертой, в горах Святого Лаврентия.

Глава 10

Когда Жоффрей, закончив свои дела, наконец, пришел в салон, Анжелика уже спала. Воздух был пропитан изысканным терпким ароматом ее духов. Заметив в беспорядке брошенное платье, Жоффрей улыбнулся: это был почерк маленькой дикарки-гугенотки, служанки из Ла-Рошели, которой Рексатор, плывущий в Америку, велел прийти в свою каюту. Или почерк пионерки Нового Света, не испугавшейся

трудностей во время страшной зимы в Верхнем Кеннебеке и подавшей руку помощи мужчине. Но светская дама никак, никак не могла столь небрежно обойтись со своим нарядом, нет! Все еще улыбаясь, Жоффрей наклонился и поднял с пола утыканный булавками корсет, хранивший очертания прекрасных форм его владелицы.

Безымянная служанка, храбрая подруга завоевателя Нового Света, наконец, Анжелика де Пейрак, виконтесса Тулузы...

— Так угодно Богу, — пробормотал Пейрак, бросив взгляд на полуопущенный полог алькова. Там, за роскошной восточной парчой, разметалась во сне Анжелика, рассыпав по подушкам свои дивные волосы. Взяв со шкафа красного дерева венецианскую лампу, Жоффрей подошел поближе. Он остановился у изголовья кровати и залюбовался женой.

Анжелика спала крепко, как младенец, утомившийся после долгого дня. Обычно она просыпается от малейшего шороха, по привычке сквозь сон прислушиваясь к ребенку, но сегодня Анжелика будто провалилась в бездну: так нередко случалось с нею после пережитых волнений. Как часто Жоффрей видел жену спящей, но каждый раз он открывал что-то новое в мягких изгибах прелестного тела, в красоте отрешенного лица. Где она витала сейчас? Только ей ведомы эти дали, этот храм, который воздвигнут в душе каждого живого существа в полной недосыгаемости для других.

Жоффрей пристально вглядывался в лицо жены и ощущал нежность, которая граничила с болью.

Боже мой, и прошлым летом он мог потерять свою Анжелику! Нелепо даже думать об этом. Но такое, действительно, могло произойти. Слава Богу, миновало...

Жоффрей никогда не забудет, как Анжелика, раскинув руки и запрокинув голову, бежала навстречу ему по песчаному пляжу Тидмагуша, смеясь и плача одновременно. Он водит ее лицо, словно это произошло вчера, слышит ее бессвязные слова любви, чувствует жар ее объятий. О, тогда он готов был все отдать за этот момент встречи, готов был умереть, если понадобится... Именно тогда граф понял, насколько сильна любовь его Анжелики, понял, что жена всегда будет любить его, ведь ее чувство не стало слабее за пятнадцать лет разлуки. И он, де Пейрак... Светлое радостное чувство вспыхнуло в нем с новой силой, а ведь он думал уже, что стал равнодушен к супруге...

Нет, им рано расставаться. Какими словами можно описать обновленное чувство? Как передать то время, когда супруги, освободившись от темных чар колдовства, наконец, почувствовали себя свободными и счастливыми? А как, с каким жаром они начали подготовку к отъезду! Они впали в настоящую эйфорию, когда двинулись в путь навстречу к Квебеку. Анжелика, казалось, была на седьмом небе от счастья: своими грандиозными планами она сумела увлечь всех домашних. Ее решимость была очаровательной. Можно было подумать, что флот Пейрака отправляется не в опасное плавание, а в небольшую развлекательную прогулку. Даже экипажи кораблей не чувствовали обычной напряженности перед дальней дорогой: они были радостно возбуждены, и все благодаря азарту Анжелики.

Жоффрей со всею ясностью увидел день, когда они отправились в далекий поход, первый день их многодневного и многотрудного путешествия, Анжелика много смеялась, радовалась каждому пустяку и строила грандиозные прожекты. Перед Жоффреем вновь предстала светская дама, прелестная,

обольстительная, отважная, особенная, умнейшая женщина.

— В Квебеке она будет вершить чудеса, — думал Пейрак.

Вдруг его охватило жгучее желание все узнать о прошлом Анжелики. Это было ново: до сей поры Пейрак не помнил за собой такого интереса. Вновь обретя жену, граф поверил, что она принадлежит только ему и страстно любит только его. Он мог беспрепятственно обладать ею. Она была самым близким, но и самым таинственным человеком.

— Моя жена... — Жоффрей наклонил лампу, разглядывая кольцо на руке спящей женщины. Взяв в свою руку ее нежные пальцы, он страстно поцеловал каждый из них.

Как все же крепко она спит! Не шевельнется... Охваченный необъяснимой тревогой, Жоффрей ниже склонился над Анжеликой, прислушиваясь к ее легкому и ровному дыханию. Любовь к ней так сильна, что иногда Жоффрей чувствует себя безумцем. Он, который так часто смотрел смерти в глаза, он, обладающий властью над многими и многими людьми, был совершенно беззащитен перед чарами этой женщины. Он смотрел на ее чувственный рот, на ресницы, пушистыми полуокружностями подрагивающие на щеках, покрытых легким румянцем, на изгиб шеи, словно выточенной из слоновой кости. Она кажется такой хрупкой, но Жоффрей знает, сколь обманчиво это впечатление. Эта женщина сумела покорить сердца двух монархов — к ее ногам бросали свою власть, достоинство, любовь Мулла Исмаил и Людовик XIV.

Каким оружием сумела покорить Анжелика сердца жестокого султана и всемогущего короля?

Жоффрей больше не ревновал ее и, несомненно, испытывал от этого удовлетворение. Он стремился к другому — пытался постичь тайну ее сердца и ее тела.

Вновь надев на палец жене обручальное кольцо, он освободился от соперников прошлого, перестал ненавидеть их. Он больше не сомневался в любви и верности супруги.

И все же, какое оно, прошлое Анжелики, картины которого вновь и вновь возникают под ее закрытыми глазами? Жоффрей ровным счетом ничего не знал об этом. Анжелика нечасто и немного рассказывала ему о пережитом, и до сих пор держала в тайне за семью печатями свою аферу с Колином Патурелем, несмотря на то, что Жоффрей неоднократно пытался выведать ее. Господи, как все же умна эта дама! Она знала, что своими воспоминаниями может причинить мужу боль, а он, Жоффрей совершенно не щадил Анжелику рассказами о своих любовных похождениях. И к тем ударам судьбы, что ей довелось перенести, добавлялись новые по его, Пейрака, вине.

— Моя бедная маленькая возлюбленная!

Преисполненный страсти Жоффрей склонился над женой и поцеловал полуоткрытые губы. Ему не хотелось будить ее, но Анжелика, почувствовав его присутствие, проснулась сама. Она распахнула глаза и они вспыхнули от счастья: любимый был с нею рядом.

— Ты смеялась во сне, — Жоффрей задыхался от желания. — Что тебе снилось?

— Пляж. Мы с тобой любили друг друга на пляже...

— На каком? — Жоффрей поразился тому, что во сне Анжелика видела то же самое, о чем он грезил наяву.

Она рассмеялась, обхватила руками его шею и притянула к себе.

— Я спросил... — аромат ее волос, ее тела сводил Жоффрея с ума.

— Что?

— Где ты была, прекрасная, соблазнительная, желанная женщина?.. Что было во сне — ветер, солнце,

шторм?.. Ла Рошель или Тидмагуш? Я шел тебе навстречу?.. Ты бежала ко мне?..

— Да, да, я бежала именно к тебе...

Анжелика больше не пыталась сдерживать свою страсть. Она покрывала поцелуями лицо, руки, тело любимого. Их тела сплелись в немыслимый клубок, и уже не существовало отдельно женщины, отдельно мужчины. Было единое целое. Вне пространства и вне времени. Каждый раз Анжелика воспринимала это единство как чудо, как подарок небес. Каждый раз она испытывала новые, незнакомые доселе ощущения. Любовь раскрывала перед ней свои тайны, помогая понять характер свободного достойного человека, безумно любящего ее. Анжелика не стеснялась Жоффрея, он подходил ей идеально. И она вновь упрекнула себя за то, что прежде нередко сдерживалась, придавая слишком большое внимание и своему внешнему виду и желанию властвовать над мужчинами.

Пейрак любил ее, несомненно. Но он сам не мог понять, какую роль играет эта любовь в его жизни, Странный человек, которого многие ненавидят лишь за то, что он иной, не такой, как все, не соответствует привычным представлениям. Конечно, он заботится о своем состоянии, как это делают другие, старается приумножить свои богатства, но вся эта мишура по настоящему его не трогает: ему открыт другой, глубинный смысл бытия, радости и страдания.

— О чем ты думаешь, душа моя?

— О тебе...

Он гладил пальцами ее бром, повторяя их безукоризненную линию, целовал пальцы, набрасывал роскошный халат на ее обнаженные плечи. А Анжелика снова их обнажала, стряхивая шелк копной ярко-золотистых волос.

— Обними меня. Обними меня снова!

— Сумасшедшая, укройся, холодно...

— Согрей меня...

Она положила обнаженную руку на его плечо, притянула к себе. Она спрятала голову у него на груди, будто ища защиты.

— Ты, — шептала она бессвязно. — Ты любишь меня!

Он увидел, как родное лицо исказила гримаса экстаза, увидел слезы счастья, брызнувшие из глаз, а потом — улыбку, смягчившую чело.

Какая страсть, какая новизна, будто впервые они вместе...

Анжелика не хочет отпускать от себя Жоффрея и он, обхватив ее за талию, пылко отвечает ее плоти, утоляет ее любовный голод, ее ненасытность... В Акадии она перестала стесняться его, перестала скрывать свое безудержное возбуждение. Вела ли Анжелика себя также с другими любовниками? Возможно... Жоффрей представил себе мадам дю Плесси, королеву Версаля... С кем еще она могла так откровенно, так безудержно предаваться радостям любви? С Колином?.. Королем?.. У кого она научилась такому искусству, оценить которое может только знаток, кто разбудил в ней такой темперамент, разжег такую фантазию? Кто сжимал в своих объятиях опьяняющую Венеру, покрывал поцелуями ее соблазнительную грудь? Сейчас из ее груди вырываются смех и рыдание одновременно, она совершенно обезумела. Что ж, пусть это мгновение будет мезью Жоффрея, пусть рядом с ним она забудет о ласках и темпераменте других мужчин!

Сотрясаясь всем телом. Анжелика откинулась на подушки. Она была великолепна в своей нагоде. Ярко-золотистые волосы шлейфом лежали на атласе покрывала. Жоффрей, раздвигая их, целовал шею, плечи, руки... Анжелика стонала в экстазе, отдавая ему свое дрожащее алчащее тело, Жоффрей понимал, что

жена не испытывает больше страха по отношению к нему, но принимает его как равного партнера. Сегодня она покорила его своим мастерством, подарив все мыслимые и немыслимые наслаждения ночи. Они оба были легки, свободны, раскрепощены.

Тревоги прошедшего дня остались где-то далеко позади. Желание и наслаждение — только это обрело сейчас смысл.

Анжелика искала Жоффрея опять, соединялась с ним, давая и обретая немыслимое счастье, откидывалась в изнурении на подушки и вновь бросалась в объятия мужа...

— Тебе было хорошо со мной?

— Да, очень, очень!..

— И ты меня не боишься больше?

— Нисколько! Ты околдовал меня.

Она смеялась, он укрывал ее одеялами, он прислушивался к ее нежному любовному шепоту, он был без ума от нее: ни одна женщина не дарила ему такого наслаждения, ни одна из них так не пьянела от счастья. Он поддразнивал ее, он признавался, что все мужчины завидуют ему, потому что именно он, а никто другой, обладает лучшей в мире женщиной...

Между ними не было никаких преград, их любовь была свободной, равноправной, сверкающей, точно алмаз...

— Ах, если бы мы могли всегда оставаться на «Голдсборо», чтобы только море нас окружало, — мечтательно вздохнула Анжелика.

— Не тревожься, милая. Нам и на суше будет неплохо.

— Не знаю, я все жду чего-то... Чем дальше мы плывем, тем малодушнее я становлюсь. Вдруг вспоминаю, казалось бы, забытые навсегда события, каких-то людей из прошлого...

— Не нужно делать этого. Углубляясь в прошлое, ты растрачиваешь силы, которые пригодятся тебе в будущем.

— Я так благодарна, так благодарна тебе, любимый, — пробормотала Анжелика, прижимаясь к нему.

Жоффрей понимал, что жена лишь исполняет роль сладкой, слабой женщины. На самом деле прекрасная графиня крепко держит мужа в своих руках.

— Мы еще многое будем вместе вспоминать... Например, о том, как я увидел тебя с пистолетом в Сайта-Крус де Мерси. Но только не сейчас, ладно? Мы пока еще далеки от Квебека и, чтобы успокоиться и немного отдохнуть, сделаем остановку в Тадоуссаке. Там неплохое общество и мы сможем развлечься.

— Ах, общество... Было бы достаточно если нас не встретят пушками.

— Этого не будет, уверяю тебя. В Тадоуссаке есть только пара домиков, часовня и индейский лагерь. Жители занимаются торговлей с проходимцами мимо кораблями, разводят скот, молятся. Знаешь, давай сделаем для них что-нибудь приятное: например, устроим танцы на берегу, хочешь?

Анжелика пожала плечами.

— Не знаю. Признаться, население Новой Франции особых симпатий у меня не вызывает.

Оба замолчали. Корабль качался на волнах, и тишину нарушал лишь плеск воды да редкие голоса, доносившиеся с вахты. Анжелика закрыла глаза. Ей привиделось, что она через костер тянет руки к человеку, привязанному к столбу, Невыносимый жар и треск высокого красного пламени разделили ее с любимым, колдуном, сожженным на Гревской площади Парижа. Видение длилось лишь секунду, и Анжелика в ужасе открыла глаза. Ей казалось, что она кричала, задремав.

Но Жоффрей спал рядом, невредимый, сильный, желанный. Она приложила руку к его груди и почувствовала, как под сильной мышцей пульсирует кровь. Равномерные толчки его сердца успокоили Анжелику. Увиденный ею сон вызвал в памяти эпизод, происшедший с графиней на острове Монеган. В ночь Святого Иоанна она по обычаю перепрыгивала через костер, разожженный басками. Крепкие руки гарпунера Эрнани д'Астигиарда подхватили Анжелику на лету и опустили на землю по другую сторону пламени.

— Вам повезло, мадам, — сказал ей могучий баск. — В этом году дьявол не причинит вам зла.

И наклонившись, д'Астигиард крепко поцеловал ее в губы.

Глава 11

Утром следующего дня корабль, преследующий флот Пейрака, наконец, появился в зоне видимости. Завеса дождя над водой размывала графические контуры леса и туманила горизонт.

Корабли графа стали полукругом у берега, преграждая путь чужаку. Как и предполагал Жоффрей, незнакомое судно было сильно повреждено: его левая сторона, борт управления, поручни на палубе были сильно сплющены, как от удара. Высокие волны накатывали так, что из воды торчали только мачты и выцветшие паруса. Корабль походил на тяжело раненого зверя, который не в силах повернуть обратно и полностью отдает себя в руки случая. Чужое судно держалось на почтительном расстоянии от кораблей графа, словно бы оттягивало момент встречи.

Онорина тяжело вздохнула:

— Бедный, бедный корабль, — подумала она с состраданием. — Надо как-то объяснить, что мы не причиним ему зла.

Девочка стояла на капитанском мостике рядом с отцом. Жоффрей, наклонившись, поднял ее на руки.

— Ты ведь не хочешь его потопить? — спросила Онорина. Иногда, когда отец и дочь оставались одни, девочка обращалась на «ты».

— Нет, нет, маленькая, что ты? Посмотри, какой он жалкий!

Находившаяся поодаль Анжелика наблюдала за Жоффреем и Онориной со стороны. Она не слышала их беседы, но радовалась тому, что любимые ею люди доверяют друг другу. Судьба связала этого ребенка, родившегося на войне среди несчастий, с жизнью удивительного человека, окруженного ореолом легенд. Жоффрей сумел передать свою необычную силу этому маленькому существу, и Онорина де Пейрак смотрела в будущее твердо и уверенно.

Внезапно Онорина и Жоффрей исчезли из поля зрения Анжелики. Минуту спустя они появились на чертой лакированной лестнице. Они спускались, взявшись за руки и о чем-то беседуя. Лицо Жоффрея было скрыто под маской из черной кожи, и он казался похожим на пирата, укравшего с небес ангела. Анжелика слышала, как Пейрак сказал, обращаясь к дочери:

— До Тадоуссака мы ничего не будем предпринимать.

— А в Тадоуссаке?

— Там мы познакомимся с капитаном, и он нам скажет, кто у него на борту. Потом мы осмотрим груз.

— Ты пират! — воскликнула Онорина, подражая интонации интенданта Шарля.

Анжелика едва удержалась, чтобы не расхохотаться в голос. Кто угодно мог стать морским разбойником, только не Пейрак — слухи о его диком нраве сильно преувеличены. Это самый благородный воин, которого графиня когда-либо встречала. И самый нежный мужчина... Анжелика вспомнила прошедшую ночь, и

сердце ее учащенно забилося. Она чувствовала себя самой счастливой и самой богатой женщиной на свете.

Ее взгляд скользнул по темной поверхности воды. Где-то в дат и шел чужой, потерпевший аварию корабль. Он по-прежнему держался на почтительном расстоянии. Оттого-то Жоффрей и был так спокоен. О чем он думал сейчас? О том, что сегодняшняя его власть и богатство помогут заслужить амнистию у короля? О том, что монарх много потеряет, отказав графу в милости? О том, что далекий противник уже не внушает прежнего страха? Дай-то Бог, чтобы Пейрак оказался прав.

Немного позднее капитаны судов вновь собрались на «Голдсборо», чтобы обсудить дальнейший план действий по отношению к неизвестному судну. Все единодушно сошлись на том, что это, видимо, торговый корабль из Ле Гавра, принадлежащий обществу «Цент-Ассоциес». Однако, почему в такое неподходящее время судно возвращается в Канаду? Почему капитан не распорядился стать на якорь в Тидмагауше или другой бухте залива Святого Лаврентия? Есть ли у моряков возможность продержаться хотя бы до Тадоуссака?

Подзорная труба переходила из рук в руки до тех пор, пока Адемар вдруг испуганно не воскликнул:

— А вдруг на борту герцогиня?

— Какая герцогиня? — спросил один из капитанов.

Не ответив, Адемар перекрестился. Еще раз, еще... И вдруг все поняли, кого он имел в виду.

— Что ты сказал? — лицо Анжелики исказила гримаса ужаса. — Ты сошел с ума! Герцогиня давно умерла!

— Мы не знаем этого наверняка... Она ведьма! — пробормотал Адемар и вновь осенял себя крестным знаменем.

Присутствующие испуганно переглядывались. Анжелика закрыла лицо руками. Адемар... Адемар

глуп... Но если он прав?

— Успокойтесь, друзья. — Голос Виль д'Эвре звучал твердо и уверенно. — Даже, если на борту судна герцогиня, мы не должны впадать в панику. Мы все равно не сможем повернуть обратно. Наша цель — Квебек. И достичь этого города мы сможем, только сохраняя спокойствие и твердость рассудка. Забудьте обо всем, что было вчера. Смотрите вперед, в завтра!

Анжелика открыла глаза и с удивлением посмотрела на Виля д'Эвре. Как не похож был пламенный трибун, сумевший утихомирить испуганных людей, на мягкого, мечтательного, болтливового губернатора Акадии. Да, Жоффрей был прав, уверяя, что на соотечественника-француза всегда можно положиться.

— Да, мы можем быть втянуты в очень неприятную историю, — продолжал маркиз. — С инквизицией не шутят. Но мы должны реально оценивать ситуацию, в которой оказались, и быть начеку. Не паниковать, не строить предположений. Это самое правильное, что можно сделать сегодня. А ты, Адемар, — д'Эвре угрожающе обернулся к солдату, — поменьше болтай. Если еще раз вспомнишь о герцогине, познакомишься с моими кулаками. Впрочем, нет. Я сделаю по-другому: стоит мне лишь намекнуть в Квебеке, что ты дезертировал из армии, тебя тут же повесят.

— Простите, монсиньор... Я только подумал... — до смерти перепуганный Адемар немедленно удалился.

— Не падайте духом, друзья. Мы дойдем до Канады целыми и невредимыми. Даже, если за нами следует целая толпа призраков, нам ничего не грозит. Помните, мы на христианской земле. Прядя в Квебек, мы возблагодарим Господа и тех миссионеров, когорте потом своих трудов и кровью своих мучеников освятили эту языческую страну. — Д'Эвре на минуту замолчал, потом, вспомнив, что он все-таки губернатор Акадии,

продолжал: — Да, жители моего города уверовали в Господа нашего. Правда, не все. Моя цель — окончательно победить там язычество — истинная вера восторжествует. Верьте и вы, и Господь поможет вам. Мы одержим победу над темными селами. Благочестивые священники помолятся за нас. Силы ада не смогут причинить вам зло.

— Аминь, — с издевкой сказал Шарль. — Странно, что вы не посвятили себя церковной кафедре.

— Не смейтесь! — Д'Эвре пришел в ярость и патетически поднял руку с тростью над головой. — Помните, мы должны защищаться от легиона язычников, которые живут в Канаде. Мы с мадам де Пейрак спасем вас от безумия. Я помню лицо графини на пляже в Тидмагуше, когда одержимая колдунья испустила предсмертный крик. Послушайтесь моего совета: не теряйте рассудка и не вспоминайте о том, что было ранее. Молчите о прошлом и радуетесь жизни!

Отведя Анжелику в сторону, Виль д'Эвре взял ее руки в свои.

— Вам не следует волноваться...

— Но я...

— Знаю. Молчите, — он приложил палец к ее губам. — Вы умнейшая женщина, но так же, как многие другие, не можете оценить глубину ваших огненных знаков. Увы, вы забыли, что жизнь — лишь мишень для любви и ненависти. Если стрела нетерпения, недоверия, страха попадет в обнаженную, беззащитную душу, то рану очень тяжело лечить. Страдают и земное и небесное начала...

— Я не совсем поняла вас, — призналась Анжелика. — Вы, видимо, имеете в виду мои звездные знаки?

— Да, — Вилле д'Эвре поднял голову и, обнаружив на темном небосклоне созвездие мифического Стрельца, продолжал: — Ваш кентавр крепко стоит на земле, но тянется ввысь, к звездам. Поэтому вы,

Анжелика, больше, чем кто-либо другой можете стать жертвой потусторонних демонических существ. Но, — маркиз наклонился к ее уху и сказал приглушенно, — вы смело можете следовать своим причудам, мадам... ибо судьбой вам назначено быть победительницей... вы олицетворяете земное во Вселенной. Ваш кентавр силен и надежен...

— Мне дурно, — сказала Анжелика. — Одно упоминание о герцогине... Ее ужасный крик до сих пор стоит у меня в ушах. „. Я заболеваю... Я ведь немного суеверна по натуре. Пусть я земная и небесная, но демоны внушают мне ужас...

— Вы не должны поддаваться панике.

— Вы хорошо разбираетесь в астрологии, маркиз?

— Я разбираюсь почти во всем, — д'Эвре не страдал от излишней скромности.

— И вы думаете, нам снова предстоит встреча с герцогиней? Или это просто игра воображения? Уверена, при жизни у нее были большие связи в бухте. А вдруг ее призрак влечет в Квебек, чтобы посмотреть, что с ней там стало?

— Молчите, молчите, вы должны молчать... Что у вас за искушение все время возвращаться к минувшему?

— Но «девочки короля» могут проговориться...

— А, вот что вас пугает! Если только это, я все улажу. Я напомню им, что они были на службе у приговоренной к костру колдуньи. Думаю, бедняги после этого будут молчать до смертного одра.

— Бог мой, — подумала Анжелика. — Сколько еще тайн на борту этой корабля! Девочки короля... И она, графиня де Пейрак, убившая маркиза де Варанжа. Об этом тоже нельзя вспоминать... Да, веселенькая компания! Колдуньи, пираты, заговорщики, запутавшиеся в интригах... Только благодаря спокойствию и силе духа можно освободиться от всего этого.

— Вы думаете, она мертва? — шепотом спросила графиня.

— Уверен, — отвечал Виль д'Эвре. — Герцогиня мертва, она не может принести вреда нам, живым. Помните об этом, а также о том, что ваш небесный защитник, ваш кентавр приведет вас к триумфу, вопреки... — маркиз внезапно перешел на другую тему: — Что же касается астрологии, в Квебеке я познакомлю вас со своим другом священником. Он истинный знаток нематериального мира. Много любопытного раскроет он вам о вашей собственной натуре и о господине де Пейраке. Вот увидите.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТАДОУССАК

Глава 12

Далеко над бухтой разносится громкий голос Эриксона:

- Взять рифы!
- Марсовые к вантам!
- Поднять брамсели и бом-брамселе!
- Поднять паруса!

Утреннее небо слилось на горизонте с пастельно-голубой водой. Чайки кружат над «Голдсборо». С соседних кораблей слышны команды капитанов.

- Матросы, вверх на реи!
- Полный вперед!

Ветер надувал паруса «Голдсборо», корабль мчался вперед, и пассажиры собрались на палубе, чтобы скорее увидеть первый на их пути французский город. С удивлением и любопытством смотрели они на непривычно-светлую линию берега: вместо глухих непроходимых лесов — сады из плодовых деревьев, а между ними — небольшие деревянные строения и крестьянские домики из серого камня. За ними можно было разглядеть небольшую церковь с высокой колокольней, окутанной легким утренним туманом. Слева, на вершине холма, расположился деревянный

флот с четырьмя угловыми башнями и центральной вышкой, на флагштоке которой развевался флаг с золотой лилией.

Тадоуссак! Франция!

Туман, опустившийся на берег и сгущавшийся с каждой минутой, придавал открывшейся взорам картине призрачность, нереальность. Он несколько смягчал краски, но все же золото и пурпур вязов и кленов, посаженных около домов, белый дым, валивший из труб, — весь этот мирный пасторальный пейзаж был достоин кисти живописца. Колокол голубого дыма окружал индейский лагерь, раскинувшийся на полпути между фортом и деревней.

— По-моему, здесь все спокойно, — сказал де Пейрак, всматриваясь в подзорную трубу» — Жители, кажется, настроены мирно, а в форте вообще не видно никакого движения.

— В этом гарнизоне всего четыре солдата, — заметил Шарль. — Впрочем, теперь, быть может, и больше. А вдруг в Квебеке, узнав о нашем прибытии, заволновались и прислали сюда подкрепление?

— Четыре солдата... Благодарю вас за это сообщение. — Пейрак сложил трубу и обернулся к интенданту и д'Эвре. — Итак, монсиньоры, сейчас мы отправимся на сушу, Ваше присутствие должно убедить местных жителей в наших мирных" намерениях.

— А-а, вот вы и показали свое истинное лицо! — саркастически воскликнул интендант. — Решили пустить вперед заложников?

— Монсиньор, помилуйте! На моем корабле нет заложников. Что же касается вас... Помнится, ваше судно потерпело крушение в каком-то медвежьем углу на реке Сент-Жан. Не появившись мы вовремя, вы вынуждены были бы перезимовать в той дикой местности. Неизвестно еще, чем бы закончилась эта зимовка: вы могли просто погибнуть от голода и холода.

А впрочем, может вам больше по душе оказаться на борту корабля, что идет позади нас? Только мой флот и неизвестное судно оказались здесь в такое время.

Пейрак снова взял подзорную трубу я вгляделся в сторону, противоположную берегу. Горизонт был скрыт густым туманом. Раненого судна не было видно.

— Позднее мы позаботимся о чужом корабле, — граф вновь обернулся к Шарлю. — А теперь следует посмотреть, что нас ждет на берегу.

Виль д'Эвре подошел к Анжелике.

— Нам нужно будет поговорить, — он наклонился к ее уху, чтобы не слышали окружающие. — Но позднее. У меня есть еще два небольших дельца.

— Мама, я увижу ребеночка Иисуса в Тадоуссаке? — спросила Онорина звонким голосом.

— Да, конечно, я тебе обещаю.

Анжелика рассеянно следила за шлюпкой, что отделилась от корабля и пошла по направлению к берегу. Ее сопровождали две большие лодки с вооруженной охраной. Графиня наблюдала за ними до тех пор, пока судна не скрылись в тумане.

— Колокол! — воскликнула вдруг одна из «девочек короля». — Они звонят к утренней мессе!

Гулкий металлический звон, разносившийся над водой, вызвал у изгнанников волнение. Церковь! Французская деревня!

— Мама, мама! — Онорина дернула мать за юбку. — Ну когда же, наконец, я увижу ребеночка Иисуса?!!

— Скоро, девочка моя, скоро!

Колокольный звон затих, но никто не уходил с палубы: ждали возвращения Пейрака. Анжелика вдруг увидела путешествие глазами мужа. Она ясно представила его смысл: то был важный визит одного губернатора к другому. Тадоуссак был только остановкой. Здесь нечего опасаться: французские крестьяне не имели оснований проявлять враждебность

по отношению к чужестранцам. Пейрак и его люди всегда поддерживали добрые отношения с трапперами и торговцами, находя у последних приют и помощь, Жоффрей всегда избегал и открытых столкновений с армией, хотя иногда это было непросто. С простыми людьми он всегда умел договориться, но вот с властью...

Анжелика вдруг поняла, чего она боится: не народа, который всегда полагается на свои инстинкты. Канадцы в массе своей всегда были доброжелательны, свободолюбивы. Им, пионерам Нового Света, довелось многое испытать, и хотя колониальная жизнь ежедневно испытывала их мужество, они сумели остаться здесь особой расой, независимой и справедливой, как их соотечественники во Франции.

Тем временем вернулась шлюпка, и Пейрак первым выбрался на палубу.

— Мама, пришли, пришли!!! — возбужденно кричала Онорина, — Мы можем идти в деревню. Я увижу Иисуса!

Следом за девочкой Анжелика подошла к графу.

— Все в порядке, — сообщил де Пейрак, — Я рассказал отцам города о моих намерениях, но, думаю, им приятнее иметь дело не со мной, а с интендантом. Правда, полагаю, Шарль даст им нагоняй за до сих пор не отправленные грузы... Впрочем, это их дело, Жители спрятались в домах, но готов дать руку на отсечение: они внимательно наблюдают за происходящим из-за занавесок. Мадам, вы должны помочь мне. Теперь ваша очередь отправиться на берег, Виль д'Эвре ждет вас. О, уверен, береговые власти будут очарованы!

Наклонившись, он поцеловал руку жены.

— Идите, дорогая! Ступите своей прелестной ножкой на французскую землю. Да поможет вам Бог!

Приключение началось. Но в данный момент это волновало Анжелику меньше, чем ее туалет. Утром, в спешке, в нетерпении скорее увидеть Тадоуссак,

графиня оделась не столь элегантно, как обычно. Широкая юбка и короткий жакет из беличьего меха прятались под обширной накидкой из темной шерсти с капюшоном. Черный сатиновый платок скрывал собранные на затылке волосы. Она выглядела довольно строго, но в конце концов не это сейчас было самым важным. Кроме Анжелики, в шлюпке разместились дети, «девочки короля», Иоланда, Адемар, а также два испанских солдата. Кормчий заткнул за пояс солидный двухствольный пистолет французского производства, каким в армии не могут похвастать даже офицеры высшего ранга. Люди Пейрака были вооружены лучше любого другого войска.

На берегу шлюпку встречала толпа любопытных, хотя эта миссия была возложена лишь на двоих — патера Бауре и патера Квентина. Возле церкви Анжелику ожидал Виль д'Эвре, чувствовавший себя совершенно свободно. Он должен был позаботиться обо всем. Невдалеке стояла фигура в черной сутане, без сомнения, иезуит.

Туман к этому времени совершенно рассеялся. Ослепительно, как летом, сияло солнце. Анжелика обратила внимание, что жители и солдаты форта легко могли разглядеть и флот Пейрака, бросивший якоря в гавани, и тех, кто причаливал к берегу. Она чувствовала, что за ней следят сотни глаз — ни один человек из ее свиты не остался незамеченным.

— Посмотрите на их пистолеты! И как они смешны в своих шлемах! — это явно об испанских солдатах. Обсуждали громко, не смущаясь. — Смотри же, дети! Какие душечки, боже правый! Интересно, сколько может быть лет девочке? Кажется, они в добром здравии, несмотря на тяжелое путешествие. И женщина, там внизу, видишь? Она держит девочку за руку. Идет к часовне... Она выглядит, как настоящая дама!

Анжелика делала вид, будто ничего не замечает. Она поднималась по холму вверх, к церкви. Оглянувшись, она увидела залив святого Лаврентия и оба берега, лежавших друг против друга. От тумана не осталось и следа.

Без колебаний графиня подошла к иезуиту, который поджидал ее рядом с д'Эвре.

— Патер, мы все испытали волнение, услышав звон колокола к мессе. Вы не представляете, как приятно после многодневного путешествия вновь войти в церковь и обратить свой взор к Богу.

Она сделала шаг по направлению к порталу. И продолжила:

— Монсиньор Виль д'Эвре сообщил о сокровищах, хранящихся у вас. Но прежде чем взглянуть на них, позвольте подойти с детьми к алтарю и возблагодарить Господа за помощь, которую он оказывал нам во время путешествия. Мы благодарны также и вам за ту жертву, что вы принесли, изгнав из этого края язычество и обратив людей в христианство. Примите мое преклонение.

Полный достоинства патер Дефарель лишь слегка склонил голову. Он с некоторой долей иронии глядел на графиню и ее сопровождение. Как и многие другие иезуиты, прослужившие более полувека Св. Игнатию, он воспринимал все светские манеры с известной долей снисходительности. Анжелике был хорошо знаком этот тип служителей церкви, их проницательный взгляд: ее брат Раймонд де Саже тоже был членом ордена иезуитов. Похожи на Дефареля были и патер Луис-Пауль Марайшер де Вернон, который вытащил когда-то утопающую Анжелику из воды, и даже патер Массерату из Вапассу, умевший варить превосходное пиво. Графиню, как ни странно, никогда не раздражали эти представители католической церкви. Мадам де Пейрак

была даже благодарна им, ибо они никогда не пытались ущемить внутреннюю свободу других людей.

Вслед за иезуитом Анжелика вместе с детьми вошла в маленькую, пропитанную ладаном церковь, похожую на те, что устанавливают на кораблях. Ароматы, тусклые огоньки свечей всколыхнули религиозные чувства и воспоминания молодости. Уже много лет Анжелика не заходила в церковь, а ведь в храме прошли ее детство к юность. Утренние мессы, вечерни, исповеди и обряд конфирмации были такими же неотъемлемыми, как сон и еда. Неожиданно для себя графиня опустилась, на колени и молитвенно сложила руки.

— Любимая Франция, — прошептала она, и глаза наполнились слезами.

Графиню переполняли чувства, о существовании которых она не подозревала. Она жалела себя и любила своих детей, и страну, где родилась, и церковь, где ее крестили...

— Бог мой, — усердно молилась она. — Ты, только ты знаешь, кто я... прошу, помоги нам!..

— Bravo! — прошептал Виль д'Эвре, когда после молитвы сопровождал Анжелику в ризницу. — Это действительно впечатляло. Я и не знал, что вы такой дипломат. Вы великая актриса, вы достойны восхищения!

— Вы ошибаетесь, мой друг, — возразила Анжелика. — Это была не дипломатия и не комедия. Право.

* * *

Ребенок Иисус из Тадоуссака был подарком юного Людовика XIV ордену иезуитов. Мать короля, ее величество Анна Австрийская, вышла жемчугом серебристое сатиновое платье и украсила фигурку ожерельем из чистого серебра. Онорина протянула ручонки, желая поиграть с дорогой красивой игрушкой.

Драгоценные одежды, богато украшенные книги, две дароносицы из позолоченного серебра, чаша с оправленным в золото рубином, под крышкой, увенчанной серебряным крестом, — все это хранилось в сокровищнице церкви, столь невзрачной с виду, что трудно было даже предположить, какое великолепие спрятано в ризнице. Очевидно, диссонанс между убогостью и бедностью деревни и богатством храма никого не смущал: «Все во славу господа!» Возвышенные религиозные чувства противоречили серой реальности. Жители городка смотрели на сокровища, как на символ, напоминающий о том, насколько ничтожны богатства мира по сравнению с богатством простой человеческой жизни.

Выйдя из церкви, Анжелика увидела, что на площадке собралась все жители Тадоуссака. Даже индейцы покинули свой лагерь. Оказавшись перед толпой, жадно поедающей ее пазами, графиня снова пожалела, что одета не так, как обычно. Она понимала, что эти люди что-то ожидали от нее. Может, они разочарованы, что она не такая, как ее себе представляли? Анжелика всматривалась в лица женщин в белых чепчиках, в лица мужчин... В первом ряду стояли индейцы с голыми, грязными детьми, которые, проскальзывая между ног родителей, тут и там затевали драки с сельскими ребятами. Матери разнимали их, ругались, раздавали оплеухи. Успокоив детей, они продолжали молча изучать пришелицу.

Анжелика поклонилась жителям, но ей никто не ответил. Все смотрели на нее, будто на невиданную игрушку.

Охотники в мокалинах... батраки в деревянных сабо... на некоторых были неуклюжие кожаные туфли с пряжками... многие женщины обвязали головы платками, кисти свешивались на плечи, как у индейцев...

Оглядевшись, Анжелика обнаружила, что она осталась один на один с толпой: ни патера, ни Виль д'Эвре рядом не оказалось, видимо, они замешкались в ризнице. На каменной скамейке, прилепившейся к порталу церкви, сидел старик, который, несмотря на преклонный возраст, казался бодрым и уверенным. Его старая поношенная шерстяная шайка была украшена значками и перьями. Убор очень шел к его смуглому, обветренному лицу.

Анжелика обратилась к старику:

— Если не ошибаюсь, вы — деревенский староста Тадоуссака, верно? Прошу, представьте меня этим симпатичным людям — никто другой не сможет выполнить это лучше. Мне хочется познакомиться с жителями и поприветствовать их. Буду весьма признательна вам за внимание.

Она опустилась на скамейку рядом со стариком и добавила:

— Я — графиня де Пейрак, я пришла с корабля, ставшего на якорь в вашей гавани.

Все это уже было известно, и крестьяне по-прежнему стояли полукругом и глядели на нее, не проявляя никакой враждебности, но и не пытаясь помочь начать разговор.

Анжелика понимала, что попади в подобную ситуацию крестьяне Пуату, с которыми она когда-то участвовала в мятеже, они вели бы себя точно так же. Неторопливой натуре земледельца всегда требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать. Не следует забывать также о том, что для жителей Тадоуссака графиня была не просто женщиной — слухи о магической красоте мадам де Пейрак давно добрались до этого отдаленного уголка.

Старик не ответил. Он лишь чуть подвинулся на скамейке, чтобы Анжелика могла расположиться поудобнее. Увидев Онорину и Герубина, с

любопытством разглядывающих необычную шапку, он улыбнулся, и эта радостная и даже какая-то детская улыбка, казалось, принадлежит другому человеку.

Виль д'Эвре, уже некоторое время наблюдавший за всей этой сценой, решил вмешаться:

— Дорогая Анжелика, вы сделали правильный выбор, обратившись за помощью именно к этому достойному человеку. Это Кариллон. Много лет назад он пришел сюда с нашим мужественным Шамплаином, открывшим европейцам Канаду. Помните, он обменял одного своего воина на индейца и увез краснокожего во Францию, чтобы показать королю представителя этой расы. Почти семьдесят лет назад пробился сюда и ваш друг, — он сдержанно поклонился Кариллону. — кил с индейцами, выучил многие диалекты этой местности, узнал обычаи и нрав коренных жителей.

— Для меня честь познакомиться с вами, господин, — сказала Анжелика своему соседу.

Равнодушный старик, казалось, не слышал ее, как, впрочем, и того, что говорил о нем д'Эвре. Кариллон оглядел толпу и пальцем поманил одну из девушек, которая, поняв знак, тут же вышла вперед. Крестьяне забеспокоились, заговорили, подталкивая девушку все ближе к скамейке. Однако молодая особа не выказывала охоты подойти ближе к старику и Анжелике. Кариллон снова сделал знак рукой. Он, должно быть, привык к такой «немой» манере общения — то ли потому, что ему тяжело было говорить, то ли оттого, что, пожив немало на свете, оценил пользу молчания. Упрямая девушка не сдвинулась с места.

— Но это же Мариетта! — вдруг радостно закричал Виль д'Эвре. — Какой же ты стала красавицей! Видно, скоро готовишься замуж?!

Эти слова произвели странное впечатление на женщин. Было видно, что они недовольны д'Эвре. Маркиз поторопился к ним узнать причину и уладить

возникшее беспокойство. Это ему удалось. Две женщины, перебивая друг друга, красноречиво и многословно объяснили причину своего гнева. Вернувшись, д'Эвре поставил в известность Анжелику.

— Мариетта — правнучка Кариллона, — маркиз наклонился к уху графини. — У нее были трудности с кормлением грудью, и старик вбил себе в голову, что вы ей поможете, так как он помолился о целителе, и вы появились. Совпадение. Его не разубедишь, он упрям, как бык.

— А она хочет, чтобы я ей помогла?

— Девушки в деревне суеверные и ограниченные.

— А она не боится, что я околдую ее детей?

Так вот почему ее так странно приняли, вот почему боялась ее Мариетта! Анжелика снова обратилась к старику:

— Монсиньор Кариллон! Я всегда готова помочь каждому, кто в этом нуждается. Но только не думайте, что мне по силам вершить чудеса. Вы сами знаете о целительной силе растений лучше меня, коль скоро долгое время жил в лесу. Но если вы хотите, чтобы Мариетте помогла именно я, то я принесу свой медицинский чемоданчик и, когда мы ближе познакомимся, уговорю эту молодую женщину показать мне своих детей.

Старик, казалось, пришел в бешенство то ли от слов Анжелики, то ли от упрямства своей правнучки. Девушка принадлежала к тому поколению, которому приходилось бороться с ирокезами, и трудности выковали у этого поколения стальной характер. Молодежь все меньше стала прислушиваться к старикам я все чаще поглядывать в сторону Европы, где униженно сгибаются лишь перед сильными мира сего. Канадская молодежь слыла самолюбивой.

Старика, похоже, бил припадок. Он размахивал руками, стучал ногами, плевал на землю, показывая

свою ярость. Наконец, босоногий юноша со спутанными белыми волосами принес Кариллону кисет и тлеющий огонек. Лишь раскурив свою трубку, старик начал постепенно успокаиваться.

Зато спокойствие в рядах наблюдающих было нарушено. Люди стали оживленно переговариваться друг с другом и передавать из рук в руки старинный мушкет. Анжелика бросила быстрый взгляд на своих солдат-испанцев. Парни были готовы ко всему: им уже довелось бороться против индейских амазонок и против пиратов Т о рту га, против взбунтовавшихся рабов и против призрака герцогами. Ил не могли испугать крестьяне. Кроме того, солдаты были уверены, что дело вряд ли примет неблагоприятный оборот. Много лет состоя на службе у Пейрака, они научились распознавать опасность задолго до ее видимых признаков.

Ружье, наконец, оказалось в руках у огромного индейца с кожей желтой, как кора лимонного дерева. У Анжелики возникло ощущение, будто все это уже с ней происходило. Десятки людей по-прежнему не сводили с нее глаз. В толпе кто-то рассмеялся. Матери выпустили на свободу детей, и сорванцы разбежались, явно готовя какую-то выходку.

Анжелика улыбнулась, вспомнив, как в детстве она сидела под вязом на маленькой деревенской площади, рядом были ее родители, и они все вместе наблюдали за сельскими ребятишками. Анжелика притянула к себе Онорину и Герубина и нежно, как когда-то ее собственная мать, обняла детей. Из церкви вышел патер и, поняв, что происходит нечто из ряда вон, подошел к толпе прихожан. Переговоры шли на языке индейцев, на том диалекте, который был похож на речь ирокезов. Расстояние не позволяло Анжелике понять всего, о чем говорили.

Патер в нескольких словах перевел беседу маркизу.

— Ах, вот оно что! — воскликнул д'Эвре, и его лицо прояснилось. — Мадам, представьте, они утверждают, что вы великолепно стреляете. Этот огромный индеец настаивает, что год назад был вами ранен!

— Апаштака! — узнала Анжелика. — Это Апаштака, предводитель гуронов. Ну как же я могла забыть! Эта история произошла вблизи Катарунка.

Поняв, что его узнали, гурон издал приветственный клич. Анжелика возблагодарила небо, что она вспомнила имя индейского воина. Лед растаял — индеец и его друзья совершили ритуальный танец, дети бегали и кувыркались, а канадцы хлопали в ладоши.

— Но я не хотела его ранить! — графиня пробовала оправдаться, но ее слова потонули в общем гомоне. Индеец, а за ним и все жители деревни были теперь настроены по отношению к ней очень дружелюбно.

Апаштака приблизился к графине и бросил к ногам мушкет.

— Чего он хочет?

— Чтобы вы продемонстрировали искусство, слух о котором дошел до Тадоуссака.

Анжелика медлила. Она охотно согласилась бы доставить небольшое удовольствие этим симпатичным людям. Не избалованные разнообразием впечатлений и развлечениями, они наверняка рассказывали бы об ее выстреле и своим внукам, и правнукам... Но вдруг за этим невинным предложением кроется намерение поймать ее в ловушку? Может, они хотят проверить, не связано ли как-то ее умение стрелять с действием колдовских чар?

— Но что я могу сделать? — подумала графиня. — У меня нет выбора, да и разочаровывать их не хочется.

Глава 13

Графиня спросила, чье это оружие. Из толпы вышел молодой человек в кожаной куртке с бахромой. По всей вероятности, он был канадским охотником, точь-в-точь

таким же, как все эти Лаубигнирсы и Маудрайлсы, которых Анжелика повидала в форте Катарунк и в Вапассу. Юноша был поразительно хорош собою: широко расставленные глаза, черные, как маслины; густые вьющиеся волосы; волевой рот; подбородок правильной формы... И эта красная шерстяная шапка — обязательный атрибут всех канадских охотников — будто неотъемлемая часть его внешности... Приветствуя Анжелику, юноша лишь слегка приподнял свою шапку и тут же надел ее обратно. Он и сам не понимал, почему оказал Анжелике такую честь: ведь канадские мужчины снимают шапки только перед алтарем, перед губернатором, и, конечно, перед королем, правда последний не такой уж, часты и гость Американского континента...

Юноша молча и во все глаза глядел на Анжелику. Несомненно, этой даме высокого ранга следует оказать уважение, к тому же она, видно, дьявольски умна, и знает о Канаде гораздо больше, чем можно предположить...

— Как ваше имя, монсиньор? — дружелюбно спросила Анжелика.

— Мартин Лангре. Но местные жители называют меня Орлиный Глаз. Я к вашим услугам, мадам!

— Прекрасно, господин Лангре! Вижу, вы владелец великолепного голландского ружья.

Усмехнувшись, Анжелика добавила про себя:

— И вы добыли его в обмен на шкуры, где-нибудь на границе с Новой Англией или Ораниенсом.

А вслух она продолжала:

— Правда, я больше привыкла к французскому оружию, да и ценится оно выше, но понимаю: здесь его негде приобрести. Ну что ж... Мы с вами устроим сейчас соревнование. Да-да, — графиня обернулась к публике: — А кто будет судьей? — Не дождавшись ответа, снова повернулась к Лангре: — Как владелец оружия, вы

имеете некоторое преимущество, ведь вы будете стрелять из собственного ружья. Полагаю, я имею дело с метким стрелком, не зря же вас называют Орлиным Глазом. Не будет ничего удивительного, если, стреляя после вас, я разочарую публику. Дерзайте же!

С этими словами она встала и отдала ружье владельцу. Юноша стоял в нерешительности, раздумывая, стоит ли принять вызов графини. В конце концов он решился — как любой другой, он не мог устоять перед чарами згой женщины.

Зрители недоуменно переглядывались. Они не ожидали такого поворота событий, и Анжелика лишней раз убедилась в правильности избранной ею тактики. В соревновании с известным стрелком она сможет показать свой талант в обращении с оружием, совершенно не опасаясь, что ее примут за ведьму.

Мартин Лангре выбрал цель и укрепил мишень. Расстояние между мишенью и стрелком показалось Анжелике вполне приемлемым. Графиня знала, что она попадет в «десятку» без особого труда. Ожидая своей очереди стрелять, она внимательно наблюдала за тем, как юноша заряжал ружье.

Кольцо любопытных разомкнулось, пропуская Анжелику. Свойственная графине независимая манера поведения, похоже, не вызывала у присутствующих раздражения.

Старик Кариллон своим узловатым указательным пальцем поманил Лангре и объяснил ему условие: сначала выстрелить в середину мишени, а потом — с того же расстояния — попасть в перо.

Анжелика тоже обратилась к Лангре. На этот раз за помощью» Графине непривычно было держать в руках тяжелый мушкет, она неточно знала, как его заряжать. Юноша помог ей вычистить ствол, засыпать порох, закрыть затвор. Графиня спросила, как зажигать фитиль, и, попробовав сделать это самостоятельно

после объяснений Лангре, вызвала восхищенные возгласы публики. Никто и не предполагал, что эта слабая на вид женщина так ловко может управляться с истинно мужским оружием.

Наконец, все успокоилось, и стало так тихо, что прилетевшая невесть откуда муха произвела шум. Даже индейские дети прекратили шалить и молча стояли, прижавшись к своим матерям.

Анжелика с неожиданной легкостью подняла тяжелый мушкет и прицелилась. По рядам зрителей прошел легкий шепоток: было видно, что и женщины, и мужчины восхищались прищелицей. Они были очарованы ее легкостью и грацией. Совершенно невероятно: можно было подумать, что эта женщина — прирожденный охотник.

Анжелика была спокойна и уверена. Прозвучал выстрел.

— С победой, мой друг!

Виль д'Эвре воодушевленно шептал на ухо патеру Дафарелю:

— Она сразила публику наповал, не правда ли?!

Зрители аплодировали. Анжелика опустила ружье и повернулась к старому колонисту.

— Монсиньор, как вы рассудите? Удачен ли мой выстрел? Или Лангре показал себя более искусным стрелком?

Кариллон впервые за все время разжал свои узкие губы и прошамкал беззубым ртом:

— Мне по душе выстрел Орлиного Глаза. То, что сделал он, — труднее.

Анжелика внимательно осмотрела отметину, оставленную выстрелом Лангре, попросила мужчин передвинуть мишень подальше и вскинула ружье.

— Ну и ну! — раздавались возгласы в публике. — Она нас обставит, эта чертова баба. Недаром ходят

слухи о ее необычном даре... Стрелять с такого расстояния... Это граничит с волшебством!

Напряжение нарастало. Анжелика медлила. Наконец, она спустила курок, причем выстрел прозвучал так неожиданно, что все вздрогнули.

Мужчины помчались к мишени. Вторая пуля, пущенная графиней, попала в ту же маленькую дырочку, куда упала первая.

Анжелика снова перезарядила мушкет. Снова выстрел. Перо затанцевало в воздухе. Графиня сняла мушкет с плеча и, подойдя к росшему поодаль дереву, прислонила оружие к стволу.

— Бот так! — воскликнула она. И, обращаясь к толпе, добавила: — Как видите, Апаштака не преувеличивал, расхваливая мое искусство, но правда и то, что я не скоро научусь стрелять так, как монсиньор Лангре, ибо, как вы убедились, я не обладаю магической силой.

Анжелика видела: лед растоплен. Зрители прониклись к ней откровенной симпатией. Женщины из толпы улыбались, мужчины не сводили восхищенных взглядов. От глаз графини не ускользнуло, что двое держали на нее пари. Мужчина в суконной куртке, напоминавший мелкого служащего откуда-нибудь из Парижского предместья, улыбался во весь рот, а его приятель — по виду охотник — чувствовал себя смущенно: проиграл. Анжелика сделала вывод: и зги двое, и остальные жители Тадоуссака не впервые сталкиваются с женщинами ее круга.

Внезапно послышался какой-то шум. С берега донеслись мужские голоса:

— Держитесь, мы идем!

И одновременно раздался клич со стороны маленького форта:

— Не теряйте мужества! Мы поможем вам!

Четверо солдат в голубых камзолах бежали к церкви. Это был весь состав местного гарнизона. А со стороны пляжа спешили матросы «Голдсборо» во главе с Жаном де Кувеньяком. Было видно, как к берегу причаливает еще одна шлюпка, с пушками и мушкетами, с целой командой взволнованных людей. Эриксон с саблей в руке готов был прыгнуть первым.

Поминутно спотыкаясь и задыхаясь от тяжелой ходьбы, Жан де Кувеньяк поднялся на вершину холма.

— Что случилось, мадам? — спросил он у Анжелики, с трудом восстанавливая дыхание.

— Ровным счетом ничего, монсиньор, — ответила сияющая Анжелика.

— А этот синьор? — озадаченный Жан указал пальцем на сидевшего на прежнем месте Кариллона.

— О, знакомьтесь! Месье Кариллон один из первопроходцев Нового Света.

Так ничего и не понявший Жан учтиво поклонился старику. В это время к церкви подоспели и солдаты гарнизона.

— Что произошло? — обратился один из них с вопросом к крестьянину, стоявшему в толпе. Тот, улыбаясь, только пожал плечами.

Совершенно сбитые с толку матросы и солдаты ошарашенно смотрели друг на друга. Никто из них не мог правильно оценить ситуацию, в которой они оказались. Наконец, Жан, отдышавшись, снова обратился к Анжелике.

— Но мы слышали выстрелы...

Анжелика не успела ответить, как с этим же вопросом обратился к ней подоспевший Эриксон. Не выпуская сабли из рук, он пристально и подозрительно всматривался в окружающих. Граф де Пейрак приказал верному норвежцу внимательно следить за событиями на берегу. Все время, пока Анжелика находилась в Тадоуссаке, капитан «Голдсборо» не сходил с мостика.

Услышав выстрелы, он тут же приказал спустить шлюпку на воду.

— Друзья, успокойтесь! — Анжелика положила руку на плечо Жану. — Мы просто развлекались. Решили устроить соревнования по стрельбе. Представьте себе, Орлиный Глаз, — графиня кивнула в сторону Лангре, — превосходный стрелок. Я не знаю, кто мог сравняться с ним в этом искусстве...

— А мы-то подумали... — воскликнул один из солдат местного гарнизона. Но не стал продолжать. Его внимание привлекло вооружение людей де Пейрака. Еще бы: по сравнению с великолепными ружьями и пистолетами матросов оружие солдат выглядело просто детскими игрушками. Видно, правду говорят, и граф де Пейрак сегодня действительно один из самых богатых и могущественных людей Нового Света. А мадам... О, чего только не болтали о ней. Одни, приезжавшие сюда из Квебека, утверждали, что она ведьма, зато другие были в восторг от ее красоты и ума.

Смеясь, Анжелика беседовала с Жаном. Но мысли ее были далеко от предмета разговора. Итак, она одержала победу. Ведь что знати о ней в Тадоуссаке? Что она очень красива, но красота эта от дьявола. Что она вступила в сговор с темными силами, и теперь может наводить порчу. И еще что-то похожее... Слава Богу, жители городка могли сами убедиться в чистоте ее помыслов. Конечно, сначала они были напуганы ее появлением, может быть, собирались даже обвинить ее в богоотступничестве. Но потом их недоверчивое любопытство сменилось искренней симпатией: перед ними была прекрасная женщина, канадка, в простом пальто с капюшоном и платком на голове. Жители поняли, что нельзя доверять досужим языкам: Анжелика не ведьма, и вся ее магическая сила — в природном уме и образованности.

* * *

— Мама, мне жарко! Я хочу пить! — закричала вдруг Онорина, которой изрядно наскучило стояние на солнцепеке и взрослые игры в метких стрелков.

— Ах деточка моя! — умиленно всплеснула руками какая-то крестьянка. Подойдя к Анжелике поближе, она предложила:

— Подать вам пиво, мадам?

— О нет, благодарю. Мы сегодня весь день ничего не пили, и я предпочла бы молоко.

— Идемте ко мне, — подскочил Виль д'Эвре. — Добрая Катерина-Гертруда угостит нас чем-нибудь освежающим.

— Вы хотите сказать, что уже приобрели дом в Тадоуссаке? — изумилась Анжелика.

— Не дом, нет. Только склад... для моих товаров. Попечитель от общины будет управлять им в мое отсутствие. Пойдемте же! Это недалеко, возле пристани.

Д'Эвре привел Анжелику и ее сопровождение к прекрасному деревянному дому на каменном фундаменте. Просторные помещения сияли чистотой. В углу одной из комнат стояли большие весы для меры скобяных товаров. Уже знакомый Анжелике мужчина в суконной куртке, похожий на служащего, — тот самый, что держал пари со своим приятелем, — оказался управляющим. Вероятно, он договорился с д'Эвре на немалый процент от прибыли, ибо маркиз, как показалось Анжелике, относился к нему с большой симпатией. Губернатор Акадии подмигнул управляющему, продолжая делиться с Анжеликой своими планами:

— Вернувшись в Акадию, я переброшу часть товаров сюда, иначе нет никакой гарантии, что они контрабандой не попадут в Квебек. Вы понимаете, о чем я говорю. В наше время следует считать деньги. Осторожность — прежде всего. Иначе может случиться

так, что все мои богатства осядут в неизвестном кармане. Пусть даже в виде налогов.

— Помнится, вы говорили, что плохо разбираетесь в экономике. А монсиньор Шарль знает в этом толк?

— Конечно, мог бы разбираться и получше. Но все равно, он неплохой компаньон, только не стоит создавать ему лишних хлопот. Все вопросы здесь, в Тадоуссаке, будет решать доверенное лицо — управляющий, которого вы видели, А самый могущественный человек в Тадоуссаке, монсиньор Дукрест, не узнает об этом ровным счетом ничего.

— Вижу, у вас здесь прекрасные перспективы!

— В Квебеке, в моем доме, где вы непременно погостите, еще более прекрасно. Вот увидите!

Пока Анжелика осматривала помещение склада, в камине разожгли огонь. Местные жители, неотступно следовавшие за графиней и Виль д'Эвре от самой церкви, столпились у открытой двери и пытались заглянуть внутрь. Индейцам, детям, собакам — всем было интересно.

— Заходите, заходите же, — пригласил маркиз. — Только не все сразу — по очереди. Он был очень доволен своей популярностью, но Анжелике сказал о другом: — Вы их покорили.

* * *

Женщина, предлагавшая пиво, внесла в помещение глиняный кувшин, доверху наполненный прохладным свежим молоком. Девушка, появившаяся следом, принесла яйца и хлеб. Анжелика с детьми расположились на лавке подле камина, и проголодавшиеся малыши стали с жадностью уплетать простую крестьянскую еду. Женщины любовались серьезным толстощеким Герубином, восхищались красотой маленькой госпожи де Пейрак. Взгляды же мужчин были обращены на девушек, сопровождавших графиню. Было ясно, что одна из них — Иоланда —

присматривает за детьми, но что делают две другие? Кто такие эти «девочки короля»? Откуда они пришли? И что заставило их, покинув родину, пуститься в столь рискованное путешествие? Что с ними произошло в Париже? Или в провинции? А может быть, они надеются найти себе в Канаде мужей?

Девушки же, казалось, не замечали обращенных на тех взглядов. Они уже вполне освоились, перешептывались с женщинами из селения.

— Ты милая, добрая, — Генриетта тесно прижалась к Джоанне Мишур. — Как ты догадалась, что у нас нет приданного?

Увы, после пропажи во время кораблекрушения королевской шкатулки «девочки короля» остались нищими. Путешествие в Квебек вряд ли обогатит бедняжек. Возможно, им придется наняться служанками, чтобы зимою иметь кров, а летом снова вернуться во Францию. Но однажды пережив постигшее их горе, «девочки короля» старались не жаловаться и не вспоминать о происшедшем: жизненные невзгоды закалили их, и они держались стойко, как мужчины.

...Постепенно на столе появлялись все новые яства, вина, пиво. Сотрапезники оживленно беседовали друг с другом, тут и там слышались веселые шутки, смех. Жители Тадоуссака и пришельцы, еще недавно незнакомые друг с другом, вели себя, словно давние приятели. Изрядно подвыпившие матросы с «Голдсборо» и солдаты местного гарнизона, сгрудившись, рассказывали о своем бытѐе, и их воодушевление росло с каждым выпитым кувшином.

— Господа! — поднялся с бокалом в руке новоиспеченный управляющий складом маркиза. — Предлагаю выпить за любезного хозяина. Да, он умеет принимать гостей!

Присутствующие одобрительно зашумели.

— Ура маркизу! — раздавалось с разных концов стола.

Польщенный Виль д'Эвре раскланивался, сияя.

— Здесь удивительно обаятельные люди, не правда ли? — восхищенно спросил он у Анжелики.

Гостеприимный маркиз был недалек от истины. Нужда, лишения, жизнь вдали от родины, суровый климат наложили отпечаток на этих людей, сделали их закаленными, строгими, молчаливыми. Но вместе с тем, была в них какая-то грубоватая сердечность, миролюбие, терпимость по отношению к посторонним. Несмотря на знамя французского короля, здесь царила атмосфера, похожая на ту, что отличает какую-нибудь вольную гавань, например, Акадию. Высшие чины занимали представители французского двора, а в подчиненных ходили выходцы из маленьких, рыбацких и сельских общин. Последние не слишком-то почтительно относились к властям, что свойственно натурам независимым и свободолюбивым. Авторитетом пользовались торговцы и охотники за пушниной.

Анжелика и не вспомнила о своих треволнениях: она, как и все остальные, пребывала в прекрасном настроении.

— Теперь вы успокоились, мадам? — спросил Виль д'Эвре. — Вот видите, все произошло так, как я и предсказывал. Поверьте, в Квебеке вас тоже ожидает сердечная встреча. И хотите знать, почему? Да потому, что французы — самые большие зеваки в мире. Как и в Тадоуссаке, они придут посмотреть на вас. Еще бы — пропустить такой спектакль! Смотрите, здесь восхищены вами. В Квебеке вас тоже ожидает всеобщее преклонение.

Его пространный монолог прервал пушечный выстрел.

Глава 14

— Это пушки!

— Господа, без паники! Такое здесь иногда случается! — маркиз Виль д'Эвре ринулся к выходу.

— А вдруг это флот де Пейрака вступил в борьбу с чужим кораблем?

— Такой развалюхой? Но зачем пушки?

Вслед за маркизом гости выскочили на веранду склада.

Над морем опять навис туман, да такой, что даже натренированные моряки не могли ничего разглядеть. Виль д'Эвре тщетно подносил к глазам бинокль: сквозь пелену слабо просматривались лишь белые паруса, то появлявшиеся, то исчезающие вновь. Судя по всему, маневрировал какой-то корабль. Вдруг небо на мгновение осветила вспышка огня и затем последовал глухой взрыв.

— Безумие! — резюмировал маркиз. — Кажется, чужой корабль стреляет по флоту Пейрака!

— Но этого не может быть!

Все напряженно вглядывались вдаль. Собственно, ничего другого и не оставалось: смотреть и терпеливо ждать, когда же, наконец, сия загадка будет раскрыта. На воде, видимо, происходило нечто из ряда вон выходящее.

— Смотрите! Они идут сюда! — крикнул кто-то из гостей.

Из тумана вынырнул болтающийся на мачте белый парус. Он больше не исчезал и двигался по направлению к берегу.

Это могло означать только одно: судно входило в гавань.

Страх опять сковал сердце Анжелики железными клещами.

— Господи, как долго мне еще терпеть? — взмолилась она. Подобно всем остальным, графиня не могла оторвать глаз от белого облака над морем. Вдруг она представила себе все, что происходило там, вдали,

так ясно, будто сама находилась на «Голдсборо», Их корабль был немного дальше от берега, чем остальные судна Пейрака. Это он сейчас направлялся к гавани. Маленькая яхта «Ла Рошель» под командованием ее сына Кантора исполняла роль буксира — пыхтя я отдуваясь, она тащила за собою чужака. Анжелика попыталась представить себе состояние Жоффрея, стоявшего на мостике «Голдсборо». Что он испытывает теперь? Волнение? Страх? Радость победителя?

...Послышался плеск воды. Это бухнулась у берега тяжелая якорная цепь. От кораблей отделились барки и боты и направились к берегу. Они шли прямо туда, где подсыхали на земле индейские каноэ, которые обычно, как клещи, впиваются во французские суда, предлагая капитанам и матросам обменять выпивку на великолепные меха.

Анжелика даже, ужаснулась тому, насколько представившаяся ее воображению картина соответствовала реальности. Она глядела на аварийный чужой корабль и раздумывала с том, что произошло бы, если бы Жоффрей предложил свою помощь, не дойдя до Тадоуссака. Она снова вспомнила слова Адемара: «А вдруг на борту герцогиня?» и почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

...Вокруг оживленно переговаривались канадцы, высказывая предположения по поводу неизвестного судна. Луч солнца, пробившийся сквозь густую пелену, на несколько мгновений осветил «Голдсборо», и горделивый корабль предстал перед публикой во всей красе. Стал ясно виден и незнакомец.

— Так это же «Сен-Жан-Батист»! — воскликнул кто-то из канадцев. — Старая калоша подлеца Рене Дугаста из Руана!

— Но почему он появился здесь так поздно? Каким образом?

— Наверное, потерпел где-то аварию. Видите, корабль едва держится на воде!

— Рене Дугаст!.. Вечно к нам приходит всякий сброд!

— Так это капитан Дугаст? Тогда ничего удивительного что в ход пошли пушки! На месте господина Пейрака я охотнее выпустил бы в Дугаста весь запас патронов, чем оказал помощь. Этого подлеца топить надо!..

* * *

Все начали спускаться к гавани, а Анжелика пошла к тому месту, где высадился виконт д'Урвилль со своим экипажем. Судя по всему, виконт был радостно возбужден. Увидев графиню издали, он поднял руку в знак приветствия.

— Что случилось? — крикнула ему Анжелика. — Почему стреляли?

Виконт не спешил с ответом. Дождавшись, пока графиня приблизилась к нему, начал рассказывать:

— Представьте себе, у членов экипажа этого несчастного корабля в конце концов сдали нервы. Мы окружили судно с целью предложить помощь, а капитан приказал атаковать нас. Естественно, мы оборонялись, причем, излишне даже говорить вам, что сила была на нашей стороне. Как мы и предполагали, контакт не состоялся. Быть может, те, кто находился на чужом судне, решили, что мы идем к ним с недобрыми намерениями. Капитан, кстати, жестокий малый. Он или пьяница, или больной. Трудно понять. Пассажиры средней палубы — все французские эмигранты — в плачевном состоянии. Многие погибли во время плавания.

— Почему корабль шел в Канаду в такое неподходящее время года?

— Это судно покинуло Европу в числе последних. Капитан рассчитывал не просто добраться до Квебека,

но и вернуться обратно — Им не повезло: все неудачи, которые только можно себе представить, преследовали их с начала пути. Штормы, ураганы... чего только им не пришлось испытать! Об этом мы узнали от пассажиров, но, к сожалению, только об этом.

Появился взволнованный Виль д'Эвре.

— Слышали? Это капитан Рене Дугаст. Отъявленный негодяй. Говорят, сейчас люди Пейрака сгружают с «Сен-Жан-Батиста» бочки с французским вином. Говорят, там бургундское высшей пробы.

— Вас проинформировали лучше всех, маркиз, — ухмыляясь, ответил д'Урвилль.

— Будем надеяться, господин де Пейрак позволит нам побаловаться этим вином.

— О, нет! Граф вовсе не намерен заниматься пиратством. Просто он хочет проверить груз. А вдруг это военное судно? Не в интересах графа ставить его на прикол в Квебеке... А забрать себе бургундское... Фи, маркиз! Вы не представляете, как охотно повесили бы каждого, дан мы хоть малейший повод обвинить нас в пиратстве.

— Ну что же это такое! — в нарочитом отчаянии воскликнул маркиз. — Я мечтал о французском вине. Бургундское! К тому же из Байяне! Оставить божественный напиток этому малому — значит, совершить преступление.

Маркиз начал раздражать Анжелику. Больше всего ей хотелось вернуться сейчас на «Голдсборо», чтобы в деталях обсудить эту странную атаку. Она тотчас же направилась к шлюпкам, сердечно попрощавшись с симпатичной Катериной-Гертрудой Гаувин и прочими жителями Тадоуссака, которые были искренне огорчены всем случившимся в последний час. Они упрашивали Анжелику дождаться появления Пейрака на берегу, но графине не терпелось все разузнать именно сейчас, и она пообещала вернуться к вечеру.

* * *

На борту «Голдсборо» Жоффрей с готовностью подтвердил все то, о чем уже сообщил д'Урвилль, Пейрак не так искренне, как виконт, радовался победе, он, скорее, был озабочен. Несмотря на то, что корабль из Руана под благочестивым названием «Сен-Жан-Батист» находился в окружении чужого флота, что он, потерпев крушение, едва добрался до Тадоуссака, от капитана Дугаста можно было ожидать любой пакости. Опасаясь провокаций, Пейрак распорядился применить к экипажу и пассажирам «Сен-Жана» самые строгие меры.

— Я категорически запретил кому-либо сходить на берег. Мы не должны рассчитывать на дружелюбное отношение к нам жителей Тадоуссака. Позднее, вечером, я позволю принести на «Сен-Жан» воду и, возможно, позволю выйти больным женщинам с детьми. Я послал к ним на борт плотников и ремесленников. Следует начать восстановительные работы, Одновременно эти люди — они хорошо вооружены — будут нести караульную службу, Я предупредил капитана Дугаста, что мои пушки будут направлены на его судно.

— Но вы узнали, почему же он начал стрелять?

Жоффрей пожал плечами:

— Узнали... Дугаст и сам не знает, как это получилось. Утверждает, что был пьян. Может быть, может быть... А может быть и то, что стрелять приказал не капитан.

Анжелика почувствовала, что и Жоффрей, и д'Урвилль что-то скрывают. Глядя муху в глаза, она спросила, верно ли ее предположение? Граф немного замешкался с ответом.

— Видите ли, дорогая... Это только предположение, ничего определенного... Мы подумай... Мы подумали, на

борту скрывается королевский посланник с тайной миссией. Не он ли приказал открыть огонь?

— А вы не можете предположить, кто это?

— Увы, увy.

— А может быть, там и нет никого.

— А если есть? Если вы правы? Если там посланник короля, и он везет в Квебек соответствующий указ?

Граф молчал. Действительно, если это так, если предчувствие не подводит его, то он попал в критическое положение. На всякий случай следует предпринять все, чтобы не дать «Сен-Жан-Батисту» добраться до Квебека.

— Но дорогая, не волнуйтесь так, — через некоторое время обратился Жоффрей к жене. — Возможно, этого посланника вовсе не существует, Я попросил капитана показать мне список пассажиров, и Дугаст дал мне подробную информацию обо всех лицах, находящихся на борту. Правда, все пассажиры и матросы враждебно относятся к нам. А вдруг курьер короля подкупил людей, чтобы они не выдали его?

— В таком случае, вы должны сверху донизу обыскать корабль!

Жоффрей рассмеялся:

— Очаровательно! Вы — как наш пылкий маркиз. Он, готовый часами рассуждать о букве закона, не имеет ни малейшего представления что делать, если вдруг на пути встретится отъявленный мошенник. О нет, я не буду нагонять страху на тех, кто нынче нас атаковал. Ни слова не скажу о контрабандном товаре. Ни взглядом не дам понять, что знаю о присутствии на борту тайного лица, Уверен, рано или поздно он сам себя обнаружит. Но умоляю вас — в Тадоуссаке никому ни слова.

— Конечно, монсиньор. А как долго мы намерены здесь оставаться?

Граф ответил весьма неопределенно, и у Анжелики опять возникло подозрение, что он что-то не договаривает.

Пообедав, графиня вновь отправилась в деревню вместе с детьми.

Глава 15

На пляже Анжелика встретила д'Урвилля с группой вооруженных матросов.

— Что это за гвардия? — поинтересовалась она у виконта.

— «Сен-Жан-Батист» послал на берег рабочую группу. Мне дан приказ охранять этих людей.

Лодка, в которой находились матросы аварийного судна, причалила к берегу. Анжелика отметила, что у всех, сидевших там, были лица закоренелых преступников, она бы не удивилась, если бы узнала, что каждый матрос «Сен-Жан-Батиста» — каторжник. Впрочем, быть может, она и ошибалась: возможно, эти затравленные взгляды и в ниточку сжатые губы — следствие долгого тяжелого пути. Люди были бледны, истощены, их одежда превратилась в рванье. Было заметно, что физический труд невероятно тяжел для матросов. Они с невероятным шумом и грохотом выкатывали из лодки пустые чаны и бочки, чтобы наполнить их в деревне питьевой водой. Анжелика подумала, что они на самом деле были настроены против людей Пейрака, и когда последние указывали им дорогу к источнику, отвечали дерзко и грубо, пытаясь спровоцировать ссору. Между тем, на пляже появились и жители Тадоуссака, издали заметившие появление новой лодки. Они останавливались поодаль, отнюдь не демонстрируя «каторжникам» ни дружелюбия, ни желания помочь. Им уже давно был знаком «Сен-Жан-Батист», и все знали, что ни от капитана, ни от матросов этого судна не приходится ожидать ничего хорошего. Зато крестьяне и охотники

выказывали явное расположение отряду д'Урвилля, сопровождавшему «каторжников» до источника во избежание неприятных инцидентов.

В лодке, которая привезла с «Сен-Жан-Батиста» рабочий отряд, оставалась немолодая, плохо одетая женщина с ребенком на руках. По всему было видно, что она претерпела на своем веку много лишений, знавала и голод, и нужду. Дождавшись, пока «каторжники» в сопровождении людей. д'Урвилля покинули пляж, она с трудом вылезла из суденышка и присела отдохнуть на песок. Ребенка положила рядом, и бедный малыш даже не повернул головки, чтобы поглядеть, где это он находится.

Некоторое время женщина сидела, равнодушно глядя на море. Ее лицо было темным, как у моряков, несущих свою службу и в зной, и в холод. Глаза покраснели. Из-под выцветшего черною платка свисали серые пряди волос, давно не знававших гребенки. Неожиданно женщина проворно поднялась на ноги, и по этому движению Анжелика повяла, что незнакомке не так уж много лет, как кажется. Женщина снова взяла ребенка на руки и отправилась куда-то вдоль пляжа. Но не успела она сделать и десятка шагов, как д'Урвилль преградил ей путь.

— Простите, мадам, кто вы? — спросил он учтиво. — Мне поручено не пропускать пассажиров «Сен-Жан-Батиста» в деревню до тех пор, пока граф де Пейрак не даст на это соответствующего разрешения.

Равнодушное выражение не сходило с лица незнакомца.

— Граф де Пейрак, я не ослышалась? Тот самый пират, что утром захватил наш корабль? Так знайте же: лично он дал мне разрешение пойти в деревню, чтобы я получила возможность лечить умирающего ребенка. Его милость оценили все пассажиры нашего корабля.

Голос незнакомки оказался на редкость звонким и сильным, он диссонировал с ее истощенной внешностью.

Подошедший матрос «Голдсборо» подтвердил слова женщины, передав д'Урвиллю записку от графа де Пейрака. Виконт внимательно прочел послание.

— Простите, мадам, — извинился он. — Все в порядке. Вы можете идти в деревню. Надеюсь, там вам помогут...

Женщина вежливо поблагодарила и пошла дальше, пошатываясь, сутулясь под тяжестью своей ноши.

Между тем, на пляже, кроме д'Урвилля и его людей, оставалась одна Анжелика в сопровождении детей и одной из «девочек короля». Она всей душой сочувствовала незнакомке, вынужденной в одиночестве искать пристанища у неизвестных и враждебно настроенных к ней людей. Некоторое время графиня стояла, раздумывая, потом решилась:

— Мадам! — окликнула она женщину. — Может быть, я могу помочь вам?

Женщина повернулась и с интересом посмотрела на Анжелику, Дождавшись, пока маленькая компания догнала ее, ответила:

— Благодарю вас, мадам! Я охотно приму вашу помощь. И да возблагодарит вас Бог, если вы сможете что-то сделать для бедной малютки. Ребенок при смерти. Нужно срочно раздобыть горячего молока или супа. Почти неделю мне приходилось кормить его соленой водой, смешанной с яблочным вином и сухарями.

— Пойдемте же скорее! — сердце Анжелики готово было разорваться от жалости к этому бедному существу. — Пойдемте!

Графиня привела женщину к складу Виль д'Эвре. Маркиз, увидев Анжелику, выбежал навстречу с

распростертыми объятиями. Но, увидев незнакомку, внезапно остановился и небрежно бросил:

— Поздравляю с возвращением!

— Вы тоже из Тадоуссака? — удивленно осведомилась Анжелика.

— Нет, из Вилле-Мария... Дал Бог — я вернулась в Канаду. Я почувствовала себя родившейся заново с той самой минуты, как мои ноги вновь ступили на благословенную землю.

Анжелика повесила горшочек с молоком над огнем очага.

— Это ваш сын? — осторожно спросила она, указывая на ребенка, которого женщина раскутала из своего мокрого, пропитанного солью платка и положила согреться рядом с камином.

— Нет, это ребенок французских эмигрантов. Его родители погибли во время налета. Никто не хотел взять на себя заботу о малыше, более того, некоторые жестокие матросы предлагали бросить его в воду. Я не могла выдержать этого... Вот так ребенок оказался у меня.

Анжелика налила молоко в деревянную чашку и протянула сосуд женщине. Ребенок вяло, с усилием, сделал несколько глотков. Но внезапно он будто ощутил прилив сил — начал пить жадно, захлебываясь.

— Говорят, во время плавания вам пришлось перенести много всяческих бед... — полуспросила Анжелика, не сводя глаз с ребенка.

— О, это было ужасно! Мы перенесли все. И кораблекрушение. Как только мы покинули Руан, началась чума. Многие пассажиры и члены экипажа умерли от этой страшной болезни. К счастью для оставшихся в живых, на борту был врач... Капитан же — настоящий подлец...

Пока женщина рассказывала о невзгодах, выпавших на долю пассажиров «Сен-Жан-Батиста», Анжелика

искала в своей сумке склянку с бальзамом. Это было чудодейственное средство, от которого наступало быстрое исцеление. Графиня осторожно начала втирать бальзам в маленькое тельце, которое, казалось, вот-вот распростится с жизнью. Хорошенько укутав ребенка в свой теплый шерстяной платок, она обернулась к женщине:

— Сейчас следует немного подождать, а потом снова накормить малыша. Пока все, что мы можем для него сделать, но будьте уверены, если он хорошо поест, это будет знаком к выздоровлению.

Она сняла с полки доски и сделала из них маленькое ложе у камина. Потом обратилась к подошедшей Дельфине с просьбой присмотреть за ребенком. Появившаяся Катерина-Гертруда предложила накормить мальчика хорошим бульоном.

— О, нет! — наотрез отказалась Анжелика. — Он еще слишком слаб для такой пищи.

Катерина-Гертруда принесла женщинам по миске теплого молока с крошеным туда душистым хлебом.

— Пейте, — обратилась она к незнакомке. — Вы, наверное, неделями не ели горячего.

— А, неважно, — махнула рукой та. — Главное — Господь привел нас в эту надежную гавань. А это все, о чем мы молились.

Женщина широко улыбнулась, и Анжелика ужаснулась, увидев кровоточащие десны.

— Она может умереть от цинги, — подумала графиня. И тут же обрадовалась тому, что захватила свой медицинский кофр. Она вновь порылась в его недрах и вытащила мешочек с сухими травами.

— Я приготовлю вам зеленый чай, он должен помочь, — объяснила незнакомке.

— Вы весьма любезны, — поблагодарила женщина, — Но кто вы? — продолжала она, с любопытством разглядывая прекрасную даму, явно не из местных

жителей. — Я вас не знаю... Два последних года меня не было в Канаде...

— Сначала выпейте! — Анжелика подала ей чашку с отваром. — Поверьте, у нас будет достаточно времени познакомиться...

Женщина повиновалась, по-прежнему улыбаясь и не спуская глаз с Анжелики. Хотя низко повязанный платок почти падал ей на глаза, было видно, что они смягчились, посветлели. Незнакомка явно оценила дружелюбие и благородство окружавших ее женщин. Когда же в помещение вошли Онорина и Герубин, доселе игравшие на улице, ее лицо просияло: она впервые обратила внимание на ребяташек.

— Это ваши дети? Какие чудные! — воскликнула она.

— И да, и нет, Онорина — моя дочь, а Герубин — ее приятель. Сейчас я опекаю его.

Женщина лукаво подмигнула карапузу, и Анжелике показалось, что она мгновенно оценила сходство между мальчиком и маркизом, по-видимому, знакомым ей давно и хорошо.

— Простите, — внезапно незнакомку осенило. — Так тут нас встретил монсеньор д'Эвре? Мне показалось, он не очень-то обрадовался... Кстати, где теперь маркиз? Он избегает меня?

— А мне показалось, вы сами его избегаете...

Незнакомка поставила чашку на стол и внимательно посмотрела Анжелике в глаза.

— До сих пор, мадам, я вас слушалась и не задавала вопросов. Но ответьте все же — кто вы?

Глава 16

У Анжелики возникло чувство, что от того, как она ответит на этот вопрос, зависит ее дальнейшая судьба в Канаде. Назваться? Нет? Наконец, она решилась, собрав все свое мужество:

— Я — супруга пирата, как вы изволили выразиться о моем муже...

— Другими словами, вы — графиня де Пейрак?

Анжелика кивнула.

Женщина улыбнулась. И Анжелика явственно ощутила на себе колдовские флюиды, исходившие от незнакомки. Это показалось странным. На первый взгляд женщина производила впечатление несчастной эмигрантки, оказавшейся на незнакомой земле без средств к существованию. Потом выяснилось, что, оказывается, эта дама была известна в Канаде, более того, пользовалась здесь авторитетом. Ее вполне можно было принять за пионерку Нового света. Но была в ней еще какая-то тайна.

Некоторое время женщины молча смотрели друг на друга. Потом незнакомка отвернулась, и ее взгляд упал на медицинский кофр, доверху набитый снадобьями, травами, настойками. Возле открытой сумки лежали миниатюрные портреты Святого Коспиуса и Святого Дамиана, вынутые Анжеликой, когда она искала бальзам для малыша.

— Вы почитаете святых? — незнакомка была поражена, и это неподдельное изумление выдавало то, что она уже была наслышана об Анжелике.

— Чему вы удивляетесь? Да, я почитаю святых, которые нас охраняют. Но вы задали странный вопрос. Может быть, вы усомнились в моем благочестии? Вы хотите настроить окружающих против меня? Я подозревала это. Зачем вы сюда пришли? Кто вы?

Вопрос остался без ответа, ибо в это самое время подоила Катерина-Гертруда с ребенком на руках.

— Хорошо, что вы здесь. Мать...

Но незнакомка, не дослушав, подала ей знак молчать.

— Итак, вы пионерка?

— Не совсем... — ответила таинственная незнакомка. Она рассмеялась. Казалось, ее забавляло любопытство графини.

Но в это время в помещение склада вошел очередной посетитель, и Анжелика услышала:

— Мадам Бургезе! Вы вернулись! Какое счастье!

— Так вы Маргарита Бургезе?

* * *

Анжелике, заслужившей уважение сельских жителей искусной стрельбой, удалось добиться полного их доверия, когда она показала свой талант лекаря. Матери Тадоуссака уже не опасались ее: к малышам, которых пользовала Анжелика, быстро возвращалось здоровье. Графиня чувствовала себя свободно: казалось, все начало меняться к лучшему. Кроме того, ей посчастливилось встретиться с весьма уважаемой особой в Новой Франции. Впервые о Маргарите Бургезе графиня услышала в Катарунке.

Суровые охотники и огрубевшие в битвах солдаты упоминали об этой женщине с особым почтением. Девушка, пришедшая с первой группой пионеров монсиньора де Масоннеуве, обосновалась на острове Монреаль, в заливе Святого Лаврентия. Тогда, много лет назад, остров называли Вилле Мария, в честь небесной королевы. Первопроходцы работали на полях, крестили язычников, лечили раненых, организовывали школы...

— Вы действительно спасли жизнь Элою Макколету после того, как с него сняли скальп индейцы? — спросила Анжелика.

— Как вижу, вы тоже обо мне наслышаны, — заметила мать Бургезе.

— Но слышала о вас и кое-что другое... Когда здесь, в Новой Франции, меня обвиняли во всевозможных несуществующих грехах, фигурировало ваше имя...

— Прекратите, не богохульствуйте, — резко оборвала графиню Бургезе. — Грех говорить такое...

Она демонстративно замолчала, но потом смягчилась:

— Я знаю, откуда в вас такое недоверие... Вы — импульсивный ребенок.

* * *

Анжелику и Маргариту Бургезе буквально атаковали жители Тадоуссака — можно было подумать, что все крестьяне деревни одновременно заболели. Не было ни одного человека, который не обратился бы к ним за советом и помощью. И не нашлось ни одного, которому бы не помог опыт обеих женщин и чудодейственная аптечка Анжелики — недаром слава Бургезе и графини де Пейрак опережала их самих.

Открытая симпатия, с которой мать Бургезе относилась к графине, дарила последней вдохновение и надежду, что обеих ценительниц хорошо примут и в других деревнях и городах Канады: простые люди всегда будут на их стороне. Анжелика настолько уверилась в этом, что начала чувствовать себе в Новой Франции, как дома, будто и не было никогда страха перед неизведанной землей.

Все посетители искренне благодарили и хвалили графиню и монахиню. Они могли успокоить испуганного ребенка, наложить повязку, вскрыть абсцесс или вырвать больной зуб. И каждому пациенту обязательно объясняли причину заболевания — будь то головная боль или паралич конечностей. Всем было ясно: женщины прекрасно владели медицинскими знаниями, а именно это и обеспечивал» успех.

Пока Анжелика занималась жителями деревни, Онорина и Герубин, предоставленные сами себе, шалили и резвились вволю, наравне с деревенскими ребятами.

Глава 17

— Ну куда он мог запропасться? — Анжелика перевернула всю сумку, разыскивая мешочек с сушеными ягодами от кашля. В это время Онорина, пятясь, выходила из комнаты, прикрывая собой Герубина.

— Стойте, стойте-ка, — с улыбкой приказала матушка Бургезе. — Ну-ка отдайте лекарство...

— Мы не можем, — запротестовали малыши. — Заболел мистер Вилугби.

— Кто это — мистер Вилугби? — терпеливо поинтересовалась матушка Бургезе.

— Один наш друг. Он медведь и любит голубые ягоды.

— С ума сойти! Знаете что? Вряд ли ему понравятся сухие ягоды, лучше набрать ему свежих. Я покажу зам в Тадоуссаке одно местечко — ягод полным-полно. Я часто там собираю...

— У вас тоже есть медведь? — от изумления Онорина выронила мешочек, а матушка Бургезе незаметно подобрала его.

— Увы, моя дорогая, нету. У взрослых не бывает медведей, они дружат только с детьми. Но эти звери — превосходные кавалеры. На борту «Сен-Жан-Батиста» есть один медведь, и я очень его уважаю.

Онорина вдруг рассмеялась, махнула рукой и куда-то умчалась по одной ей ведомым делам. Герубин же остался крутиться возле Анжелики, делая вид, что помогает, а на самом деле жадно поедая мармелад, принесенный доброй Катериной-Гертрудой.

Через короткое время за дверью началась какая-то возня, а потом кто-то крикнул резким неприятным голосом:

— Тут, несомненно, что-то есть... Странно, что еще никто не появился... Они рискуют...

Послышался голос управляющего. Он бормотал что-то невразумительное, явно успокаивая кого-то. Потом

вдруг произнес громко и внятно:

— Но почему... она здесь! И недавно еще играла со своим ребенком. Девочка убежала куда-то...

Прислушавшись, Анжелика поняла, что речь идет о ней. С перемазанным мармеладом Герубином на руках она подошла к двери.

— Вы, верно, разыскиваете меня? — спросила она у господина в сюртуке и кружевной сорочке — одежде, выдававшей королевского служащего. Рядом с ним стояла невзрачная женщина. Она была на редкость некрасива и вела себя жеманно. Очевидно, то была жена незнакомца. Господин — скорее всего, судебный писарь — бросил на Анжелику угрюмый взгляд.

— Почему вас? Я спорю по поводу «Сен-Жан-Батиста». Я нахожу, что корабль в хорошем состоянии. Я напишу донесение господам из Общества в Руане. Что это за круиз, который так поздно прибывает? И потом судно еще подверглось нападению пиратов, занявших гавань в Тадоуссаке... Нет, так не может продолжаться...

Он довольно бесцеремонно оттолкнул в сторону управляющего и буквально штурмом взял помещение склада. Его жена готова была проследовать за ним, но господин предостерегающе поднял руку:

— Оставайтесь здесь, моя дорогая! Я не могу знать... Где она?

Явно он искал ведьму. В конце концов, этот незнакомец не так уж неправильно себя ведет, — подумала Анжелика. Если все вокруг говорят, что рядом колдунья, ему, видимо, не до хороших манер. С вельдами бороться непросто — Анжелика сама испытала это. Графиня вновь вспомнила появление герцогини на пляже Тидмагауша. Колдунья не очень-то с ней церемонилась. А Анжелике пришлось бросить все свое мужество на борьбу с демоническими силами.

Графиня прекрасно понимала этого господина, но сейчас ее судьба была у него в руках.

Она стояла в нерешительности, лихорадочно раздумывая, что может ей помочь? Слава Богу, Анжелику окружали простые добрые люди, которые поверили ей и в трудную минуту не бросят на произвол судьбы. Ах, если б они вмешались!..

Когда судебный писарь увидел матушку Бургезе, он несколько успокоился:

— Ах, вы здесь... Добро пожаловать, почтенная матушка! Что здесь происходит? Вы можете что-то объяснить?

Оглядевшись, он увидел открытый медицинский кофр и нескольких женщин с детьми на руках. Он пристально всматривался в них, надеясь различить одну, с ужасным безобразным лицом, ведьму, которая, по всей видимости и есть графиня де Пейрак. Но его окружали простые женские лица, лица крестьянок и кормилиц...

— Где вы! — закричал господин, будто в безумии. — Вы растворились в воздухе? Матушка Бургезе, прошу вас, вы — благоразумная женщина... Покажите ее мне...

— Кого? — спросила Маргарита Бургезе, которая никак не могла взять в толк, кого ищет этот господин.

— Ту, которую здесь называют графиней де Пейрак, Скажите мне прежде, она здесь?

— Здесь. Это я, — Анжелика по-прежнему стояла в дверях.

Господин на мгновение замолчал и снова сорвался на крик:

— Достаточно! Сдается, вы смеетесь надо мною! Я не потерплю этого! Вы не выказываете элементарных знаков уважения! Встретили меня здесь презрительно, не обращают внимания на мои распоряжения...

Театрально выпрямившись в полный рост и воздев руки к небу, он заревел:

— Я немедленно требую графиню де Пейрак!

— Так раскройте же глаза и посмотрите на меня, — отозвалась Анжелика. — Это я!

Господин уставился на нее так, будто только увидел.

— Да, это я — графиня де Пейрак. Но я не понимаю, почему такой шум вокруг моего имени? У вас есть ко мне какое-то дело, монсеньор? Скажите же!

Лицо ее собеседника пошло красными пятнами. Графиня еще никогда не видела человека в таком смущении. Бура эмоций отразилась на его челе. Одновременно — неожиданность, сомнение, униженность и страх.

Анжелике стало немного жаль его, но она все же продолжала:

— А впрочем, кто вы, монсеньор? Почему вы так кричите и что вы хотите этим доказать? Нас даже еще не представили...

Незнакомый господин повернулся на каблуках, схватил за воротник управляющего и в бешенстве его потрянул:

— Глупец! Ты мог бы мне помочь! Дождался, пока я стал посмешищем!

— Не смейте кричать на моего служащего! — раздался голос д'Эвре, появившегося со стороны улицы. — Немедленно уберите руки! По какому праву вы...

— А, — язвительно сказал незнакомец. — Господин губернатор Акадии!! Теперь я нисколько не удивляюсь тому, что здесь происходит!

* * *

Неожиданно Анжелика увидела в дверях Жоффрея. Его лицо скрывала маска. У графа была манера появляться неожиданно и совершенно беси умно. Анжелику иногда это сердило, но только не сейчас. Сейчас сам Бог послал его.

Жоффрей мастерски умел выпутываться из самых невероятных ситуаций. Во-первых, сама манера его появления... Она нередко вызывала шок. Потом его необычная внешность, одежда... Это всегда отвлекало присутствующих, и давало шанс хозяину «Голдсборо» овладеть положением.

Сегодня он был экстравагантно одет. Шею обвивал белый шнур, на котором висел бриллиант необычайной чистоты и красоты, оправленный в серебро. Камень мерцал чистым северно-голубым светом, отражаясь!» небрежно наброшенной на плечи шелковой накидке. Такой же величины бриллиант украшал рукоятку шпаги. А вся остальная одежда была скромно-элегантной — в соответствии с английской модой. Как правило, внешний облик графа вызывал беспокойство у канадских крестьян. Пожилое поколение по-прежнему считало британцев врагами, не забывая о годах пережитой оккупации. Нынешние хозяева-французы были щеголями. Они предпочитали шляпы с перьями, кружевные сорочки, богато расшитые жакеты, высокие испанские сапоги... Эти изысканные наряды придавали им вид важный и значительный.

Облик же Жоффрея полностью соответствовал тому типу иностранных господ, которые не признают ни королевской власти, ни существующих законов, ибо богатством и могуществом они превзошли самых крупных феодалов монархии. То был тип морских разбойников, который, благодаря языкам моряков, оброс самыми немыслимыми легендами. Год от года все увеличивалось число разбойных налетов на корабли французского флота, и соответственно, год от года росло богатство этих морских волков. Местом действия всегда была Северная Канада — богатейший и необжитой край. И когда здесь объявился граф де Пейрак — личность таинственная и легендарная — жители Тадоуссака совершенно справедливо

предположили, что перед ними — один из известнейших пиратов.

Итак, в дверях склада неожиданно появился Жофfrey. Все остолбенели, увидев его. Но граф вел себя так, будто ничего не замечает и даже сделал комплимент супруге неизвестного господина. Такой любезности она не слышала ни разу в жизни.

Очевидно, Виль д'Эвре пришел вместе с ним, потому что, разняв ссорящихся, он обернулся к графу и продолжил давно начатый монолог:

— Если вы не настаите, вам придется жить южнее, на другой стороне Сагуенай. А не существовать здесь в качестве так называемого пирата.

— Мне хорошо известно, что тот климат больше подходит для моей жены.

— Потом вы пожалеете, что пришли слишком поздно: сфера вашего влияния широка, но не всеобъемлюща.

Незнакомый господин, как зачарованный, глядел на графа. Маркиз заметил его взгляд и по своему обыкновению мгновенно, переключил с я на другую тему:

— Это граф де Пейрак, чей флот стоит в гавани на якоре. Супруг той дамы, которую вы разыскивали.

Господин побледнел. Но когда он обнаружил, что его собственная жена стоит рядом со странным человеком в маске, чуть было не упал в обморок. Он в замешательстве смотрел то на скромный наряд Анжелики, то на необычный облик Жофfrey, то на вооруженных солдат эскорта. Кожаные одежды и шлемы лейб-гвардейцев казались чем-то нереальным, вселяли ужас.

Господин выкрикнул:

— Монсиньор, прошу вас, не трогайте мою больную жену, пока я не вернусь со шпагой!

Глава 18

— Монсиньор, вы меня неверно поняли. Оставьте свою шпагу там, где она сейчас находится. Знайте же: я, граф де Пейрак, прибыл в Канаду не как враг, но как друг, по приглашению губернатора Квебека монсиньора Фронтеньяка. Впрочем, относительно моих намерений вы можете поинтересоваться у господина Шарля де Вуверанжа, интенданта. Он — гость моего корабля.

В этот момент к складу подошел Шарль, и Дукрест де Ламотт — а именно так звали незнакомого господина — чрезвычайно учтиво приветствовал интенданта. Шарль ответил ему прохладно. Он пребывал в дурном расположении духа, причем не столько из-за того, что его зачислили в союзники де Пейрака, сколько из-за грузов.

— Что здесь происходит? — набросился он на Дукреста. — Мои товары — дерево, пшеница и рыбий жир — до сих пор хранятся в гавани... Вам должно быть прекрасно известно, что они должны были быть отправлены во Францию последним рейсом!

— Капитаны судов отказались взять их с собой, монсиньор, — пытался защищаться Дукрест.

— Лучше признайтесь, что вас не было на месте, когда уходили суда...

— Вас тоже... — ехидно парировал де Ламотт. — Несмотря на то, что вы обещали вернуться после отправки других грузов.

— Но я же не развлекался! Бесчисленные неприятности не позволили мне вовремя вернуться из Акадии. Но вот я, наконец, здесь, и что вижу?! Товары всю зиму будут валяться в снегу!

— Не отчаивайтесь, монсиньор. Еще не все корабли ушли в Европу...

— Что вы такое говорите! Какой капитан поведет судно в такое время? Это же верная гибель среди льдов!

— «Мирабель» — корабль короля с тридцатью пушками на борту о Судно должно было вернуться во Францию. По крайней мере, ходили такие слухи...

Интендант бессильно опустил на скамейку.

— Безумие! — воскликнул он. — Жертвовать таким кораблем! Монсиньор де Пейрак идет в Квебек с флотом из пяти кораблей. У него больше, чем тридцать пушек...

Дукрест снова побледнел.

— Вы можете поручиться за свои дружественные намерения? — пробормотал он, обращаясь к Пейраку. За него ответил интендант:

— Мне ничего другого не остается! — он махнул рукой.

— Шарль, не стоит так расстраиваться, — воскликнул граф. — Я готов купить ваши товары! Мне нужно на зиму пристроить свой экипаж. Я совершенно не собираюсь грабить Новую Францию — я нуждаюсь лишь в сердечности и гостеприимстве ее жителей.

— А почему тогда утром вы обыскивали аварийное судно? — подозрительно поинтересовался Шарль.

— «Сен-Жан-Батист»? — вмешался Виль д'Эвре. — Разрешите, отвечу. Вам не хуже моего известно, что Рене Дугаст — отвратительнейший подлец. Половина товаров, находящихся на борту судна, бесследно исчезла бы в Квебеке, благодаря махинациям капитана и его сообщников. Благодаря распоряжению де Пейрака учинить досмотр на борту «Сен-Жак-Батиста» вы сможете поштучно маркировать каждый флакон духов и каждую бутылку превосходнейшего ликера. Их уже не смогут продавать из-под полы. Так что, если в этом году вы получите пошлину, то только благодаря стараниям нашего любезного хозяина.

Он указал пальцем на графа и, склонившись к интенданту, горячо зашептал:

— Представьте себе, на борту аварийного судна находится бочка настоящего бургундского. Лучшее

красное вино, какое можно себе вообразить! Думаю, вы должны извлечь выгоду из этого сообщения.

Но Шарля никак не заинтересовал сей факт.

— Вы еще перевозите этого пирата! А известно ли вам, что граф де Пейрак присвоил себе право задержать на борту членов экипажа и пассажиров! Я же слышал, что на «Сен-Жан-Батисте» находится высокое лицо, чье имя пока умалчивают. Возможно, сия персона прибыла в Канаду с тайной миссией короля... И если только этот человек пожалуется...

— Кому? — Виль д'Эвре вышел из себя. — Мы среди друзей. Что нам за дело до высокой персоны? Мы сами по себе, и этот неизвестный господин из Версаля не имеет права совать нос в чужие дела. С нас довольно и необходимости всю зиму проторчать в Квебеке. Радуйтесь тому, что монсиньор де Пейрак задерживает персону на борту «Сен-Жан-Батиста».

Пока длилась беседа, Анжелика, воспользовавшись случаем, представилась мадам Дукрест. Подошла и матушка Бургезе. Между женщинами завязался оживленный разговор. Через некоторое время графиня, извинившись, покинула собеседниц и, разыскав Катерину-Гертруду, предложила приготовить угощение для гостей. Очень скоро повар и две его помощницы принесли графины с вином и ромом и печенье. Анжелика же, убедившись, что ее распоряжение выполнено, приблизилась к Жоффрею.

Даже скромный наряд несколько не умалял очарования графини. Она выглядела счастливейшей женщиной. Никто и не подозревал, что ее жизнь с де Пейраком состояла не из одних удовольствий, несмотря на то, что она всегда и во всем могла положиться на своего мужа.

Жоффрей из-под маски улыбнулся жене.

— Вижу, вы уже завоевали Канаду!

— Тадоуссак — это только деревня. А Квебек...

— Зато начало хорошее.

— Да. Здесь мне посчастливилось познакомиться с матушкой Бургезе.

— О, вам выпадет еще много счастья...

Тем временем Виль д'Эвре пригласил всю компанию к столу. Как и в прошлый раз, хорошее вино и вкусное угощение, гостеприимство хозяина и доброжелательность местных жителей рассеяли напряженность. Забылись обиды, недоразумения, ссоры. Тепло камина располагало к задушевной беседе, и скоро все гости разделились на небольшие группы, расположившиеся в уютных теплых уголках. Каждый чувствовал свое единение с другими, но одновременно оставался самим собой. Каждый ощущал внутреннюю изоляцию, но одновременно был как бы частичкой целого. В этом и состоит обаяние таких встреч. Да еще в том, что человек, чувствуя поддержку другого, приходит к мысли, что в жизни всего можно достичь, стоит только захотеть.

Жоффрей де Пейрак сидел рядом со своей женой.

— Что обычно пил монсиньор де Рексатор? — как бы невзначай спросил он у Анжелики.

Та пожала плечами.

— Ничего... Какое это имеет значение? Я хочу видеть только вас.

Сегодня утром Жоффрей сделал жене замечательный подарок: повесил ей на шею удивительной красоты часы, украшенные золотыми лилиями.

— Почему часы? — спросила Анжелика.

— А почему бы и нет? — вопросом ответил граф.

Сейчас, преисполненная любви, Анжелика прижалась к плечу Жоффрея. Она дотронулась пальцем до его щеки, нежно провела по уродливому следу от шрама.

— Возлюбленный мой, — шептала она. — Моя любовь, украшение моей жизни... Каждый раз я сталкиваюсь с твоей новой тайной и каждый раз пытаюсь ее разгадать... А я от тебя ничего не могу скрыть. Ты угадываешь самые сокровенные мои мысли. Я бессильна перед твоей властью...

Не обращая никакого внимания на окружающих, граф склонился над лицом жены, поцеловал ее нежно в лоб, в губы... Он взял ее руки в свои, и казалось, никакая сила не сможет разорвать это пожатие. Жоффрей целовал Анжелике пальцы, и она вдыхала знакомый аромат его тела.

Маргарита Бургезе и патер иезуит, не отрываясь, глядели на супругов. Крестьянка тайком утирала слезы умиления, выступившие у нее на глазах. Юная девушка восхищенно шептала:

— Какая любовь!

Вечер в гавани, начавшийся так странно, превратился в большой праздник.

Глава 19

А потом произошло событие, которое впоследствии стало легендой, передающееся из уст в уста. Люди, знающие Анжелику, нашли ее поступки естественными, другие же считали, что произошло чудо.

Праздник подходил к концу. Валились с ног усталые танцоры, в изнеможении замолкали певцы. Вин, рома, ликеров и закуски было вдоволь: Пейрак распорядился вытащить на свет божий свои запасы. Граф приготовил и подарки для жителей Тадоуссака — амулеты и портреты святых. Это создало вокруг праздника религиозную ауру: даже сам Дукрест — охотник за ведьмами — забыл о своих недавних подозрениях и отдался всеобщему веселью. Даже местные священники то и дело подходили к бочкам с голландским шнапсом и отдавали должное вкусу графа де Пейрака.

На праздник пришли все — и солдаты из форта, и торговцы мехами, и охотники, и, само собой разумеется, индейцы из близлежащего лагеря в своих диковинных украшениях из перьев. Только экипаж и пассажиры «Сен-Жан-Батиста» должны были оставаться на борту своего судна вместе с капитаном Рене Дугастом.

Неожиданно Анжелика поднялась из-за стола. Она вспомнила о тех несчастных, которые после тяжелого путешествия не смели покидать корабль, чтобы хоть немного отдохнуть на берегу. Графиня понимала, что распоряжение мужа было вызвано соображениями безопасности, но все же... Она разыскала мать Бургезе, развлекавшую детей, и женщины приготовили для пассажиров «Сен-Жан-Батиста» большой короб с продуктами. Анжелика вернулась к столу лишь тогда, когда убедилась, что караул аварийного судна принял посылку на борт. Еда предназначалась монахам и измученным пассажирам.

Еще немного погуляв на празднике, Анжелика решила сходить в деревню. Правнучка старого Кариллона, Катерина-Гертруда, предложила ей свои услуги и ночлег.

В огромном доме из серого камня с конюшней, более похожей на государственное здание, служили вечернюю молитву, Войдя, Анжелика тихо преклонила колени. В этот вечер в честь матушки Бургезе молились на светлой латыни. Графиня хотела остаться незамеченной, однако все члены огромной семьи Катерины-Гертруды — дети, племянники, сестры, братья, дядюшки и тетушки — сразу обратили на нее внимание. Однако Анжелике было не до приветствий. Отыскав глазами матушку Бургезе, графиня отправилась к ней.

— Простите, я помешала вашей молитве.

— Да, я хотела обратиться к Богу, не покинувшему нас. Наконец-то я в Канаде. Сегодня впервые за долгое

время я проведу ночь в хорошей постели. Мое сердце радуется, хотя плоть привыкла к лишениям.

Она скорбно качнула головой.

— Святой Жан! Я всегда преклонялась перед этим светлым человеком, которого крестил сам Иисус! Но я не могла ему молиться долго... долго... пока продолжалось плавание на ужасном корабле, который, увы, носит имя нашего святого. Самой страшной была злоба, которую прямо-таки излучали капитан и его команда...

— Послушайте, матушка, я как раз и хотела поговорить с вами о корабле.

— Я слушаю вас.

— Но вы не поднимете меня на смех?

— Отнюдь, о чем бы вы не рассказали. Итак, что вас заботит?

— Наверное, это мелочь... Я слышала, вы говорили Онорине, что на борту «Сен-Жан-Батиста» есть медведь...

— Да, есть.

— Надеюсь, это ручной зверь? Он не опасен для пассажиров?

— Представьте себе, с тех пор, как я рассказала о нем Онорине, меня тоже неотвязно преследует этот вопрос.

— А как медведь попал на судно?

— Капитан захватил баркас в заливе Святого Лаврентия. Медведь принадлежал пассажирам баркаса.

— И там еще был маленький негритянский мальчик?..

— Совершенно верно.

— Боже правый! — воскликнула Анжелика. — Значит, это действительно мистер Вилугби и негритенок Тимоти! Скажите же, скажите скорей, что с ними потом стало?

— Капитан рассчитывал либо получить выкуп за хозяина медведя, англичанина...

— ...Мистера Кемптона, — подсказала Анжелика.

Монахиня бросила на нее удивленный взгляд.

— ...Либо продать его медведя и мальчика в Квебеке, — продолжила она. — С этими бедными людьми Дугаст обращался очень жестоко. Особенно с англичанином. Он, конечно, еретик, но я, помня завет Иисуса возлюбить ближнего своего, заступалась, как могла. Христианство не позволяет издеваться над себе подобными. А капитан... я хорошо знаю этот сорт людей. Мне удалось убедить Дугаста и его сообщников, что выгоднее привезти пленников в Квебек целыми и невредимыми, чтобы получить за них больше денег.

— А медведь?

— Они хотят содрать с него шкуру и превратить зверя в окорок.

— Ужасно! Бедный мой Вилугби! Неужели это может случиться?

— Я попыталась объяснить Дугасту, что смерть медведя совершенно бессмысленна. Мне вряд ли удалось бы его убедить, но, к счастью, хозяин медведя продемонстрировал пару фокусов, которые понравились матросам. После этого пленников оставили в покое и поселили на верхней палубе.

— И я, и Онорина — мы были бы вам вечно благодарны, если бы вам удалось освободить мистера Вилугби, его хозяина и Тимоти... Но как случилось, что мой муж и его люди не видели их на верхней палубе?

— Это, действительно, странно... Быть может, капитан спрятал их?

— А вдруг они уже мертвы! Бог мой! Матушка Бургезе, теперь я поняла, почему на сердце такая тревога. Мы должны найти их! Нельзя терять ни секунды!

Графиня кинулась к двери. Маргарита Бургезе поспешила за ней.

— Слушайте! Я вспомнила, что среди пассажиров баркаса был один небольшого роста парень с наглым взглядом и бойким языком. Он производил особенно жалкое впечатление. Его, хромоножку, нещадно били и оскорбляли.

— Это должно быть Аристид Баумархард!

— Возможно. Знаю только, что он как-то намекнул, будто служит некому графу, что хозяин, если узнает, какое зло причиняли его слуге, нещадно будет мстить... Возможно, это нагнало страху на капитана. Видимо поэтому, когда появился граф де Пейрак, Дугаст куда-то спрятал пленников. У меня есть опасение, что от них попытаются избавиться, страшась мести графа.

— О Боже, дай нам успеть вовремя! — молилась Анжелика.

Графиня легко дотронулась до руки мужа. Жоффрей удивился, увидев жену в таком взволнованном состоянии. После быстрой ходьбы она, еще не восстановив дыхание, сбивчиво рассказала супругу о том, что только что узнала.

— Скажите. Жоффрей, вы оставили вахту на борту «Сен-Жан-Батиста»?

— Нет — не было необходимости. Ведь все получили распоряжение не покидать корабля.

— А, распоряжение... — Анжелика досадливо махнула рукой. — Мы должны спешить. Нельзя терять времени.

Несколько минут Жоффрей молча размышлял. Потом подал знак д'Урвиллю, танцующему с дамой.

— Возьмите на себя руководство праздником, — шепнул ему Пейрак. — Устройте фейерверк. Это позволит нам незаметно покинуть праздник. Я забираю Барссемпью и его людей. Мы отправляемся на «Сен-Жан-Батист».

В сопровождении испанцев Анжелика и Жоффрей поспешили к гавани. Четверо из охраны должны были плыть с Пейраком к кораблю, который исполином возвышался на фоне ночного неба.

Когда шлюпка отошла от берега, в воздух поднялась первая ракета. Послышались восхищенные возгласы толпы.

— Все сделано правильно, — тихо сказал граф Анжелике. — Люди на «Сен-Жан-Батисте» тоже будут увлечены этим зрелищем. Пока они будут глазеть в сторону берега, мы приблизимся сзади и застанем их врасплох.

Анжелика, сидевшая рядом с Жоффреем и державшая его за руку, понимала, что ее подозрения могут оказаться необоснованными, но было отраднее осознавать, что муж снова понял и пошел навстречу, рискуя своим оружием, своими солдатами... своей жизнью.

Погасив фонарь и обогнув с дальнего поворота «Сен-Жан-Батист», они подошли к кораблю с тыла. Расчет Жоффрея оказался верным: часовые и другие члены экипажа собрались на носу, чтобы полюбоваться великолепным зрелищем. Море было спокойным, весла падали с едва слышным плеском, и появления лодки никто не заметил. Едва Жоффрей и его соратники собрались подняться на борт, как услышали полный ужаса вопль женщины:

— Помогите! Помогите! Убивают!

— Это Жюльена! — воскликнула Анжелика и резко поднялась.

Предчувствия не обманули ее. Подруга была в опасности.

— Сюда! На помощь! — кричала Жюльена. — Есть здесь христианская душа... помогите мне! Убивают!

Послышались тяжелые шаги. И все стихло.

Жоффрей быстро зажег фонарь, перекинул канат через поручни и забросил его так, — что в дерево обшивки воткнулся крюк, укрепленный на другом конце. Через несколько секунд граф и его люди были на палубе. Анжелике сбросили веревочную лестницу.

Четверо матросов, которые обыскивали изможденную женщину, угрожая ей пистолетами, не ожидали нападения. Они оторопели, увидев гвардию Пейрака. В двух шагах от Жюльены лежала туго связанная бесформенная фигура. На шею уже была наброшена веревка с тяжелым камнем. Когда испанцы освободили человека от пут, Анжелика увидела Аристида Баумархарда, бывшего пирата из экипажа «Гольдбартса».

Жюльена, обливаясь слезами, бросилась Анжелике на шею.

— Я знала, что вы не оставите нас, мадам, знала, что вы освободите нас! Я всегда говорила Аристиду, что вы придете!

— Вы видите, что они с нами сделали! — Аристид, готовый минуту назад распрощаться с жизнью, наконец обрел дар речи. — Господи! Покарай их!

— А где англичанин? — озабоченно спросила Анжелика. — Он еще жив? Где он?

Фейерверк и шум на палубе разбудили пассажиров. Они темной толпой сгрудились у люков трюма, чтобы разглядеть, что происходит на воле. При очередной вспышке разноцветных огней Анжелика увидела измученные лица женщин и мужчин. Суровый Дант ужаснулся бы, увидев жуткую картину — это был десятый круг его ада. Бледные больные дети как замороженные следили за темным небом и при каждой новой вспышке приходили в восторг — поистине, много ли нужно ребенку?

В одном из темных закутков Жоффрей обнаружил закованного в цепи Кемптона. Англичанин лежал на

груде гниющей соломы, издающей невыносимый смрад.

— Мадам, какой счастливый случай занес вас сюда?

— увидев Анжелику, воскликнул Кемптон и воздел к небу свои истерзанные руки. — О, как я огорчился... особенно из-за туфель, которые предназначались вам... настоящее произведение искусства... но я не знал, как их вам переправить... а сейчас мои товары похищены...

— Эти бандиты все у нас отобрали, — простонал Аристид, — Мой ром... ной прекрасный ямайский ром...

— Где мистер Вилугби? — спросила Анжелика в то время как матросы, незаметно вытащив у спящего зрителя ключ, освобождали англичанина от оков.

— Здесь, — Кемптон кивнул на кучу соломы.

— Что с ним? Не двигается... Он мертв?

— Жив. Но он спит.

— Спит? — удивилась Анжелика. — Он болен?

— Нет, просто спит. Такова его природа, мадам. Можете требовать от этого медведя всего что пожелаете, только не будите его от зимней спячки. Если бы мы остались на свободе, я бы отвез его в любимый лес в Новой Шотландии. Видит Бог, я сделаю это будущей весной.

Сзади раздался какой-то шум. Анжелика обернулась и увидела, что спящий неподалеку страж проснулся, встал, потянулся, почесал лодыжку, потер щекой свою островерхую шляпу и снова заснул.

— Что же теперь делать? — Анжелика посмотрела на груды соломы. — Мы должны забрать его отсюда.

— Мы не сможем этого сделать. Медведь, впавший в спячку, не может проснуться. Но если это произойдет, он станет очень опасным зверем, — объяснил Кемптон.

— Вам нужно сойти на берег и вылечиться.

— Нет-нет! Я не оставлю своего друга! Эти французские бандиты способны сделать ветчину из беззащитного спящего животного. Однажды мне с огромным, правда, трудом, уже удалось спасти его, и

то, благодаря заступничеству одной достойной женщины, принявшей мою сторону. Она была монахиней, но несмотря на это помогла мне. Кажется, к ней прислушивались эти бандиты.

— В таком случае мы оставим вам немного продуктов.

— Я охотно приму их. И, пожалуйста, оставьте мне ружье. Тогда я буду спокоен за мистера Вилугби.

— А где Тимоти?! — вдруг вспомнила Анжелика.

Вся группа отправилась на поиски негритенка. Мимоходом Жоффрей перебросился несколькими фразами с монахом, заверившим графа, что скоро корабль будет в состоянии продолжить путь в Квебек. Пейрак подтвердил свои миролюбивые намерения относительно пассажиров и экипажа и добавил: корабль нуждается в ремонте, а капитан — в проповеди. Иезуит согласился, но признался, что силы его на исходе.

— Шесть раз я путешествовал в Канаду и знаю, что долгий путь приносит много лишений. Но ни разу, ни разу у меня не прибавлялось столько седых волос, сколько их прибавилось во время плавания на «Сен-Жан-Батисте».

Тимоти обнаружили в каюте капитана. Негритенок чистил сапоги с себя ростом. Дугаст валялся на грязной постели. Он был единственным в своем роде моряком — наполовину купец, наполовину пират — как посмотреть. Сейчас он выглядел не менее жалко чем его пассажиры. С отечным лицом, покрасневшими полуприкрытыми глазами, он выглядел кандидатом на тот свет. Он был настолько слаб, что не мог оторвать голову от подушки. Пейрак догадался о причине столь плачевного состояния, увидев пустые бутылки, в огромном количестве разбросанные по полу.

— Ром! — констатировал Барссемпью, подняв одну из них и поднеся к носу, — Фи! Редкая мерзость.

Наихудший сорт, который мне когда-либо приходилось встречать. А уж я, верьте, понимаю в этом толк...

— Это должно быть ром Аристида, — догадалась Анжелика. — Что ж, поделом Дугасту. Награбленное не принесло ему пользы.

Оставив спящего капитана в каюте, они забрали с собой Тимоти. Анжелика закутала маленького негртенка в свое пальто и еще раз уверила Кемптона, что немедленно пришлет ему продукты, и уж конечно, возьмет на себя заботу о юном черном слуге.

Через некоторое время граф и графиня де Пейрак, их охрана и спасенные пленники «Сен-Жан-Батиста» были на берегу.

По дороге Аристид возбужденно рассказывал:

— Это было невыносимо... я до сих пор чувствую этот проклятый камень на своей шее. Но слава Богу, вы появились вовремя... А без Жюльены мы пропали бы... Эта девушка — просто клад. Она так прекрасна, что этот шелудивый пес, капитан, добивался ее! Что было потом, когда она ему отказала, вы видели. Но нас не так-то просто стареть с лица земли, нет, моя Жюльена! Бог спас нас, я всегда предсказывал это.

— И я чувствовала, что вы явитесь в самый необходимый момент, мадам! — Жюльена наклонилась и поцеловала руку Анжелике. — Я всю жизнь буду молиться за вас.

Сойдя на берег, они оказались за праздничным столом. Принесли жаркое из косули, сыр и превосходное яблочное вино. Все с любопытством смотрели на пленников капитана Дугаста. История их освобождения, немало приукрашенная подробностями, быстро распространилась по деревне. Причем, Анжелика играла в ней чуть не первую роль. А все Жюльена: после каждого глотка вина — а их было немало — она повторяла, что всю оставшуюся жизнь

будет молиться за святую молодую женщину. Это особенно тронуло собравшихся.

Много рассказов было и о медведе.

— Не тот ли это зверь, которого убил патер Вернон?
— поинтересовался интендант.

— Я уже говорил вам — святой отец никогда не убивал медведей, — втолковывал ему Виль д'Эвре. — Он только боролся с медведем. Эту интересную историю я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

— Боролся? С медведем? — изумился Шарль.

— Да. И зверь, и человек остались живы. Я присутствовал при этом. Грандиозное зрелище!

— Кто? Отец-иезуит? — Шарль все еще не мог поверить в услышанное.

— Да. Он боролся с мистером Вилугби, тем самым, что находится сейчас на борту судна Рене Дугаста.

— Вы рассказываете сказки...

— Нет, я сам тому был свидетелем. Дело происходило на «Голдсборо»...

— Между прочим, патер Вернон умер, — Шарль явно старался подловить маркиза на лжи.

— Потом, потом! — прервал его Виль д'Эвре. — Выпьем? Прополощем глотки... немножко и послаще — на мой вкус. Мясо на «Голдсборо» подавали превосходное... А мне очень нравится это вино. Но когда я представляю, что на борту этой развалины «Сен-Жан-Батиста» бургундское... Да ведь оно, прежде чем достигнуть Квебека, тысячу раз может быть разбавлено водой! А впрочем, челядь Дугаста давно превратила божественный напиток в звонкую монету. Ох, не нужно, не нужно вспоминать об этом!.. Но все же, считаю, будет справедливо, если монсиньор де Пейрак заберет вино себе. А вы как думаете?

Глава 20

Наутро историю с медведем знала вся деревня. В каждом доме обсуждались подробности этого

удивительного приключения. При встрече соседя говорили только об одном — о благородном поступке графа и его жены. Словом, все были взбудоражены. Это и не удивительно: ведь здесь, в глуши канадского леса происходит так мало событий, что любое, даже самое незначительное происшествие привлекает всеобщее внимание, а уж то, что случилось накануне вечером — настоящая сенсация.

Анжелика же вела себя так, будто ничего особенного не произошло. Она наслаждалась покоем, гостеприимством добрейшей Катерины-Гертруды, вела долгие беседы с Вилем д'Эвре, играла с детьми... И лишь на мгновение мелькнувшее воспоминание о том, что разыгралось вчера, повлекло за собой целую ниточку картин из прошлого...

...Тогда, в Северном Кеннебеке, графиня вместе со всеми участвовала в религиозном празднике. И вдруг ей показалось, что постучали в ворота. Как выяснилось, только показалось — за дверью никого не было. Но графиня поднялась из-за стола, охваченная смутной тревогой. Ей почудилось, будто высокие государственные чины Новой Франции — барон д'Арребуст, граф де Ломенье-Шамбард, кавалер де Салле и патер Массерат — занесены снегом и замерзают на морозе в дикой местности недалеко от Вапассу, Позже Анжелика и сама не могла объяснить, почему это пришло ей в голову. Самое поразительное, что предчувствие не обмануло: благодаря ему люди были спасены. Эта история послужила поводом для того, чтобы у графини заметили сверхъестественные способности.

Жители Тадоуссака тоже изменили свое отношение к Анжелике. Бели еще вчера, в первый день стоянки, графиня покорила крестьян и охотников искусной стрельбой и медицинскими познаниями, вызвав откровенную симпатию у канадцев, то сегодня

последние взирали на нее с благоговением. А тот факт, что сама матушка Бургезе откровенно восхищается графиней, делал Анжелику в глазах гостеприимных хозяев чуть ли не избранницей неба.

И местные жители, и гости пребывали в отличном настроении. Было решено, что флот де Пейрака простоит в гавани еще четыре-пять дней, а может, и целую неделю. Правда, все побаивались, что ударят ранние морозы. Однако старожилы-охотники уверяли, что об этом нечего и думать: в небе то и дело пролетали громадные стаи диких гусей, а это означало, что еще не выпал иней.

Анжелика отдыхала. После того, как первый экзамен на канадской земле был так блестяще сдан, ей хотелось перевести дух.

Графине нравился забавный и открытый тип людей, с которыми можно было быть самой собой. Когда еще выпадет случаи побывать в таком обществе? Уж точно не в официальном светском Квебеке. Кроме того, Анжелике пришлось по душе общение с матерью Бургезе, а дружба женщин крепла с каждым часом.

Но конечно, графиня понимала, что повод для задержки в Тадоуссаке был совсем другой: в Квебеке все еще стояло на приколе королевское судно «Мирабель», и его командование вряд ли обрадуется появлению флота де Пейрака. Могут быть любые провокации, а потому не стоит рисковать.

В этот день истинным хозяином Тадоуссака был Жоффрей де Пейрак. Достаточно было взглянуть в сторону моря, чтобы убедиться в этом. Его великолепный флот вызывал чувство восхищения и уважения, а аварийный «Сен-Жан-Батист», зажатый с двух сторон «Ла Рошелью» и «Монт-Десертом» казался просто древней лодкой. На этом судне, в числе других пассажиров, томился королевский посланник...

Увы, несмотря на удачно складывающиеся обстоятельства, какая-то неясная тревога вновь овладела сердцем графини.

— Непонятен жест монсиньора де Фронтеньяка, оставившего в Квебеке военный корабль, — думала она. — Что это означает? Что он наш враг? Но ведь Фронтеньяк всегда был нашим союзником!

Она поделилась своими сомнениями с Жоффреем.

— Я тоже раздумываю об этом, — признался он. — Но нам нельзя ссориться с монсиньором Фронтеньяком. Несмотря на свою непопулярность у местных жителей, он имеет вес как губернатор крупного города. Давайте подождем немного здесь. Это даст возможность принять решение и нам и ему.

Этот разговор происходил на борту «Голдсборо», куда Анжелика вернулась ранним утром чтобы переодеться. Когда же граф и графиня в шлюпке вновь отправились на берег, их уже ждали там Аристид Баумархад и Жюльена. Оказывается, Иоланда уже успела сообщить вчерашним пленникам, что капитан Барссемпью хочет взять их к себе на борт. Естественно, де Пейрак и не думал возражать против такого решения.

— Ну, слава Господу, двое пристроены, — сказала смеясь Анжелика. — На нашей шее остается мошенник Дугаст и пират из Коннектикута со своим медведем. Да только что мы сейчас можем сделать для него? Это тот самый тип иностранца, которого остерегаются жители Новой Франции.

Она помахала рукой паре, стоящей на берегу. Да, странное они производили впечатление. Юноша с хитрющим лицом и девушка, которая вела себя вызывающе, хотя была невинна как младенец.

Жоффрей не отрывал глаз от жены. Как она свежа и прекрасна! И думает, конечно же, об этой спасенной ею парочке...

— Вы всех любите, — вслух сказал он, обращаясь к Анжелике. — Несчастных, нищих, проклятых... Вы — как укротитель, который одним своим присутствием умирляет природные инстинкты диких зверей — недоверие и способность убить себе подобного. Дорогая моя, когда же вы успокоитесь?

— Я могу понять этих людей, — был ответ. — Я хочу... — на середине фразы Анжелика вдруг запнулась.

Она хотела сказать: я участвую в их жизни. Но что-то остановило ее, и между супругами выросла стена молчания. В этот момент Жоффрей понял, что объединяет его жену с Жюльеной, полькой из парижских низов, и с Аристидом, по которому давно плачет виселица. То были люди, якобы способные на любые преступления, но под скорлупой их грубой внешности и дурных манер скрывались добрые, великодушные сердца: виновной в их злоключениях была сама жизнь.

— У ваших друзей, моя любимая, еще более дурная слава, чем у меня...

— Да, но ведь они тоже люди, а значит, тоже достойны любви и сострадания...

Выбираясь из шлюпки граф и графиня де Пейрак были подхвачены в объятия Аристида и Жюльены. Вчерашние пленники «Сен-Жан-Батиста» радовались как дети. Сейчас, когда судьба вновь свела их с четой де Пейрак, они обрели уверенность, что все неприятности позади. И если нужно будет сопровождать господ в Квебек — хорошо, они познакомятся и с этим французским городом.

— А мне здесь, в Тадоуссаке понравилось, — сообщила Жюльена. — Деревня напоминает провинцию, где я родилась.

Жоффрей раскланялся и отправился на встречу с интендантом Шарлем, а Анжелика затеяла познакомить Аристида и Жюльену с матерью Бургезе, сыгравшую не

последнюю роль в спасении пленников. Правда, они уже виделись на «Сен-Жан-Батисте», но там были неблагоприятные обстоятельства для более близкого знакомства.

Живописная группа шла по берегу в сопровождении деревенского эскорта: детей, двух испанских солдат, крестьян, помогавших нести бельевые коробки, деревянные ведра, мешки. Анжелика решила устроить банный день.

Дойдя до первых домов, они повстречались с Катериной-Гертрудой, которая возвращалась с поля. Она дружески приветствовала Анжелику:

— Мадам, я хотела бы угостить вас свежим молоком.

— Охотно соглашусь: оно у вас превосходное.

Как приятно сознавать, что и здесь, в Квебеке, у них наконец будет молоко, масло, хлеб — все то необходимое, чего так не хватало Анжелике в Вапассу, там это казалось роскошью, а здесь было обычной ежедневной пищей.

По дороге на склад Виля д'Эвре Катерина-Гертруда рассказывала Анжелике о причине трагической гибели ее мужа. Он как обычно возвращался с охоты, когда вдруг у скал столкнулся с ирокезом. Бедный малый не подозревал, что за ним давно следили. Дикарь, словно одержимый, набросился на него, исцарапал спину, а потом своими страшными зубами укусил в затылок. С большими усилиями канадцу удалось освободиться, более того, он сумел заколоть врага, но укус оказался смертельным: охотник умер от заражения крови.

— Укус ирокеза опасен, как укус бешеной собаки, — подытожила Катерина-Гертруда.

Сейчас бедная женщина самостоятельно вела хозяйство. Слава Богу, она привыкла к тяжелому крестьянскому труду, ведь муж-охотник редко бывал дома. Сыновья и зять помогали в купле-продаже, а сосед предложил ей руку и сердце. Этот мужчина тоже

очень симпатичен Катерине-Гертруде, но вдове не положено думать о будущем. Вообще-то она довольна своей жизнью. Она глава огромной семьи, и ей есть о ком позаботиться — престарелые тетушки, дядюшки, малолетние племянники, братья, сестры, кузины... Что еще человеку надо?

Полдень еще не наступил, когда Анжелика добралась до склада Виля д'Эвре. Маркиз был искренне рад ее визиту. Мать Бургезе лушила горох вместе с четверьмя помощницами — испуганными бледными девочками, без сомнения, пассажирками «Сен-Жан-Батиста», получившими разрешение сойти на берег.

— Они здесь по приказу графа, — разъяснила монахиня. — Кажется, сегодня утром он побывал на нашем корабле и остался доволен ремонтными работами. Граф заверил нас: скоро мы сможем продолжить наше путешествие, если, конечно, капитан и команда не затеют какую-нибудь пакость. Ваш супруг велел моим сестрам упаковать вещи и переправиться сюда, чтобы немного отдохнуть.

Анжелика порадовалась за Жоффрея, который произвел на мать Бургезе самое благоприятное впечатление. Монахиня увидела в нем человека достойного, осмотрительного, дружелюбного.

Маргарита Бургезе обратилась к сопровождавшим Анжелику пленникам «Сен-Жан-Батиста»:

— Вы заслуживаете уважения уже потому, что у вас такие добрые и сильные друзья. Думаю, вы никогда не забуду ту услугу, оказанную вам госпожой де Пейрак. Вы должны быть достойными ее дружбы, верно?

Она критически оглядела молодых людей. Аристид любезно улыбнулся в ответ.

Анжелика расхохоталась.

— Не обманывайтесь, почтенная мать! Этот парень — настоящая бестия. Встретившись впервые мы чуть

было не убили друг друга. Но, как видите, впоследствии прекрасно поладили между собой.

— Мадам, вы не впервые спасаете мою жизнь, — сказал Аристид. — Помните, вы сшили из кусочков мой живот? Хотите посмотреть, матушка? — упросил он и начал расстегивать штаны.

Монахиня удивленно разглядывала след операции.

— Да это невысказано! — наконец воскликнула она. — Монсеньор Баумархад, могу лишь повторить, что вы счастливчик, если встретили на своем пути таких щедрых и талантливых людей как господин и госпожа де Пейрак. Но кто нанес вам такую ужасную рану? Дикий зверь?

Этим вопросом Аристид был застигнут врасплох. Казалось, он все забыл. Бросив на Анжелику просительный взгляд, юноша ответил очень неуверенно:

— Война...

— Да, это ужасно... Но операция проведена блестяще! Все сделано тонко, умело... Надеюсь, Аристид, вы хотя бы иногда задумываетесь, как возблагодарить Господа за его многочисленные благодеяния? Простите, но у меня создалось впечатление, что молитесь вы не слишком усердно...

— Это точно, — подтвердил Аристид. — Зато Жюльена молится за двоих.

В это самое время между Анжеликой и Вилем д'Эвре тоже происходила беседа.

— Все устроилось, — маркиз был в восхищении. — Вспомните, как я мечтал о таком же, как у вас, черном слуге. И вот сейчас небеса послали мне маленького негртенка. Он будет прекрасно смотреться в легкой красной ливрее. Он будет носить мою сумку, бумаги и подавать конфеты... В Квебеке все будут завидовать мне. Вот это удача!

— Но этот негритенок, Тимоти, пока что принадлежит мистеру Кемптону! — с негодованием воскликнула Анжелика.

— Что? Этому еретiku-англичанину?! — вскипел д'Эвре. — Ну и что? С этим самым мистером я скоро разделаюсь. По прибытии в Квебек брошу его в тюрьму или же продам какой-нибудь благочестивой семье из Вилле-Мария, и этот тип сможет заслужить снисхождение, если, конечно, примет католичество...

— Что? Крестить Элио Кемптона? — Анжелика не могла придти в себя от изумления. — Да вы с ума сошли! Крестить настоящего сына Коннектикута, который еще будучи ребенком вместе со своими родителями претерпел много лишений, пробиваясь через области, где господствовали апачи. Эти люди основали Хадфорт, вняв обращению Томаса Хаапера. И теперь вы говорите: крестить... Вы подумали?

— Подумал я или нет — не в этом дело. Я все равно заполучу малыша.

Маркиз был настроен решительно, а Анжелике прекрасно было известно, что если уж Виль д'Эвре вобьет себе что-то в голову, то уж ни за что не отступит. В такой ситуации он способен на все.

— Нет, этому я помешаю! — Анжелика решительно встала на сторону Кемптона. — Помните: если вы его тронете хоть пальцем — навсегда потеряете мою благосклонность. Ждите потом меня долгими зимними вечерами у изразцовой печи...

Хотя д'Эвре не совсем понимал, почему Анжелика так яростно защищает англичанина, он видел, что графиня не шутит. А ее благосклонность дороже всех негрят, вместе взятых. Планы маркиза рухнули, и он, надувшись, вышел вон.

Мать Бургезе с интересом следила за взаимной перепалкой Анжелики и д'Эвре.

— Дитя мое, — покровительственно обратилась она к графине, — Вы вовсе не так единодушны с нашим Господом и его церковью, если вас смущает самая мысль наставить на путь праведный заблудшую душу. Вот, например, этот англичанин... Он пришел из Коннектикута или откуда-то там еще... Он еретик. А вы не согласны с тем, что обращение неверующего — благо? Нет? К тому же мне, например, непонятно ваше стремление взять на себя заботу о каждом, к кому лежит сердце — вне зависимости от вероисповедания. Значит, для вас не так важна вечная жизнь?

Анжелика медленно подошла к столу и принялась лущить горох. Некоторое время она молчала.

— Вечная жизнь бесценная, — сказала она чуть погодя. — Но Господь завещал нам возлюбить ближнего своего. Заметьте — возлюбить в этом мире. Не означает ли это, что земную жизнь мы должны использовать во благо нуждающихся в нашей помощи ближних?

— Я согласна с вами, но это не означает, что мы должны проявлять непростительную снисходительность к тем, кто живет в заблуждении. А именно это вы и делаете, симпатизируя англичанину и защищая еретика. Что могла Анжелика возразить в ответ на эти обвинения? Как объяснить матери Бургезе, что веротерпимость всегда была для графини высшей христианской ценностью. Так наставлял ее один достойный уважения французский монах. А ещё он говорил, надо различать, когда восстают против церкви, а когда — против короля. Увы, канадская монахиня вряд ли согласится с этим. И все же Анжелика рискнула попробовать:

— Думаю, вы преувеличиваете, подозревая враждебные намерения у протестантов Новой Англии. Мы встретились с этими людьми на берегах. Акадии, и смею вас уверить, большинство из них — миролюбивые

землепашцы, которые озабочены лишь тем, как получить высокий урожай.

— Отчеты, которые к нам попадают, говорят о другом, — возразила монахиня. — Из писем патера д'Оржеваля мы узнали ужасные вещи. Протестанты устраивают гонения на индейцев племени Абенакис и подстрекают ирокезов на борьбу против католиков.

— Д'Оржеваль, похоже, собирается разжечь новую войну, — вырвалось у Анжелики. — Как может иезуит так бесстыдно лгать? Поверьте, он обманывает вас, Я видела своими глазами...

Анжелика удержалась от дальнейших объяснений. Она низко опустила голову и попыталась успокоиться.

— Я разочарована, — через некоторое время вновь начала графиня. — Я знала об этом иезуите, господине из Квебека, но не подозревала, что вы на его стороне.

— Безусловно, я целиком и полностью поддерживаю патера д'Оржеваля, Он духовный отец всей Новой Франции.

— Да он фанатик! Если бы вы только знали, какие обвинения он нам инспирировал!

Монахиня качала сердиться по-настоящему.

— Все, что он делает, движимо благородными мотивами. Он печется о благе своих детей.

Такой графиня впервые видела матушку Бургезе. Увы, благочестивая лама не сможет изменить свои убеждения. Долгие годы борьбы за существование в колонии лишь закалили ее идеалы.

Анжелика старалась не терять самообладания.

— Вы хотите сказать, что он не пожалеет Пейрака и меня, чтобы защитить вас, его детей? Но только какими аргументами он собирается сокрушить нас, его кровных врагов?

— Ну, например, тем, что оставаясь на территории, принадлежащей Новой Франции, вы угрожаете ее суверенитету.

Графине пришлось напомнить, что монахиня забыла, ведь эта территория принадлежит англичанам из Массачусетса, что оговорено в контракте Бреда, подписанном Траки. Но слова ее вновь повисли в воздухе: подобно другим пионерам Нового Света матушка Бургезе всю вину за острые территориальные конфликты перекладывала на плечи противника.

— Мадам Пейрак, позвольте напомнить, что речь идет о двухтысячном английском населении, а нас, канадцев, почти шесть тысяч. Если мы не будем твердо и последовательно отстаивать свои права, то скоро все наши деревни сгорят в огне. Англичане погубят бедных индейцев, которых мы сумели наставить на путь истины. Те же аборигены, до которых еще не дошли наши святые отцы, лишатся шанса зажечь в своих душах свет истинной веры. Распространять учение Христово — Божье поручение. И никто, слышите, никто в мире не помешает нашей миссии.

Монахиня говорила спокойно и убежденно. Анжелика почувствовала как между ней и матушкой Бургезе выросла стена, которую ничто не разрушит. Совершенно хладнокровно Анжелика осознала реальность этой стены — жестокую реальность того, что разница во взглядах с самыми близкими людьми грозит неизбежным разрывом.

Одно лишь мгновение длилась иллюзия дружбы и взаимопонимания — и как было все просто! Но трудноразрешимые вопросы подступали со всех сторон. Дискуссии о праве на жизненное пространство заводят в тупик не только тех, кто может похвастаться осведомленностью относительно государственных договоров, но и тех, кто последние исполняет. Ибо в все законодательные акты направлены не на благо простых французов, но для укрепления королевской власти и церкви.

Время требовало другого пути — пути взаимопонимания между вчерашними врагами, Анжелика всею душой стремилась к этому. Она понимала, что только понимание, уважение и любовь — вне зависимости от подданства и вероисповедания — создадут атмосферу человечности, сделают жизнь достойной, помогут избежать опасностей и лишат страха перед неведомыми препятствиями.

Графиня подняла голову и улыбнулась женщине, сидевшей у очага.

— Матушка Бургезе, оставим этот бессмысленный спор. Жизнь сама — я уверена в этом — разрешит сложные вопросы. Я испытываю к вам глубокую приязнь и надеюсь, со временем мы будем обращать больше внимания на то, что нас объединяет, нежели на то, что разъединяет.

Монахиня кивнула в знак согласия. Она уже не сердилась, ее насупленные брови разгладились, глаза посветлели.

— Вы непременно должны встретиться с патером д'Оржевалем, — неожиданно энергично заключила она. — Чем больше я вас узнаю, тем меньше сомневаюсь. Убеждена, что возникшее между нами недоразумение прояснится едва вы побеседуете с этим иезуитом.

— Сомневаюсь, — мрачно ответила Анжелика. — Должна вам признаться, почтенная матушка, что есть трудноразрешимое препятствие для этой встречи.

— Даже если вы опасаетесь чего-то, спросите подсказки у голоса совести.

Анжелика не ответила, Она сосредоточенно начала перебирать горох, бережно вскрывая блестящие оболочки стручков. Бобы... Не хотела бы она снова попробовать тот суп, что варили ирокезы из Долины трех Богов. Тогда приходилось есть это месиво под угрозой голодной смерти. Господи, кажется, так давно это было...

Матушка Бургезе удивленно наблюдала за проворными движениями рук графини, истиной женщины, настоящей аристократки. Эти руки — вопреки представлениям о дамах из высшего света — были привычны ко всему. Могли таскать котлы с водой, нянчить ребенка, врачевать раны, стрелять и вот... лущить горох... Проницательная монахиня, быстро и верно составлявшая мнение о людях, сегодня была поставлена в тупик. Анжелика загадала ей тысячу загадок.

— Вы сами выбрали это занятие? — неожиданно спросила матушка Бургезе.

Анжелика посмотрела на нее с обезоруживающей улыбкой.

— Возможно...

Ее взгляд упал на руки монахини и Анжелика вдруг подумала о том, что никогда этих женственных рук не касались мужские губы, никогда не осыпали поцелуями это умное лицо, в чертах которого еще угадывалась красота молодости. Графиня как бы со стороны увидела себя в объятиях Жоффрея, ощутила его жаркие поцелуи на своих пылающих губах. Но рядом стоял не Жоффрей, а матушка Бургезе, и мадам де Пейрак, опустив голову, покраснела.

Нет, Анжелика — как ни жестоко это звучит — всегда будет оставаться чужой среди чужих. Она, которая умела различать добро и зло, которая притягивала и отпугивала, лишала покоя и вселяла уверенность, не умела приспособливаться и была понятна каждому — именно потому она и выделялась из толпы.

— Скажите, — тихо обратилась графиня к матушке Бургезе, — вы считаете меня опасной?

В словах монахини, как в зеркале, отражались собственные мысли Анжелики.

— Ваши жизненные воззрения опасны в первую очередь для госпожи де Пейрак, Но если вы можете пробуждать слабые души к борьбе, нести добро и истину, значит, вы избрали верную дорогу.

— Вы принимаете меня... за ведьму?

— Нет... Но ваше обаяние оказывает прямо-таки магическое действие.

Она говорила без горечи и раздражение, как мать, как будто сама обладает таким талантом.

Анжелика изо всех сил пыталась скрыть охватившее ее волнение. Она сжала кулаки так, что побелели пальцы.

«Ваши жизненные воззрения опасны...» — так сказала ее собеседница, А она-то надеялась услышать из уст монахини слова сочувствия! Ее жизненные воззрения — сила духа, самопожертвование в любви, стремление к счастью, к взаимопониманию — все это опасно?

А матушка Бургезе... О, показалось Анжелике, матушка Бургезе с ее преданностью мистическим идеалам на самом-то деле смотрит на жизнь? Иначе зачем ей было спасать Кемптона, когда истязали его моряки «Сен-Жан-Батиста»? Католическое лицемерие... Но как бы то ни было, Анжелике удалось найти ту точку, что объединяет ее с монахиней. Ведь и сама маленькая госпожа де Саже де Монтелуп была воспитана монашкой из Пуату...

Вуаля. Среди давних, почти стершихся их памяти воспоминаний детства и ранней юности — лишь бесконечные споры и острые дискуссии взрослых, их призывы к мятежу... Старая монастырская стена, спрятанная в густой листве сада, отнюдь не внушала благоговения. Здесь состоялось первое свидание Анжелики с ее юным возлюбленным — королевским пажем. Где он теперь? Анжелика тяжело вздохнула, и

это не ускользнуло от внимательного взора матушки Бургезе.

— Вам так неприятна моя откровенность? — спросила она.

— Ну что вы, дорогая Маргарита, вы не причинили мне боли. А за то, что вы спасли мистера Вилугби, я буду любить вас всю жизнь!

Глава 21

— Здешние господа возомнили о себе бог весть что, — интендант Шарль был вне себя от гнева. — Охотничий и рыболовный законы составлены так, что лишь расширяют права власть имущих. А кто подумал о крестьянах?.. Они не хотят заниматься тяжелым трудом — разводить скот, обрабатывать землю... Эти канадцы все такие ветрогоны! Главное дело для них — торговля, Будь их воля, они давно бы перебрались в Европу. Слава Богу — боятся закона. Здесь, например, каждый молодой человек, которому исполнилось восемнадцать лет, обязан жениться. Иначе — будь любезен, плати штраф. Хочешь — из своего кармана, хочешь — из отцовского. Но с каждым годом все труднее найти девушку. Здешние красавицы все чаще уезжают по приглашениям в старое королевство. Мужчинам приходится уходить в леса и «выманивать» индианок.

Шарль намекал на индейский обычай, весьма распространенный в здешних местах. Согласно ему жених ночью подкрадывался к шатру своей возлюбленной, держа в руках зажженную лучину. Если молодая девушка задует пламя и выйдет из палатки — значит, она дала свое согласие.

Пока Шарль знакомил Пейрака с местными обычаями, граф одним глазом поглядывал, как проходит погрузка на «Голдсборо» и другие суда: вот принесли бочки с пивом и соленой рыбой, мешки с мукой и очищенным горохом, зелеными бобами,

непривычной еще для европейцев соей, вот закатали балки и корабельные мачты.

— Изданы всевозможные указы, запрещающие продавать спиртное дикарям, — тем временем продолжал Шарль. — Но все без толку. Все исчезает в лесах. Нет, эти канадцы, действительно, несносны.

Шарль походил на маленького ребенка, жалующегося взрослым на своих товарищей.

— Мы оставили масло, мачты и корабельный лес для «Мирабели», Но почти все мои товары остались на месте. Что за беспорядок! Разве могут понять господа из высшего света Франции, что мне приходится здесь переживать!

Пейрак терпеливо слушал. Шарль был ему симпатичен. Граф уважал интенданта за ясный рассудок и умение вести торговое дело. Острый ум, дух предпринимательства и высокая работоспособность де Вуверанжа, сделали бы беднягу Шарля губернатором процветающей колонии, работай он на англичан. Но французы... Чтобы поддерживать на плоту тяжелый чиновничий аппарат, им приходится напрягать все силы. Такими темпами и за сто лет вряд ли удастся создать здесь что-то новое.

Дух авантюры и соблазн славы — вот что привлекало сюда охотников за удачей из Старого Света. Впрочем, десятки и сотни приезжали сюда, спасаясь от неминуемой виселицы или просто судебного разбирательства. Но, увы, вместе с товаром они брали с собой в дорогу старые законы, жизненные принципы и религию своей страны.

И когда министр финансов Франции господин Колберт понял, что крупные собственники стали выделяться в самостоятельные хозяйства, он приложил все усилия, чтобы начать осуществление своей политики издалека. Мсье министр ни в какую не желал считаться с особенностью национального характера

подданных его величества короля Людовика XVI. Французы нетерпеливы и преувеличенно прилежны. В этом отношении канадцы были истинными сынами великой монархии.

Население Тадоуссака не отличалось особой пестротой: несколько солдат, пара ремесленников, единственный фермер, из-за болезни вынужденный держаться за семью, служащие... Здесь, как в любой другой канадской деревне, практически не было мужчин в возрасте от сорока до шестидесяти.

— Женщины не в силах выполнять всю работу, — снова начал Шарль. — И кроме того, они питают слабость к мехам. Посмотрите, как они снуют у берега.

Он торжественно и трагически распростер руку и сказал в сторону реки Сегуенай.

— Если только канадки узнают, что с севера везут мех, они будут менять его, продавать, забыв обо всем. Вот почему мои товары остались в гавани, и вот почему к концу зимы, нам, видимо, нечего будет есть...

Слушая вполуха, Жоффрей смотрел на деревню. Наверху высилась невзрачная церквушка с роскошной сокровищницей, а внизу, около домов, царило радостное оживление. Кто-то рассматривал товар, кто-то слонялся без дела, кто-то помогал матросам... Суровые молчаливые канадцы походили сейчас больше на своих соотечественников на какой-нибудь ярмарке в провинциальном городишке Франции. Трудно было даже представить, что они — первопроходцы необжитой земли, что жизнь их полна борьбы и лишений...

— А я знаю, о чем вы сейчас думаете, — угрюмо сказал Шарль. — Вы думаете: вот хорошо! Да, хорошо. Эти люди никогда не смогут измениться: так и останутся легкомысленными французами. А вы извлечете из этого пользу и в конце концов сунете себе в карма всю Новую Францию.

Глава 22

Анжелика представила матушке Бургезе «девочек короля».

— Эти юные девушки были завербованы по поручению монсиньора Колберта, — объяснила она монахине. — Они направлялись сюда, дабы приумножить народ Канады. Но в пути им пришлось пережить множество несчастий и даже кораблекрушение. Не сможете ли вы, матушка Бургезе, как-то помочь им?

Анжелика рассказала обо всем, что пришлось пережить ее протеже. О том, как ошибавшись в маневре, разбилось судно, на котором они плыли. О том, как девушек выбросило на берег у дома Пейраков в Голдсборо. О том, как Анжелика выходила их...

Матушка Бургезе сочувственно качала головой.

— Девочки в весьма неприятном положении, — продолжала графиня. — Их надзирательница, вероятно, погибла во время кораблекрушения. Они остались без всякой защиты. Кто будет заботиться о них в Квебеке? Кто будет их содержать?

— Они выйдут замуж.

— Но они без приданого. Во время кораблекрушения пропала королевская шкатулка с драгоценностями.

Увы, несмотря на любовь к ближнему, монахиня оставила слова Анжелики без ответа.

Вместо этого матушка Бургезе описала, с какими трудностями сталкивается религиозная община Вилле-Мари. Что ее худой бюджет вряд ли может покрыть расходы на содержание девушек. Если бы они пришли в Канаду пораньше, у них не было бы проблем с возвращением в Европу. Деньги на эти цели выделила бы городская казна и торговое общество...

— У нас было прекрасное приданое, — Генриетта чуть не плакала, — почти сто франков годового дохода!

У каждой из нас было по два платья, пальто, чепчик из тафты, шарф...

Монахиня прервала ее:

— Охотно верю. Но не стоит сожалеть о потерянном. Эти вещи — и платья, и шкатулка — лежат на дне морском, не думайте о них. Лучше поразмыслить, кто в Квебеке сможет позаботиться о вас.

— А может быть, они принесут пользу какой-нибудь из многочисленных религиозных общин? — робко предложила Анжелика.

— Работы там предостаточно, но вот смогут ли девочки целиком посвятить себя Богу? Кроме того, питание в этих общинах распределено строго в соответствии с количеством членов. Если зима будет суровой, то неизвестно, хватит ли продуктов до весны. Мы уже не надеемся на помощь благодетелей из Франции. Если девочки напишут коротенькое письмецо с нижайшими поклонами, то губернатор или интендант смогут выделить им на зиму по мешку пшеницы или гороха.

— А может быть, почтенная матушка, вам все же удастся подыскать для них местечко в Вилле-Мария?

— К сожалению, нет. Мы находимся в стесненном материальном положении.

И матушка Бургезе затеяла пространное объяснение статей бюджета.

Опечаленная Анжелика думала о другом. Она вдруг поняла, почему здешний христианский институт заменяет финансовую помощь отпущением грехов. Все пожертвования местных христиан шли на обращение в веру индейцев. Но разве можно купить небо за монету?

Графиня раздумывала о тех людях, что живут в свое удовольствие, забывая о голодных и бездомных согражданах. Особенно о жителях колонии, вынужденной нести высокие военные расходы при скудном производстве. Ей вспомнилось, как патер

Квентин был вне себя от радости, когда ему предложили в Голдсборо место проповедника. Светский и предусмотрительный Пейрак быстро осознал, что главная проблема Канады — бедность населения, а бедный больше думает о том, чем завтра прокормить себя и свою семью, нежели о Боге.

— Мы могли бы помочь вам, снова обратилась Анжелика к монахине. — Мы можем дать деньги, они не от дьявола, поверьте!

— Я убеждена в этом, но деньги принять не могу.

— Вы боитесь, что прихожане изменят мнение о вас, если примете подарок от аристократа с дурной славой?

— Нет, отнюдь. У меня были места для девушек, но я уже нашла трех человек. Теперь надо позаботиться о них, поддержать их, принять участие в их нелегкой судьбе, но силы мои не беспредельны.

Против этого аргумента Анжелике нечего было возразить.

— Помнится, вы говорили, что у ваших протеже есть друзья при дворе, — матушка Бургезе, как всегда, начала искать другой выход из положения. — Возможно, они смогут оплатить обратную дорогу? А может быть, у них есть связи в Квебеке?

— Не знаю, — пожалала плечами графиня.

— Нужно будет узнать, — матушка Бургезе поднялась. — А пока давайте позаботимся о белье.

На берегу Сегуенай на глазах у восхищенной публики торговцы и индейцы расстелили прекрасные меха: бобры, выдра, куница, ласка почти белого цвета, а также соболь и норка изящных тонов.

Индейцы и трапперы севера спешили попасть в Тадоуссак, куда не ушли все европейские корабли: пассажиры были самыми щедрыми покупателями. Вот и сейчас, в преддверии зимы в деревушке появились продавцы из близлежащих мест. Один из них, поднимавшийся по берегу реки, снисходительно

оглядывался вокруг — картина местной ярмарки была хорошо ему знакома. Нос к носу он столкнулся с матушкой Бургезе.

— Пардон, мадам...

— Элой Макколет! — изумленно воскликнула монахиня.

— Собственной персоной... — пробормотал траппер, и вдруг глаза его широко раскрылись: — Ба! кто бы мог подумать, что я встречу здесь двух прекрасных дам!

Старый Элой Макколет в меховой шапке, низко надвинутой на лоб, больше походил на индейца, и лишь светло-голубые глаза говорили о том, что это впечатление обманчиво.

Онорина бросилась на шею старому знакомому. Анжелика тоже очень обрадовалась встрече. Она оживленно принялась расписывать монахине, как они зимовали со старым траппером в форте, как Элой Макколет умел поднимать настроение и вселять надежду одной своей по-детски открытой улыбкой. Услышав знакомое имя, вокруг Анжелики и матушки Бургезе начали собираться люди.

— Представляете, мы вместе пережили оспу и остались живыми! Это настоящее чудо!

В ответ на восхищенные возгласы из толпы Анжелика пояснила, что она имела в виду не черную оспу, а скарлатину, тоже очень опасную болезнь. Но ее не слушали — весть о чуде мигом разнеслась по деревне.

— А еще, — подхватил Макколет, — мы вместе встречали Рождество в крепости губернатора Святого Луиса — в моей жизни не было прекраснее праздника.

— А какой ты был красивый, Элой, в твоём парике и жилете, — поддержала его Онорина.

Лишь матушка Бургезе не разделяла общих восторгов.

— Ваши невестки, наверное, будут рады вас увидеть, — колко заметила она.

— А что ты мне принес с севера, сопливый мальчишка? — поинтересовался старик Кариллон.

— Медведя, дедушка, прекрасного серого гризли. Я поймал его только вчера. Он там, внизу, у реки. Сейчас его принесут. Думаю, вам понравится такой подарок.

Тут Элой обернулся к Анжелике:

— Я разрешаю называть себя сопливым мальчишкой только старине Кариллону. О, как я был молод, когда этот человек впервые взял меня с собой в долину ирокезов. К слову, дед был тогда не намного старше... Но у меня только пробивался пушок на щеках, а он выглядел взрослым мужчиной. А вот теперь мы с ним сравнялись... Нет, я все же постарел больше: Элой уже можно скальпировать, а последние зубы раздать ирокезам на амулеты. Да, мадам, такого, как я, старика в деревне больше нет. Вот потому-то я нуждаюсь в любви, заботе и самое главное — в обществе прекрасных дам.

Анжелика рассмеялась. Мимо нее к реке спускались люди — поглядеть на добычу Макколета. Тут и там раздавались восхищенные возгласы:

— Ты видел шкуры старика Элоя? Вот это добыча! Куда до него молодым!..

— Между прочим, я никогда и ничего не вымениваю у индейцев на спиртное. Если им очень хочется выпить — отсылаю к другим торговцам. Я же получаю шкуры за лучший английский металл.

И Макколет продемонстрировал великолепные инструменты, приобретенные в Кеннебеке в магазине в магазине Жоффрея де Пейрака.

— Он по-прежнему бегаёт за индеанками? — спросила матушка Бургезе у Анжелики.

— О, да! Вижу, вы в курсе всех событий, — отвечала та. — Увы... даже наши матросы осуждали его, когда

Элой отправился в индейский лагерь к своей маленькой возлюбленной.

— Мошенник! — неприязненно заметила монахиня. — Самое ужасное, что его сын в этом отношении не так далеко ушел от отца. Сидония до смерти переживает. Несчастливая пара!

— Не напоминайте о них, — виновато опустил голову Макколет, — я расстраиваюсь.

— Несчастный! — съязвила Бургезе. — Держу пари, что за два года, что меня тут не было, вы ни разу не навестили своих детей...

— Точно... — видно было, что Элой по-настоящему расстроен. — Но что прикажете делать? Сидония хуже, чем чесотка.

— Это вы ее испортили, она страдает.

— Это я ее испортил? Господи помилуй, чем? Нет уж, нынешние женщины все алчные, им нечего в жизни не нужно, кроме удобства. Раньше ирокезы оставляли нам мало времени на то, чтобы кому-то отравлять жизнь. Но я благодарен тому времени, — Макколет попытался переменить тему. — Да-да, благодарен, несмотря ни на что... Дни в сражениях... Немыслимое счастье оттого, что остался жив... Не правда ли, матушка Бургезе, мы можем спеть не одну песню о тех временах?.. И ничего вам не нужно было. А моя невестка... — Элой снова помрачнел, — у Сидонии есть все: и покой, и двор, и поле, и скот... Грех жаловаться.

— Сидония любит мужа, вашего сына...

— Да, это заметно! Бедный мой мальчик! Но хватит, — неожиданно резко оборвал он. — Не хочу больше выслушивать ваши упреки.

К сожалению, вы так ничего и не поняли, — вздохнула монахиня.

Глава 23

Утром к Анжелике пришел Виль д'Эвре и с многозначительной улыбкой отвел ее в сторону для

конфиденциальной беседы. Графиня приготовившаяся выслушать очередной жалобный монолог о бочке бургундского, была как громом поражена вопросом маркиза:

— Известно ли вам, что стало с маркизом д'Варанжем?

Сердце бешено забилося. Остановка в Тадоуссаке и все события, происшедшие в деревушке в последние дни, почти вытеснили из памяти трагическую ночь убийства, омрачившую прибытие в Канаду. Но этот вездесущий д'Эвре... Анжелика едва собралась с силами, чтобы, ничем не выдавая себя, ответить вопросом на вопрос:

— А что, собственно, мне должно быть известно? Варанж?..

Каждое мгновение ощущая на себе пронизательный взгляд маркиза, графиня соображала, как следует себя вести, чтобы никто ничего не заподозрил. Она сделала вид, будто не совсем понимает, о ком идет речь:

— Варанж, Варанж... А да, мы говорили о нем с вами, да? Сейчас вспомню, в какой связи... Речь шла, об обществе в Квебеке? Но, Бог мой, почему вы сейчас вдруг о нем упоминаете?

— Потому что он исчез.

— Что вы говорите! — фраза прозвучала нарочито фальшиво, и Анжелика похвалила себя в душе — действительно, что ей за дело до незнакомого маркиза?

— Да? Говорят, он недавно был здесь. Правда, коротко. У него какие-то дела, связанные с винокурней и браконьерами, — не знаю. Но ходят слухи, что он не делами приехал заниматься, а хотел что-то вынюхать. Мне казалось, что вы больше об этом осведомлены.

— Я? С чего вы взяли?

До наглости неприличное любопытство маркиза и его инквизиторские вопросы беспокоили Анжелику, Она нервничала, но изо всех сил старалась казаться

равнодушной. Очевидно, ей все же удалось выдержать первый экзамен, потому что маркиз вдруг прекратил атаку взглядом.

Отвернувшись, он задумчиво промурлыкал себе под нос:

— Но все же... Чего ему здесь искать?

Анжелика пожала плечами:

— Потерпите, маркиз. Доберемся до Квебека, там все узнаем.

— Но представляете, и он, и его слуга исчезли совершенно бесследно!

— Ну мало ли что... Объявятся где-нибудь... В Квебеке...

— Нет, вряд ли. Обнаружили их лодку ниже мыса Криайнс-Уис. Она была совершенно пуста. И больше — никаких следов.

Анжелика улыбнулась:

— Признаюсь, их судьба меня не очень-то интересует. Мы с Варанжем незнакомы и, кроме того, вы говорили, кажется, что он был в стане врагов. Я, конечно, сожалею, но... Ах, оставьте этого Варанжа, монсиньор. Расскажите лучше, как вы провели это прекрасное утро. Вы куда-то собираетесь? Я — да. Хочу сходить к священнику.

— Господи, что у вас за дела с нашим уважаемым священником? Может быть, вы питаете слабость к его холодному голландскому шнапсу? — поинтересовался д'Эвре, хитро подмигивая.

— Отнюдь, — невозмутимо отвела подозрения Анжелика. — Я хочу, чтобы Аристид смог облагородить свой ужасный ямайский ром. А у священника есть сушеные фрукты и листья дикой вишни. Известно, что эти добавки придают спиртному приятный вкус и уничтожают вредные осадки. Мы хотели испробовать древний французский рецепт здесь, в Тадоуссаке.

После небольшой паузы Анжелика добавила:

— Несмотря на то, что вокруг все спокойно, на душе тревожно. Как вы считаете, придет ли сюда королевская «Мирабель» с ее тринадцатью пушками? И окажет ли нам честь, назвав себя, тайный посланник короля, что томится на борту «Сен-Жан-Батиста»?

— Если такой посланник на самом деле существует, то должен вам заметить, мадам, он изрядный трус.

— Да, конечно, если таковой существует... — повторила Анжелика. — Ну что, монсиньор, проводите меня к священнику?

Вопреки правилам хорошего тона Виль д'Эвре помедлил, раздумывая. С некоторых пор его преследовала одна идея и, когда маркиз увидел, что Жоффрей де Пейрак как раз собирается отправиться на «Голдсборо», он предпочел последовать за графом.

— Пардон, любезный друг. Вот уже несколько дней я не могу избавиться от одной мысли. Я думаю, что на борту «Сен-Жан-Батиста» находится посылка к некоей мадам д'Урдане.

Глава 24

Стоя на мостике «Голдсборо», Жоффрей де Пейрак смотрел на Тадоуссак. Деревушка, раскинувшаяся длинным узким ковром от мыса возле устья реки Сегуенай до черного леса, уходящего за горизонт, была как на ладони. Дома, сады, форт, церковь в центре, склады внизу у гавани, большое серое здание у горы, от которой тянутся поля — по берегу реки до опушки леса.

Жоффрей видел Анжелику, проворно взбирающуюся по склону горы. Видел сопровождающих графиню мать Бургезе и Жюлиану. Видел Куасси Ба, который шел чуть позади. Слава Богу, жители деревни перестали бояться негра. Шествие заключали «девочки короля» с юными сестрами общины Вилле-Мария.

Сегодня в деревню отправился даже Кантор де Пейрак. Он появился в Тадоуссаке с забавной росомахой Вильерьинкой. Жители поначалу настороженно

отнесли к неизвестному зверьку, но уже через несколько минут дети перестали его пугаться и сейчас играли с ним так, будто с привычным котенком. Детский смех и резкие голоса женщин доносились и сюда.

— Дело в том, — продолжал д'Эвре начатый разговор, что мадам д'Урдане — моя соседка. Вы тоже познакомьтесь с ней поселившись в моем доме.

Это обаятельнейшая женщина. Вдова офицера высокого ранга. Она прибыла в Канаду десять лет назад, во времена правления Кариган-Сальериса. Ее муж погиб во время битвы с ирокезами. Вы, верно, знаете о том знаменитом сражении маркиза де Траки?

Так вот, мадам осталась одна, но чувствовала себя здесь неплохо, как и я. А может быть, у нее просто не хватало мужества пуститься в обратное плавание. Рядом с ней всегда было много людей, которые тоже предпочли остаться в Канаде... Да вы слушаете меня?

— Да, конечно, — ответил Пейрак. — И притом очень внимательно.

— Вы бы могли как-то дать понять... — надулся маркиз.

— По-моему, не рассказ вас интересует: вы прямо-таки съедаете взглядом Анжелику. Я лучше промолчу. — Д'Эвре проследил взглядом за графиней и ее свитой, пока все не скрылись за поворотом. — Итак, продолжаю с вашего позволения. Как вы уже знаете, мадам д'Урдане осталась в Канаде. В последнее время она очень сдала, без помощи не может подняться с кровати, но постоянно пишет. Ее близкая подруга по переписке — вдова польского короля Каземира V, чьей первой женой была Луиза-Мария де Гонзаге, скончавшаяся десять лет назад. Его величество был потрясен смертью супруги настолько, что отрекся от престола и ушел в монастырь Сент-Жермен-де-Пре, где стал аббатом. Так вот: подруга моей соседки впоследствии вышла за него замуж. Церковь позволила Каземиру вступить в

повторный брак будучи в чине. Его вторая жена когда-то звалась прекрасной Маргаритой, продавала цветы в Гренобле, и о другой участи не мечтала. Но однажды ее увидел пожилой дворянин, который предложил ей руку и сердце. Потом она стала вдовой, потом вышла замуж, потом опять вдовство — на ступеньку выше — и так от мужа к мужу добралась до короля Польши. Теперь она снова одна. Она пишет письма моей соседке каждую неделю, а мадам д'Урдане без промедления ей отвечает. Все письма хранятся в драгоценной шкатулке — чтобы у достойных мыслей было достойное обрамление.

Первая посылка, как правило, отсылается с первым кораблем, идущим весной в Америку, а последняя — с последним судном в конце лета.

Короче, этой перепиской дамы услаждают свою одинокую старость. И нам не было бы до них никакого дела, если бы аварийный «Сен-Жан-Батист» не оказался тем самым последним судном, на борт которого могла попасть шкатулка от вдовы польского короля. Держу пари, посылка для моей достойной соседки — здесь. Но это бы тоже меня не касалось, если бы я не знал, какой мошенник Рене Дугаст. Эта бестия вполне может вытащить из шкатулки драгоценные камни, а письма швырнуть в море. Итак, если вы не против...

Маркиз выдержал длительную паузу. Жоффрей бросил на маркиза ироничный взгляд и приказал спустить шлюпку на воду. Виль д'Эвре невинно опустил глазки.

— Итак, если я вас правильно понял, вы хотели бы попасть на «Сен-Жан-Батист» и забрать там шкатулку? — Жоффрей заранее предвидел ответ.

— Совершенно верно, мой дорогой де Пейрак!

Граф отдал распоряжение матросам, и они отплыли в направлении корабля Рене Дугаста. Жоффрей не смог

не улыбнуться, когда удаляющийся маркиз восторженно махал ему рукой.

— Вы развязываете мне руки? — крикнул Виль д'Эвре.

— Да, дорогой маркиз! Но не забывайте... без крови!

Через некоторое время граф опять повернулся к берегу. Погода была прекрасной, дела складывались как нельзя лучше, и Жоффрей позволил себе расслабиться. Его мысли захватила Анжелика. Он мечтал о ней так страстно, как мечтают о прохладной воде из родника в жаркий летний день. Та первая ночь в заливе Святого Лаврентия переменяла их отношения, Жоффрей по-новому взглянул на жену, и эта доселе незнакомая Анжелика манила его, будоражила воображение.

— Мы должны еще, еще ближе узнать друг друга, любовь моя... — пробормотал Пейрак. — Часы любви так быстротечны... Что бы ни делал, где бы ни находился — ты всегда в моем сердце...

Графу доставляло настоящее наслаждение то, что дом на холме — а именно в нем скрылась Анжелика со своей свитой — хорошо просматривался. Как пылкий влюбленный юноша, он радовался, что скоро сможет увидеть издали свою возлюбленную. Ее яркие волосы, ее летящую походку, ее изящные движения...

— Она очаровательна, очаровательна... Но что можно так долго делать у священника? Проводить опыты с ромом Аристиды?.. Сокровище мое!

Он улыбнулся.

— Сокровище, свет моей жизни! Ты только моя и ничья больше!..

Время шло и скоро граф снова услышал голос Виля д'Эвре.

— Я забрал ее! — высоко над головой маркиз поднял маленькую шкатулку. — Клио будет восхищена!

Пейрак перегнулся через поручни и увидел, что на дне лодки, в которой находился маркиз, лежали четыре бочонка.

— Что там у вас? — благородный граф и в других людях предполагал благородство.

— Что?.. Но, дорогой друг, вы же сами сказали, что у меня развязаны руки. Случайно обнаружив на этом корыте бургундское, я пришел в ужас, что им воспользуется негодяй Дугаст. К сожалению, я не мог прихватить все бочки...

Он замялся, а потом продолжил значительно:

— Ах, милый граф, вас обвиняют в таких поступках, что какое-то бургундское ничего не прибавит и не убавит. Так давайте лучше вместе порадуемся вину. Итак, что мне сейчас сделать с этими бочками?

— Ладно, маркиз, ставьте одну на моем корабле, — Пейрак не мог устоять перед натиском д'Эвре. — Оставьте, чтобы как-нибудь вечером мы могли приложиться к этому вину с хорошими друзьями... А остальные отвезите на свой корабль. И вам, наконец, пора отдохнуть.

— Граф, — восторженно завизжал д'Эвре, — вы редчайший человек, которого я когда-либо встречал. Благодарен вам тысячу раз. Знаете, я застал Дугаста в плачевном состоянии. Он похудел и почернел и стал похож на тень. Говорят, у него алкогольное отравление. Будьте снисходительнее к этому несчастному, Кстати, когда я грузил бочки, заметил одного аристократа. Видимо, это и есть посланник короля.

Кажется, на «Сен-Жан-Батисте» все готовятся к отплытию. Похоже, они собираются прибыть в Квебек раньше нас и рассказать там множество небылиц. Да, кроме того, завтра воскресенье!..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛАННИК КОРОЛЯ

Глава 25

Непонятное волнение охватило Анжелику, когда она увидела Жоффрея с необычайной для него поспешностью идущего по палубе. Он перескочил через ступеньки лестницы, взобрался на наблюдательную площадку и поднес к глазам подзорную трубу. Жоффрей смотрел в сторону «Сен-Жан-Батиста». Виконт д'Урвилль и Виль д'Эвре тоже пытались разглядеть что-то на аварийном судне.

— Что там произошло? — крикнула Анжелика с лестницы.

— Онорина и Герубин... — д'Эвре задыхался от волнения. — Онорина и Герубин на корабле!

— На корабле? — Анжелика буквально взлетела на мостик.

— Смотрите сами, — маркиз предал Анжелике подзорную трубу. Взгляд графини скользнул по свисающим снастям, по борту, по палубе, по каким-то пассажирам, элегантно одетым — должно быть из свиты посланника короля — и, Боже мой! по ярко зеленой шляпке дочери.

— В самом деле! Это Онорина! — Анжелика в отчаянии опустила руки. Дочь... Что она делает на борту чужого судна? Как она туда попала?

— Должно быть, ее похитили... — это предположение высказал незаметно появившийся рядом капитан Ваннеу.

Анжелика посмотрела на него долгим взглядом.

В воскресенье все путешественники — и семья графа Пейрака в том числе — отправились к утренней мессе. По такому случаю Жоффрей разрешил сойти на берег и пассажирам «Сен-Жан-Батиста». Последние были не очень-то общительны: они держались в тени не обнаруживая никакого желания вступить в контакт с жителями деревни. Сколько им наблюдала за ними Анжелика, сна так и не смогла угадать, кто же среди пассажиров посланник короля? Впрочем, скоро она

бросила свои бесплодные попытки, разговарившись с одной из местных прихожанок. Графиня совершенно не обратила внимания на то, что после мессы все пассажиры «Сен-Жан-Батиста» словно бы растворились в толпе народа.

В деревне царило радостное возбуждение. Ярмарка продолжалась. Всех словно охватила лихорадка обмена. Жоффрей в честь праздника приказал раздать всем жителям деревни табак и ликер.

Оставив детей на берегу под присмотром Иоланды, графиня ближе к полудню отправилась на «Голдсборо». На воде тоже царил суета: туда и сюда сновали лодки всех видов — баркасы, каноэ, шлюпки... Анжелика с улыбкой наблюдала эту картину из окна салона. Она облачилась в новое собралась было опять отправиться на берег, когда вдруг увидела как Жоффрей пересекает палубу...

Граф снова поднес к глазам подозрную трубу.

— О, я вижу Иоланду! — воскликнул он.

Жительницу Академии можно было узнать в толпе невооруженным взглядом, а рядом с нею виднелась голубая униформа Адемара. Вероятно, и Герубин был где-то рядом с ними, но его не было видно из-за крошечного роста.

— Мой сын попал в руки бандитов! — драматично вскричал Виль д'Эвре. — Как вы могли позволить им совершить такое преступление? — театральным жестом он воздел руки к небу и посмотрел на Пейрака.

— Теперь бессмысленно спрашивать об этом, — резко оборвал его граф. — Несчастье уже произошло. Мы должны что-то предпринять. Надеюсь, монсеньор Шарль как интендант Новой Франции поможет нам?

— Я в вашем распоряжении, — поклонился королевский служащий и сделал соответствующее случаю лицо.

— Бедные дети! — стонал маркиз.

— Они потребу ют огромный выкуп... Я знаю этого Дугаста. Отъявленный негодяй, он способен на все!

Анжелика взяла у него из рук подозрную трубу и глазам своим не поверила: на мостике «Сен-Жан-Батиста» не был о ни одного человека!

— Они могут бросить детей в воду! — д'Эвре впал в панику. Он стянул с себя сюртук, приготовившись — в брюках и жилете — спрыгнуть за борт. — Их нужно спасти!

— Успокойтесь, — остановил его Жоффрей. — Вы не должны терять рассудка. Сейчас мы сядем в шлюпку и переправимся на чужое судно.

Но Виля д'Эвре не так-то легко было успокоить. Он сбавил тон и теперь тихо ругался себе под нос:

— Я доведу их до виселицы... Схватить моего сына! Они потребуют все мое состояние... Но я готов уплатит любую дену, лишь бы мне вернули моего Герубина... Они попадут в ад!

В ожидании шлюпки Анжелика решила взять себя в руки и разобраться в случившемся. С одной стороны, хорошо вооруженный флот Пейрака легко мог подавить мятеж моряков «Сен-Жан-Батиста». Но Дугаст и его люди воспользовались тем, что сегодня все лодки по случаю праздника были в Тадоуссаке. Как случилось, что дети оказались в лапах этого подлеца? Какой хитростью воспользовались его приспешники, чтобы заманить на палубу Герубина и Онорину, — ребят, приученных быть недоверчивыми? Может быть, применяли силу? А Иоланда и Адемар?..

Графиня видела, как подошло шлюпка, и Жоффрей собрал своих испанцев-лейбгвардистов. Солдаты были вооружены до зубов.

— Я пойду первым, — сказал Пейрак.

— Прошу, возьмите меня с собой! — взмолилась Анжелика.

— Нет-нет, потерпите немного. В случае необходимости я подам сигнал и две лодки вернутся на «Голдсборо». В одной из них поедете вы с д'Урвиллем и его людьми, а маркиз отправится в другой. Не забудьте захватить пистолеты. Кроме того, следует сообщить в деревню о создавшемся положении, если в Тадоуссаке остались пассажиры «Сен-Жан-Батиста», надо им помешать вернуться на корабль.

— Боюсь, они давно предупреждены и все вернулись на судно, чтобы снятся с якоря, — простонал маркиз.

— Монсиньор, прошу вас, не теряйте мужества. Мы должны действовать решительно и, самое главное, слаженно. Не распускайтесь!

Жоффрей де Пейрак казался совершенно спокойным. Анжелика восхищалась его хладнокровием. Ей вспомнилось, как твердо и мужественно вел себя Жоффрей тогда, когда толпы ревущих ирокезов окружили форт Катарунк. Глядя на мужа графиня тоже старалась взять себя в руки. Но удавалось это плохо: Анжелика была смертельно бледна. Граф обнял ее за плечи.

— Будьте терпеливы, мадам! Мы соберемся с силами и проучим этих бандитов.

— Ноя...

— Где ваша холодная голова, мадам? Где ваше мужество?

— Но Онорина... Она... Она маленькая...

Лицо Жоффрея исказила гримаса боля, и Анжелика поняла, что он не менее матери боится за ребенка.

— Смотрите, смотрите туда! Там что-то движется!

Все кинулись к борту и навели бинокли в указанном направлении. Невероятно: маленькая лодка отделилась от «Сен-Жан-Батиста» и двинулась в сторону «Голдсборо». Хорошо были видны яркие шляпки детей и

белый чепец Иоланды. Но расстояние не позволяло разглядеть, кто еще находился в лодке.

— Нам везут их трупы! — стонал Виль д'Эвре.

— Нет! — воскликнула Анжелика. — Я вижу их! Кажется у них все хорошо!

Графиня немного успокоилась. Наверное, с детьми не случилось ничего дурного. Во всяком случае, они вели себя не так, будто убегаю от опасности. Скорее наоборот: у них был такой вид, словно они возвращаются домой после веселой воскресной прогулки. Казалось, путешественники довольны всем на свете. Лица Иоланды и Адемара прямо-таки сияли.

— Пятнадцать плетей следует назначить этим кривым гребцам! — разгорячился Виль д'Эвре, чьи слабые нервы были на пределе. — Они могли бы понимать, что мы тут с ума сходим!

Наконец, маленькая компания появилась на борту, и тревога в родительских сердцах уступила место справедливому гневу.

Анжелика сердито смотрела на дочь, которая, видимо, не испытывала ни малейшего чувства вины. Она держалась столь независимо и уверенно, что Жоффрей обратился прямо к этой маленькой девочке, а не к ее провожатым — Иоланде и Адемару, которые, осознав свою глупость, стыдливо прятали взгляды.

— Куда вы ходили, моя прелесть?

Онорина посмотрела на отца с нескрываемой снисходительностью. Глупейший вопрос! Он видел, что они были на чужом корабле, и следил за ними в бинокль, когда они возвращались на «Голдсборо». Зачем спрашивать об известном? Девочка пожалала плечами и сделала то, что никто на корабле делать не осмеливался: оставила вопрос господина де Пейрака без ответа.

— Итак, вы были на «Сен-Жан-Батисте», — начал граф снова. Он был необыкновенно резок. — А не

можете ли вы объяснить, кто позволил вам ослушаться моего слова и отправиться на чужое судно?

— Меня пригласили перекусить, — невинно сообщила Онорина.

— Вот как? И кто же?

— Мой друг.

Стараясь походить на даму, девочка была так забавна, что Жоффрей не сдержался и расхохотался. Весь гнев прошел. Отец поднял дочь на руки и прижал к себе.

— Сокровище мое! — сказал он, задыхаясь. — Бесценное! Запомни впредь, что на чужом судне у нас враги. Они хотят отомстить мне. И мы с мамой боялись, что с тобой что-то сделают.

Онорина удивленно посмотрела на отца.

— Это правда? — спросила она. — Ты за меня боялся?

— Конечно малышка. Я прошу больше никогда так не делать. Это разобьет мне сердце.

Ничего не могло привести Онорину в большой восторг. Она крепко обняла отца за шею, заглядывала ему в глаза, целовала шрам на его лице и пылко говорила:

— Простите меня, папа... Прошу, простите!

Когда Герубин увидел, что Онорину простили, он перестал думать о наказании и подбежал к Анжелике, которой не оставалось ничего другого, как обнять и расцеловать мальчика.

— Прошу, извинись перед папой, — тихонько сказала она Герубину, подталкивая его к плачущему как дитя Вилю д'Эвре. Казалось, до сегодня маркиз не представлял, насколько дорог ему сын. Мальчик ластился к отцу, радуясь от всего сердца. Он не понимал причины столь бурного проявления чувств, но был доволен тем, что никто его не ругает.

— Монсиньор д'Эвре уже хотел спасти вас вплавь, — сообщила Анжелика.

— Правда? — Онорина соскочила с рук отца и подбежала к маркизу, чтобы поцеловать и его. Девочка чувствовала себя в центре внимания и, пожалуй, даже гордилась тем, что из-за нее поднялась такая кутерьма.

Анжелика подошла к супругу.

— Вы так ее любите... — прошептала она благодарно.

— Она моя дочь. Дитя, радующее глаза и сердце... Вы подарили мне это сокровище... Но, сердце мое, вы выглядите утомленной...

— Да, мне сегодня не удалось прилечь, — подтвердила Анжелика. — Я отдохну, но прежде поговорю с этими глупцами, — она бросила строгий взгляд на Иоланду и Адемара. — Вы, видимо, удачно продали шкуры и решили отпраздновать это событие? Иным трудно объяснить ваш проступок. Как случилось, что вы позабыли об осторожности? Известно же, что Дугаст — враг, Адемар и Жюльена чудом остались живы, И после всего вы отправляетесь на этот корабль...

— О, мадам, вы совершенно правы, — виновато подтвердила Иоланда. — Ругайте меня, ничего другого я не заслуживаю...

— Госпожа графиня, и меня тоже, — истово перекрестился Адемар. — Мы были бездумны и очень доверчивы. Но дворянин показался таким симпатичным...

— Какой дворянин?

— Не ругайте мою любимую Иоланду, — подбежала Онорина. — Она ни в чем не виновата. Это я хотела пойти на тот корабль...

— Но ведь должно же быть этому какое-то оправдание, объяснение... — Анжелика негодовала. — Как вы, взрослые люди, могли пуститься в такую

авантюру, рискуя жизнью пятилетних детей? А, кстати, где Нильс Аббиаль? — графиня оглянулась, отыскивая глазами негритенка. — Как! Вы оставили его на «Сен-Жан-Батисте»?

— Нет, — успокоила мать Онорина. — Он, глупый, не захотел с нами пойти туда.

— Он поступил умнее, чем вы все, милая моя девочка! И заметьте, дитя мое, в будущем и от вас мы ждем подобной рассудительности. Я убеждена, что Нильс пытался вас удержать, но вы его не послушались. Он заслуживает вознаграждения, а вы наказания.

Онорина промолчала. Она была готова к тому, что рано или поздно мать отругает ее. Пятилетняя девочка инстинктивно понимала, что переубеждать Анжелику бесполезно, единственный человек, которого послушается графиня — Жоффрей. Он вернется, мама перестанет сердиться и все изменится к лучшему. Вздохнув, Онорина принялась рыться в карманах юбки, делая вид, что беседа Анжелики с Иоландой и Адемаром ее абсолютно не касается.

— Я жду вашего объяснения, — вновь обратилась графиня к молодым людям.

Оба принялись путано отчитываться. Из их рассказа следовало, что на ярмарке в Тадоуссаке Иоланда собиралась обменять бобровый воротник, подаренный ей Марселиной, а Адемар хотел продать сумку с боеприпасами. Увлеченные беседой с индейцами, они и не заметили, как исчезли дети. Бросив все, воспитатели кинулись искать их в толпе людей. Слава Богу, Онорина и Герубин были недалеко, они беседовали с благородного вида господином.

— Господи, какие вы доверчивые, — посетовала Анжелика, — благородного вида господин может оказаться мерзким мошенником...

Этого Онорина не могла выдержать.

— Любой может оказаться мошенником, но только не мой друг, — заявила она»

— Ты слишком мала, чтобы рассуждать об этом, — рассердилась Анжелика.

— Но мне кажется, Онорина права, — Иоланда встала на защиту своей подопечной. — Этот господин внушал доверие. Настоящий аристократ...

— А ведь он и в самом деле, похоже, благородный человек — внезапно осенило Анжелику. — Но кто он? Пассажир, который не знает, как убить время?.. Почему он обратил внимание именно на наших детей?

— Так кто же этот аристократ? — нетерпеливо спросила она у Адемара.

Тот только пожал плечами. Зато Онорина, наконец, извлекла из своего кармана скомканную бумагу. Она расправила ее и протянула матери.

— Что это? — спросила Анжелика.

— Письмо. Для тебя, — безучастно ответила девочка.

Анжелика взяла конверт из настоящей белой пергаментной бумаги. На четырехугольной печати виднелся неясный отпечаток герба. Длинная шелковая тесьма изрядно потрепалась в кармане дочкиной юбки.

Анжелика недоверчиво посмотрела на девочку.

— Откуда у тебя это?

— От моего друга, симпатичного господина.

— Он сказал, чтобы ты его передала?..

— Да.

— Мне?

— Да, мама, — глубоко вздохнув повторила Онорина.

Анжелика осторожно развернула лист, сплошь усеянный мелкими, как бисер буквами и местами забрызганный чернилами. Видимо, у того, кто писал это послание, было немного времени, а вдобавок

раскачивался корабль. Графиня начала читать письмо громким голосом:

— Прекраснейшая из женщин! — она запнулась.

— Многообещающее начало, — заметил Виль д'Эвре и подошел поближе.

— Несколько фривольно, — раздраженно бросил Шарль.

— Вы лучше слушайте, чем разыгрывать из себя моралиста, — прервал его маркиз.

Он склонился над плечом Анжелики и попытался разобрать продолжение. Это было весьма кстати: Анжелика с огромным трудом читала чужой мелкий почерк. Маркиз же справился с этим куда легче: через мгновение он уже провозглашал:

— Воспоминания о вас... ваших великолепных губах, ваших поцелуях, вашем божественном теле, наконец, о вашем шарме... в течение долгих лет не дают мне покоя. Ваши смарагдовые глаза, единственная моя, неповторимая, прелесть...

Виль д'Эвре облизал пересохшие губы. Остальные слушатели обменивались многозначительными взглядами. Одна лишь мадам де Пейрак оставалась совершенно спокойной, делая вид, что ее это нисколько не касается... Видимо, записка все же предназначена другой женщине...

— Но мадам! Смарагдовые глаза — это такая редкость! — быстро ответил вместо Жоффрея Виль д'Эвре.

Анжелика пожала плечами:

— Тогда наверное, это человек видел меня раньше, но, право, я не давала никаких поводов для подобных излияний. Это должно быть сумасшедший.

— А по-моему, это один из ваших прежних поклонников, — вмешался Пейрак, который, как всегда сохранял полное присутствие духа. — Наверное, сегодня он увидит вас в церкви. Что ж, при таком

отношении к вам королевского посланника мы можем без опасений плыть дальше в Новую Францию.

Он взял из рук жены письмо и начал изучать печать. Увы, разобрать что-либо было невозможно, подпись тоже была неразборчивой, но после детального изучения, наконец, удалось высмотреть витиеватую букву «N».

— Абсолютно не представляю, кто мог это написать... — графиня терялась в догадках.

— Любовь моя, не напрягайте так вашу прелестную головку.

— Нет, все же этот аристократ меня с кем-то перепутал.

— Не думаю... Смарагдовые глаза — тому доказательство, убежден, что при дворе в Версале была единственная женщина с такими глазами.

Мысленно Анжелика вновь перенеслась в зеркальные залы Версаля. Какой из назойливых господ с льстивыми глазами и потными руками, господ, чьи притязания Анжелика отклоняла коротким хлопком веера, мог быть автором письма?

— Нет, монсиньор, меня с кем-то спутали...

— А незабываемые поцелуи? А обольстительные губы?.. — упорствовал Пейрак.

Анжелика видела иронию в его глазах. Казалось, Жоффрей забавляется:

— Я здесь есть из чего выбрать! Он говорит о вашем божественном теле, — продолжал Пейрак с легким сарказмом.

— В таком случае, мы имеем дело с хвастуном, — сообщила Анжелика и посвятила себя дальнейшему чтению эту странного послания.

Да, кем бы не был этот негодник, очевидно, он писал с немалым волнением. Трудно было добраться до сути и сквозь дебри его неразборчивого почерка, и сквозь чрезмерную многочисленность слов.

— Моя радость безгранична... Зная о том, что вы рядом... Надеюсь, вы будете столь милосердны... — о этот проклятый почерк! — И что вы меня не совсем забыли... Должны вы от вашего хозяина, — вот негодяй! — улизнуть! Я буду ждать вас сегодня вечером около склада со стороны индейской деревни. Надеюсь, мой длинный сон, наконец, станет явью. Приходите! Целую ваши руки!

— Вам назначили свидание, — резонно заметил граф. — Пойдете?

— Ни в коем случае. Уверена, там может быть засада.

— Мы приготовимся к этому. Возьмите с собой, на всякий случай, оружие, а мы будем начеку неподалеку, По едва заметному условному сигналу примем меры.

Он подозвал Иоланду и Адемара, который с готовностью подошли.

— Вы можете вспомнить имя этого господина? Как он назвался? Как он выглядел?

— На мой взгляд, это самый настоящий аристократ, — ответила Иоланда, — Но он не назвал своего имени, а мы не посмели спросить. Он был очень любезен с нами...

Анжелика попыталась узнать имя незнакомца у Онорины.

— Он тебе представился как-то? Что он сказал, когда передавал письмо?

Но девочка делала вид, будто она обижена на мать. Она всегда вела себя так, когда кто-то не хотел ее слушать. Онорина лениво рылась в своей шкатулке с сокровищами, перекладывала вещицы так и сяк, но потом по-настоящему увлеклась этим и перестала обращать внимание на кого бы то ни было.

— Да, она на меня всерьез рассердилась, — вдохнула Анжелика. — Выходит, я должна была хвалить ее безобразия. Ну что поделаешь с этим ребенком! Теперь от нее слова не добьешься!

— Вы единственный человек, который может пролить свет на загадочную историю, — вновь обратился Пейрак к жене. — Чем больше я думаю об этом незнакомце, тем больше утверждаюсь в мысли, что это посланник короля. Вы должны узнать его.

В задумчивости Анжелика вновь склонилась над письмом.

— Ваши поцелуи...

Какие поцелуи? Кого она целовала в Версале? Короля и Филиппа, своего второго мужа. Но Филипп умер... Не Людовик же спрятан на «Сен-Жан-Батисте»? Так кто же? Нет, никого не может вспомнить...

— Смотри, мама! — Онорина уже забыла об обиде и принесла матери золотую погребушку.

Глава 26

Остался позади последний дом деревни. Анжелика шла по обозначенному в письме адресу. Вот круглое строение, в котором, как говорил Виль д'Эвре, расположился магазин для высших чиновников. Правда, Шарль уверял, будто здесь склад товаров у иезуитов. Что ж, вполне вероятно, во всяком случае больше походит на правду, нежели версия маркиза: вряд ли устроят магазин здесь, в этом пустынном месте в стороне от Тадоуссака.

Обо всем этом Анжелика подумала вскользь. Всерьез ее волновало другое: как пройти неузнаваемой и кто ждет ее? Чтобы сохранить инкогнито, Анжелика покрыла голову шерстяным платком, а сверху надела темный капот. Неизвестный поклонник наверняка будет разочарован таким скромным одеянием: судя по письму он видел графиню во всем ее блеске. Анжелика вновь и вновь перебирала в уме придворных знакомых: Брийен, Ковойс, Сайн-Айжанн... кто-то из них влюблен в нее, но кто?

Темнота опустилась на землю, когда графиня, наконец, дошла до цели. Страшно, она не ощущала

никакого страха. Может быть, потому что при малейшем сигнале опасности люди Пейрака придут к ней на помощь? Но Анжелика чувствовала, что все меры предосторожности напрасны, они не понадобятся. Чем больше графиня думала о незнакомце, тем больше склонялась к мысли, что он придет не как враг, но как друг.

Итак, раньше они встречались с этим человеком. Там, в другой жизни, когда графиня де Пейрак была королевой версальских балов, феерической маркизой дю Плесси-Бельери, любимой Филиппом и почитаемой королем. Увы, та, другая Анжелика погибла в море огня в страшную кровопролитную ночь в замке Плесси.

А ведь все это — и блеск Версаля, и восхищенные взгляды поклонников — были совсем недалеко. Всего шесть лет прошло с того дня, как король написал ей: «Крошка, мой невыносимый, незабываемый ребенок...» Анжелика постаралась поскорее отогнать эти воспоминания, опасаясь, что картины прошлого вновь оживят старые беды и радости, и вновь невыносимо занеет сердце...

И все же Анжелика почти не помнила, что находится теперь в Канаде, и что свидание может быть опасным для нее и ее мужа. Графиня спешила на встречу с неизвестным человеком, словно хотела увидеть саму себя — такой, какой она была много лет назад.

Увидев дом с темными каменными стенами, Анжелика на мгновение остановилась. Сердце вдруг забилось быстрее и стало невыносимо жарко. Там, за поворотом... Она вскинула голову и решительно ступила в темноту.

Мужчина, едва различимый в призрачном лунном свете, уже ждал ее. На какую-то долю секунды Анжелике показалось, что перед нею Филипп. Нет, конечно, этого не может быть — Филипп мертв! Тем не менее в облике незнакомца было что-то неуловимо

напоминающее ее второго мужа — маркиза дю Плесси-Бельери. Такая же полутеатральная поза, та же манера перекидывать пальто через плечо...

Галантным жестом незнакомец приподнял шляпу и склонился в глубоком поклоне, как это было принято при дворе. Анжелика подошла настолько близко, что смогла разглядеть его лицо. Но нет — она не помнит... Эти глаза, эти густые каштановые волосы, волнами рассыпавшиеся по плечам... Улыбка... Нет, этот господин ей незнаком.

— Наконец-то я вижу снова вас! — воскликнул незнакомец хриплым от волнения голосом. — Вы шли легко, как эльф... Вы стали еще обворожительнее, чем раньше...

— Монсеньор, но разве мы виделись раньше?

— Вы действительно не можете вспомнить меня даже сейчас?

— Увы, должна сознаться...

— Не будьте такой жестокой! Да, вы остались такой же, как и прежде... — помолчав немного, он добавил: — Вы, как всегда равнодушны... Нож в сердце... Но посмотрите на меня внимательнее!

Он подошел еще ближе. Невысок, элегантно одет... Его танцующая походка никак не вязалась с меланхолическим выражением лица.

— Какое разочарование! Я совершенно не могу отгадать, какое произвожу впечатление. Да-да, я подожду! Я так долго ждал! Мадам, много раз я пытался представить — на одно лишь мгновение, что вы поняли и приняли мою любовь. Эти иллюзии скрашивали разлуку с вами. Я попытался вызвать в памяти выражение вашего лица, слова, которые вы обращали мне... Я хотел разгадать тайну вашего смеха... В конце концов, представьте, мне удалось внушить себе, что вы были немного влюблены, совсем немного, но не показывали этого из стыдливости... Но

вот мои иллюзии разрушились. Вы меня несколько не любили...

— Мне очень жаль, монсиньор...

— Нет-нет, не оправдывайтесь. Тут нет ни капли вашей вины. Чувства силой не добьешься.

Он глубоко вздохнул.

— А письмо? Вам ничего не сказало мое имя?

— Ах, монсиньор... Простите, но у вас ужасный почерк. Я ничего не могла разобрать!

— Ах, вот в чем дело! Простите, простите меня... Я на самом деле ужасно написал. Сильнейшее волнение охватило меня, едва я узнал, что вы в Тадоуссаке. Мадам... Вы здесь, передо мной... Я так мечтал об этом!

Он страстно поцеловал руку графине. Анжелике начало казаться, что она давно и очень хорошо знакома с этим человеком, но не могла вспомнить ни одного имени, которое можно было бы связать с этим симпатичным лицом.

— Возможно, при дворе?

Незнакомец был ошеломлен ее вопросом.

— При дворе? — переспросил он изумленно. — Могли я вас встречать при дворе?

Анжелика услышала знакомые нотки в голосе, а это означало, что разгадка близка.

— Ну, вы вспомнили меня? — нетерпеливо спросил он.

— Помогите мне! — взмолилась графиня. — Да, мы виделись когда-то. Но где? И, кажется, не так давно...

— Два года назад...

— Два года? — Анжелика задумалась. — Ну тогда, конечно, не в Версале. Тоща это было... было, конечно же... в Ла Рошеле!

— Монсиньор де Борже! — воскликнула Анжелика. Ну, конечно, это господин де Борже, лейтенант королевских войск, бывший тогда губернатором города.

Помнится, он должен был содействовать конверсии гугенотов...

— Благодарю тебя, Боже! — облегченно вздохнул лейтенант, — Но как долго вы вспоминали...

— Монсеньор де Борже, — повторила Анжелика с улыбкой. — У меня сохранились о вас лучшие воспоминания...

— От прежнего нет и следа.

— Это ваша вина, — попеняла графиня. — Вы выглядите так серьезно, что в вас едва ли можно узнать любимца женщин Ла Рошели... Надеюсь, вы меня правильно поняли? Примите это как комплимент.

— Я потерял вас... И весь блеск пропал, — горько улыбнулся де Борже.

— Не понимаю вас... Но вы больше не носите усов?

— Да, они вышли из моды...

Анжелика смотрела на де Борже с удовольствием. Ну, конечно, он мало изменился. Вспомнилась одна сцена в Ла Рошели. Она была в наряде прислуги, когда монсеньор де Борже, приехал к ней в карете. Поджидая Анжелику, влюбленный губернатор прятался за прачечной.

— Теперь я понимаю, почему Онорина назвала вас другом.

— О, у вас прелестный ребенок! Когда я увидел ее в деревне среди маленьких канадцев, не поверил своим глазам. Я очень обрадовался и, представьте, мне показалось, что Онорина тоже...

— Так вот почему эта маленькая негодница подсунула мне под нос золотую погремушку! Это же вы ей подарили еще тогда.

— Да, а вы не хотели ее принять. Помните?

— Это был слишком дорогой подарок для женщины моего положения.

— Вы не захотели принять и другого... — горестно вздохнул Борже.

Он смотрел на графиню с бесконечной нежностью. Графиня тоже не сводила с него глаз. Они взялись за руки и искали в лицах друг друга следы минувшего.

— Я очень, очень счастлива, что вижу вас снова, — призналась Анжелика. — Не смейтесь, дорогой Борже, что поначалу не узнала вас.

Вместо ответа лейтенант притянул ее к себе и поцеловал в губы. Анжелика ответила на поцелуй, но, скорее, не как бывшая возлюбленная, а как друг. Она была искренне рада вновь встретить этого человека.

Да, это правда — события последних двух лет полностью вычеркнули его из памяти, но сейчас перед глазами вновь вставали картины минувшего.

Борже тоже перенесся мысленно на два года назад, в фривольную атмосферу Ла Рошели. Тогда он был могущественным человеком, а прекрасная Анжелика — обыкновенной служанкой. Но Борже, не обращал на это ни малейшего внимания. Он настойчиво ухаживал за прелестной женщиной. Поначалу его поражало, что она отвергает руку королевского губернатора. Немыслимо, но вместе с этой рукой она отвергала имя, титул, возможности — все привилегии, с которыми связана власть де Борже. Как ни странно, сдержанность Анжелики лишь распаляла любовь лейтенанта: он обожал эту нищую гордячку и готов был положить к ее ногам весь мир.

Борже не мог отвести взгляда от прекрасного лица своей возлюбленной:

— Бог мой, это вы... Ваши великолепные глаза, ваши чувственные губы, ваши поразительные волосы... Как часто я видел все это во сне... В чем тайна вашего обаяния? Достаточно лишь услышать ваш голос — и я вновь поражен в самое сердце. Воистину, любить вас — это подарок судьбы. Посидите со мной немного, дорогая. На той стороне есть скамейка.

Со стороны леса доносился запах гниющих листьев — осенний запах. Страшно кричала во тьме ночная птица. Но на душе у Анжелики было спокойно. Николас де Борже положил руку на плечо женщины, и графиня ощутила запах дорогих духов. Надо отдать должное ее старому знакомому: несмотря на тяжелое плавание и тяготы пути он продолжал тщательно ухаживать за собой. Несомненно, Николас принадлежал к той категории мужчин, для которых безупречная внешность в любой ситуации — почти святая обязанность.

— Я должен бы вас возненавидеть, — сказал де Борже после короткой паузы. — Когда-то вы приняли меня за глупца, хуже того, изменили... Но мое сердце — что поделаешь с ним? Вы вновь вскружили мне голову, и я готов простить все прошлые и будущие грехи... Бог мой, вы так близко... Возможно ли такое? Я до сих пор не могу успокоиться...

— Тс-с-с, — прервала его Анжелика. — Не так громко. Она огляделась вокруг, но рядом никого не было. Только тьма и тишина.

— Простите меня, мне пора идти...

— Как! Уже? Но мне так хочется побыть с вами хоть недолго... Я никогда больше вас не покину. Хотя, собственно... Вы все еще с вашим хозяином?

— С каким хозяином? — удивленно спросила графиня. Она вспомнила, в письме тоже было это слово.

— С этим ужасным упрямым, коммерсантом, надменным Берке... Помните, он запер вас в доме, когда я был рядом. Это он сопровождает вас в Канаду?

— Гугенот в Канале! — Анжелика рассмеялась. — Вы в своем уме? Вы, человек, отвечавший когда-то за отмену церковных реформ. Подумайте немного! Мы в Новой Франции, монсеньор... Это строго католическая страна, где полиция так же могущественна, как в Ла Рошеле. Вы полагаете, здесь идеальный приют для гугенотов, убегающих от драгун короля?

— Вы абсолютно правы, мадам... Как я мог так опростоволоситься... Сдаюсь, вы доказали, что я — неразумный малыш. Я здорово поглупел в последние минуты — я без ума оттого, что вновь вижу вас! Хотя следовало бы забыть о прекрасной Анжелике после того, что вы сделали... ладно! Мы говорили о Майтре Берке... Это вы помогли ему бежать? Не отпирайтесь, вы только что выдали себя... Помните, вы убеждали меня, что стали дамой святого причастия и теперь должны наставить Берке и его семью на путь истинный... Я тогда поверил и не принял во внимание дело этого еретика... Это из-за вас я, в течение двух лет обращавший жителей города в истинную веру! Да! Вы и в самом деле хорошо выполнили свою работу!

Дрожа от негодования, Николас взял Анжелику за подбородок и повернул ее лицо к себе, чтобы посмотреть в глаза бывшей служанки.

— Рискните сегодня... Глядя в глаза, сознайтесь, что вы мне солгали с хитростью рыночного зазывалы, который обещает безболезненно вырвать зуб! Вы сознательно пустили меня по ложному пути, не принимая во внимание мое положение в обществе! И только лишь для того, чтобы помочь бежать этому еретика!

Он дрожал от гнева. Анжелика же, понимая, что все обвинения справедливы, предпочитала молчать.

Некоторое время и Николас не говорил ни слова, пытаясь совладать с собой. Наконец, ему это удалось. Он снова взглянул в глаза Анжелики, и увидел в них слезы раскаяния.

— Что мне сейчас сделать для вас? — простонал он с глубоким вздохом. — Увы, вы никогда не любили меня, я нужен был вам только для того... — Николас говорил с трудом, словно в горле у него был комок, — для того... Но я прощаю вас, я готов забыть все несчастья, которые вы мне принесли. Вы разрушили мою карьеру...

— Я???

— Не помните... Я уезжал в Париж с чувством исполненного долга — да, казалось мне, в городе произошли заметные улучшения... Во всяком случае, ваш бывший единомышленник уже не играл такой замечательной роли... Я сообщил в столице, что мне удалось восстановить в городе покой и порядок, не преступая границ дозволенного. Да-да, я всегда считал, что людей надо убеждать, а не заставлять... Без колебаний вступал я в длинные теологические дискуссии, стараясь выбить ересь из упрямых голов протестантов. Я стремился к тому, чтобы заблудшие овцы присягали добровольно. Вы помните, очевидно, как мне удалось справиться с делом старого Лазаря... Я избавил от позора его семью, надеясь, что глава пойдет мне на встречу... Мне не в чем себя упрекнуть... И вдруг в Париже такая прохладная встреча... Почему? Это я выяснил, вернувшись в Ла Рошель. Какие были несчастливые известия: Берке ускользнул, корабль потоплен, на улицах — толпы арестантов, есть раненные.

Мадам Демурс посадили в тюрьму...

— Мадам Демурс — сестру Майтре Берке — посадили в тюрьму?..

— По праву! Во-первых, она грубо нарушала закон, доверяя детей гугенотам... Ее супруг, высший офицер королевской марины, пользовался милостью адмирала. Естественно поэтому, что арест несчастной произвел сенсацию. Что до меня... Повторяю, единственное, что я застал в этом славном городке, когда вернулся из столицы, — всеобщий хаос. Конечно, мена объявили виноватым и выслали... Помните Баумпьера?

— Да, суровый маленький инквизитор.

— Точно! Баумпьер так сострепал мое дело, что я едва остался в живых — из-за вас!

— Из-за меня!

В еще более мрачном тоне де Борже продолжал:

— Меня арестовали и посадили в Бастилию. Обвинили в заговоре, клятвоотступничестве и политической измене. Баумпьер пошел дальше, объявив меня обращенным — меня, наследника старой католической дворянской семьи!

— Нет, это немыслимо! Мне очень стыдно перед вами. Как же вам удалось выпутаться?

— Благодаря ходатайству одного господина — полицейского префекта королевского суда. Монсиньор Дегрие... Он был там, как говорят, правой рукой. В тот самый драматический момент, когда я вернулся в Ла Рошель, он находился в городе.

Уловив во взгляде Анжелики огонек неподдельного интереса, Борже продолжил:

— Ведь вам знаком этот полицейский служака?

— Франкуш Дегрие? — вырвалось у нее.

— Дегрие. А вы не могли бы вы сообщить, что общего было между вами и этим сумеречным типом? Он, кажется, знал вас очень хорошо.

— Прошу, монсиньор, не устраивайте сцены ревности...

— Вы должны бы знать, что я никогда не был ревнив. Но вспоминая его самодовольство, этот коварный оскал... Он, кстати, говорил о «ас очень откровенно, чересчур... Утверждал, якобы, любил, утешал, понимал... познал вас! О, что за мучения он мне уготовил!

— Только что вы сказали, что именно он помог вам.

— Да, это правда. Без него я бы пропал. Баумпьер приготовил мне безжалостный приговор, а Дегрие спас меня не только от Бастилии, но и от виселицы. Хм... Власть полицейского служащего в наше время безгранична. Такие люди — любимцы короля. Ибо именно они обещали монарху очистить Париж от преступных элементов. К сожалению, в Версале поздно

поняли, что на самом деле стоит за этим обещанием... О, не было места, куда бы не сунули нос полицейские ищейки. Вот Дегрие. Он ни в чем не знал преград. Представляете, распорядился арестовать одну знатную даму, предъявив ей обвинения в отравлении своего отца, мужа и некоторых других родственников. Дегрие не обратил ни малейшего внимания на то, что вышеназванная особа принадлежит к старинному княжескому роду. Истинно, этот служака возомнил себя маленьким королем, нет, даже маленьким богом.

Анжелика лишь посмеялась в душе над консерватизмом Борже. Она-то прекрасно знала, что многие неожиданные смерти при дворе — следствие действия ядов. Отравители же все были знатного происхождения. Многих удалось узнать, благодаря мужественности и неподкупности таких как Дегрие.

Она не стала высказывать эти мысли вслух. Поинтересовалась только:

— И что, эта дама была осуждена?

— Да, представьте себе. Короля, как ни пытались, не могли переубедить: его величество решил показать приоритет закона. Несчастную сначала приговорили к костру, но потом решили обезглавить. Представляете, как радовался победе ваш любезный Дегрие!

Борже вновь пришел в негодование. Он явно относился к тому типу людей, которым лучше, чем кому-либо другому, удавалось завести себя.

— Как и Баумпьер, Дегрие знал о вашем побеге. Я пообещал ему не доносить, если он выведет меня из этой игры. Ах! Никогда не забуду эту страшную беседу!

Вы, это вы всегда стояли на моем пути. Это вы причина падений, упущений, служебных предательств...

Я попытался объяснить Дегрие, какую роль играли вы в моей жизни, как далеко вам удалось увести меня. Но он рассмеялся и сказал: «Вы, верно, думаете, что эта женщина любит только вас, что вы ее единственный

мужчина...» О, как вульгарны были его замечания, какую боль причинял мне насмешник одним только упоминанием вашего имени... И что я услышал об этой божественной, столь почитаемой мною женщине? Что вы возлюбленная этого отвратительного типа, которому мои мучения доставляли искреннюю радость! О, какая мука — он обнимал ваше восхитительное тело!.. И целовал вас... своими вульгарными губами!..

— У Дегрие не вульгарные губы.

Борже остолбенел. Он был потрясен и оскорблен.

— С меня хватит, — горько сказал он. — Вы его защищаете?.. Увы, вы относитесь к тону типу женщин, забыть которых выше человеческих сил. Вы... я... Я все бы простил вам, появись вы тогда, когда рушилась вся моя жизнь. И теперь... прощаю. Я уже отчаялся встретить вас. И вот... вы... радом. Это не сон.

Анжелика была уже не в состоянии слушать монологи Борже, Сознание было затуманено. Николас снова заставил ее пережить черные дни, вспомнить, как она сидела в палате юстиции, а напротив был Франкуш Дегрие, человек, однажды доказавший свою дружбу...

Да, конечно, бедняге Борже довелось испытать много несчастий. А он так усердно делал карьеру!..

— Успокойтесь, друг мой, — обратилась графиня к собеседнику. — Все уже позади. Я искренне, от всего сердца прошу у вас прощения. Я счастлива, что вас снова заметили и оценили, что вы получили хороший пост...

— Да, это правда. Не то, чтобы я был в восторге от путешествия в Канаду, но появился случай использовать свой богатый опыт — мне предложили отправиться сюда с особой миссией, и я с радостью согласился.

— Опять по вопросам религии?

— Ну, не совсем, — замялся Николас. — Моя роль в Квебеке будет очень деликатной. У меня такое

поручение... И я получил все полномочия для успешного его выполнения.

— Ах, наверное, вы и есть тот самый королевский служащий, что прибыл на «Сен-Жан-Батисте»?

— Вы угадали. Как однако быстро в этой деревне разносятся слухи. Но я рад, что никто не подозревает о важности этой миссии.

— Почему рады?

— Потому что лицо, которого эта миссия касается — здесь. Анжелика напряглась.

— Не тот ли это корсар, что инспектировал ваш корабль. Его флот стоит на якоре в гавани Тадоуссака. Граф де Пейрак?

— Вы говорите о нем с почтением? Полноте! Он просто морской разбойник. Конечно, он производит впечатление на жителей колонии, когда является к ним с карманами, набитыми золотом... Ну и пусть себе является, главное, чтобы не догадался, что я здесь. О, я должен тайно выполнить королевское поручение!

Глава 27

Кровь отхлынула от лица, шум в ушах, сердце вот-вот разорвется на части. Но посланник короля ничего не заметил.

— Какой счастливый случай: здесь, в Канаде вновь пересеклись наши дороги. Что же касается миссии, то, уверен, все пройдет успешно. Конечно, у меня нет полной гарантии. Я еду в Квебек, чтобы вместе с правительством Новой Франции разработать план сражения. Только чудо спасет Пейрака от поражения.

Ах, дорогая, можете представить себе мое состояние, когда я узнал, что корабли, окружившие нас в заливе Святого Лаврентия, принадлежит этому пирату. Естественно, было предположить, что он узнал обо мне и хочет захватить в плен. Но теперь вижу, это не так. Откуда ему было узнать? Подкупленные мной Дугаст и его команда будут молчать как рыбы, а больше

никому не известно о моем присутствии, Впрочем, морской разбойник интересовался, в первую очередь, грузами. Какая наглость: он присвоил четыре бочки лучшего бургундского вина, что я вез в подарок монсеньору Фронтеньяку. Увы, в данный момент я не могу потребовать их обратно. Пока что наш корабль в его руках... Сегодня наша задача — беспрепятственно двинуться к Квебеку.

Только сейчас Анжелика поняла, что Борже просто не представляет, кто она на самом деле. Видимо, он уверен, что его прекрасная возлюбленная давно живет в Тадоуссаке.

— Но почему... им интересуются столь высокие чины? Направили специальную миссию... — спросила Анжелика как можно небрежнее. — Колония могла бы сама решить его участь.

— О, это довольно странная история. Видите ли, этот человек происходит из древнего французского рода, что требует к нему особого отношения, нежели к обычному морскому разбойнику. Возможно он и есть пресловутый Рексатор, который причиняет значительный ущерб галерам его величества на морях. Не исключено также, что он захватил территории, принадлежащие королю Франции. Кроме того, достоверно известно, что Пейрак — один из известнейших вероотступников.

Волнение Анжелики все возрастало. Выходит, успешная предпринимательская деятельность Жоффрея сделала его врагом королевской власти? В нем видят политического преступника? Кто? Иезуит д'Оржеваль? Колберт? Торговое общество? Дамы таинства святого причастия? Или все вместе?

— А, собственно, кто поручил вам это расследование? — безразличным тоном спросила Анжелика после некоторого молчания.

— Король.

— Король! — она не смогла удержаться от восклицания. — Хотите сказать, что вы лично говорили с его величеством?

— Да, любимая. Но не вижу в этом ничего сверхъестественного. Вообразите, я имею достаточный вес в обществе, чтобы попасть в Версаль на аудиенцию. Король сообщил непосредственно мне о своем приказе и особых пожеланиях... Он особенно усердно изучал бумаги Пейрака. Знаете, нам следует брать пример со своего государя — редко можно встретить человека, столь последовательного в своих начинаниях.

Анжелика закрыла глаза. Перед ее мысленным взором возник Людовик — интеллигентный, мужественный, решительный человек. Многочисленные таланты помогли ему в короткое время стать могущественнейшим монархом мира. Даже здесь, в далекой Америке, Анжелика всецело была в его руках. Король не забыл ее. Он не мог забыть женщину, швырнувшую ему в Трианоне признание:

— Да, между нами стоит мужчина. Мой муж, Жоффрей де Пейрак, сожженный вами в костре на Гревской площади!

Граф де Борже, почувствовав ее волнение, но не зная причины, был тронут беспомощностью сидевшей рядом с ним женщины. Он осторожно обнял Анжелику за плечи, нежно поцеловал в висок. Дама, погруженная в свои мысли, сидела неподвижно. Она чувствовала только силу мужской руки, которая пугала ее и успокаивала одновременно. Анжелика бессознательно прислонилась к Николасу. Как тогда, в Ла Рошели, она инстинктивно искала близости мужчины, который мог бы ее защитить. А Борже был предан ей беззаветно: он уже доказал это.

— Почему вы не пришли ко мне в Берри? — шептал он на ухо. — Вы бы получили в свое распоряжение все мое состояние. У вас с дочерью началась бы спокойная

жизнь. Знаете, Берри — романтическая провинция, далекая от суеты городов. У меня там великолепное поместье, комфортабельный дом с дорогой мебелью, роскошными книгами и вышколенной прислугой. Там вы сможете забыть жестокость людей и мира. Подумайте, еще не поздно... Нет-нет, я вас не принуждаю. Буду ждать, пока вы сами не решите.

Он замолчал глубоко тронутый собственным высоким порывом. Немного погодя, заговорил снова:

— И что вы здесь, в этой глуши, ищите, дорогая? Расскажите о своей жизни...

Николас лукавил. Ему ничего не хотелось знать о настоящем и прошлом Анжелики. Достаточно было сознавать, что она здесь, рядом, что рука ощущает тепло ее тела, и голова кружится от аромата ее волос... Ах, если бы еще знать, что она принадлежит одному ему! Но вопрос слетел с губ, и Николас вынужден был продолжать:

— Если вы теперь не с Майтре Берке, то с кем? Вы так прекрасны, что, наверное, нашли счастье в объятиях другого мужчины? Я прав?

Анжелика вздохнула. Она понимала, Николас — наперекор логике и благоразумию — надеется, услышать, что любимая им женщина свободна. Увы, придется его разочаровать. Под каким соусом подать правду, которая сильно смутит его? Николас, верно, не возражал бы, будь она замужем за канадским эмигрантом из французских фабрикантов. Анжелика собрала все свое имущество:

— Вы дали хороший совет, мой дорогой. Я нашла покровителя. И со всей откровенностью...

— Ах, без лишних слов!

— Мой выбор, боюсь, застигнет вас врасплох...

— Зачем такие оговорки? — недоверчиво спросил Николас. — Итак, кто же о вас заботится?

— Ну да... чтобы... словом, этот пират, которого вы преследуете.

Она хотела добавить: «И я его жена». Но вдруг подумала, что следует быть мягче, дипломатичнее. К тому же выражение лица собеседника...

— Вы хотите сказать, что попались в лапы этого злодея? — недоверчиво спросил Николас. — А-а... вы не знали, что это опасный преступник? Бедное мое дитя, если бы вы только слышали, что мне сказал о нем король. Этот человек вступил в сговор с дьяволом, он был выслан из Франции и теперь блуждает по свету. Он дерзок, нагл, бесстыден — о, его имя склоняют на всех перекрестках. Стыдно: благороднейшая старинная фамилия теперь смешана с грязью.

— Ну, знаете ли! Эти обвинения беспочвенны, это просто сплетни, — прервала Анжелика.

— Вы что, полагаете, можно приговорить человека к смерти без веских к тому причин? Церковь всегда все знает наверняка, инквизиция очень осторожна.

— Зачем вы так лицемерите? — одернула графиня. — Вы знаете, не хуже меня, какие пьесы разыгрываются в театре инквизиторов.

Борже, не ожидавший такого отпора, недоверчиво посмотрел на Анжелику.

— А вы не заодно с этим мерзавцем? Нет, не может моя Анжелика пасть так низко. Прошу вас, ни слова больше. Запомните только: я располагаю фактами, — он глубоко вздохнул. — Да, понимаю, вы остались без родины, без защиты... А вы так нуждались в покровительстве! Зачем, зачем вы отказались от Берри? Повторяю, еще не поздно. Вы должны покинуть человека, не уважающего ни бога, ни короля. Знайте, я сделаю все, чтобы вырвать мое сокровище из его лап!

— Нет, это невозможно. Я вышла за него замуж, — Анжелика гордо подняла голову.

— За Пейрака?

Борже охватил ужас:

— Вы — его жена? Но я все же рассказал вам о моей тайной миссии. Вы снова предадите меня! Я пропал.

— Успокойтесь, — мягко сказала графиня. — Вам нечего опасаться. Я не только умолчу о нашей встрече, но и помогу вам избавиться от некоторых пут заблуждения. Ваше предположение верно: Рексатор — это Жоффрей де Пейрак. Но его действия в Карибском море ничего с пиратством не имеют. Он там восстанавливал порядок и заботился об экономическом равновесии. Увы, ему, действительно, приходилось иногда применять насилие по отношению к галерам его величества... Но лишь тогда, когда на него нападали. Здесь, в Канаде, вы могли бы стать его другом: Пейрак глубоко почитает короля Франции и его посланника.

— Потому-то и повесит меня на корабельной рее...

— Зачем? Снова повторяю: граф пришел в Квебек с дружественными намерениями. Губернатор монсиньор Фронтеньяк подтвердит, что пригласил моего мужа с целью установления добрососедских отношений.

— И Пейрак отправился в гости с пятью тяжеловооруженными кораблями. Я хотел бы вам поверить... но это звучит слишком красиво, чтобы быть правдой.

Анжелике понравилась реакция Борже на ее слова. Впрочем, его внезапное спокойствие можно объяснить шоком. И действительно, через некоторое время он снова пришел в неопределимое волнение.

— Нет! Это не может быть правдой! — воскликнул он. — Вы замужем за пиратом! Грех! Допускаю лишь, что вы его заложница, но не жена... Зачем вы лжете? У вас дурная привычка вводить в заблуждение людей. Нет, конечно же, он не мог жениться на вас. Пейрак — из старинного дворянского рода... А кто вы? Служанка! Дегрие, правда, намекал, что вы высокого происхождения, получили хорошее воспитание. Но я

просто не мог поверить в это. Вы для меня всегда останетесь женщиной безнравственной, легкомысленной, вступающей в связь с мужчиной без оглядки на мораль. вспомните Дегрие... И еще этот... Берке... Думаете, я слеп, я ничего не видел? Хозяин и красивая служанка... Конечно, он бывал в вашей постели!

— Ну теперь действительно довольно, — Анжелика резко поднялась, — Вы наскучили древними историями. Сколько вы намерены меня оскорблять? Невыносимо. Я ухожу!

Граф де Борже насильно удержал ее и заставил сесть.

— Прошу, простите, — сказал он быстро. — Я отвратителен, я знаю. Но вы причинили мне столько боли... Из-за вас я испытал такие муки ревности!

Николас порывисто притянул Анжелику к себе. Он осыпал поцелуями ее лицо. Он целовал ее так жадно, как умирающий от жажды пьет из долгожданного источника. Наконец, наконец сбылись его мечты. Любимая в его объятиях! Она позволила ему все! Она ответила на его жаркое желание!

Он освобождался от Анжелики долго, будто пробуждался после прекрасного сна.

— Благодарю Бога, — сказал он тихо.

— Думаете, его надо благодарить? — спросила Анжелика отдышавшись.

— Да... Я чувствовал себя униженным и обманутым... У меня все было, и я все потерял... И должность... и любовь... Но вот я снова обрел вас. Это ли не милость небес?

Светившая сквозь облака луна бросала тусклый отблеск на лицо Борже. Он глядел на Анжелику серьезно и нежно.

— Я никогда не замечала, какие у него глаза, — подумала она. — Какие прекрасные у него глаза!

Его приоткрытые губы манили к себе, Анжелика вновь почувствовала потребность ответить на его жгучее желание. Всем телом она прижалась к Николасу, и они забыли обо всем мире, слившись в бесконечном поцелуе.

Страсть Борже стала для Анжелики эликсиром новой жизни. Он пробуждал отвагу.

Слегка пошатываясь, Анжелика поднялась со скамейки. Николас взял ее за руку, стремясь продлить мгновения счастья с любимой. Но графиня настояла на своем:

— Нет-нет, любимый. Прошу вас... Мы увидимся еще, а теперь мне надо идти.

Николас вглядывался во тьму, слушая, как катятся камешки из-под ее ног. Он крикнул вослед:

— Не забудьте! Пират!..

Его слова замерли в ночи.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВИНО И ИСТИНА

Глава 28

И тут Анжелика встретила его.

Сколько он стоял здесь? Что хотел увидеть и... услышать?

Господи, как темно. Невозможно разглядеть выражение его лица. Внезапно Жоффрей крепко обнял жену и прижал к себе. Анжелика обхватила его шею руками и убрала с лица накидку.

— Но вы еще вся горите! — сказал граф обычным спокойным тоном. — И вы дрожите вся... Что так взволновало вас, дорогая?

— О, не стоит... Это длинная история. Я не встречала этого дворянина в Версале. Но у него есть дела с королем. И с вами.

Жоффрей склонился над ее лицом. Она почувствовала, что он напряжен. И уловила еле заметную дрожь в его голосе:

— Вы замерзли!

Холодно... Жарко... Все на свете относительно. Все может случиться. Она была в Канаде.

— Это прошлое, — прошептала Анжелика. — Поймите меня.

— Да-да, понимаю. Я не мог так взволновать вас, моя любовь.

Интонации голоса успокоили Анжелику, и вскоре она шла с мужем по направлению к берегу и не слишком подробно рассказывала ему о Борже и его тайной миссии.

Пейрак озадачился.

— Интересно было бы узнать, почему со своим поручением король посылает сюда именно де Борже, который знает о вашем пребывании в Ла Рошели, но не имеет представления о ваших отношениях с Версалем. Мне кажется, это сделано умышленно. Остается только предположить, что есть еще третье лицо, управляющее всем спектаклем.

— О, монсиньор, не рисуйте на стене черта, — предостерегла Анжелика.

Супруги уже приблизились к деревне: кое-где горели костры, и вокруг танцевали, Анжелика удивилась. Ей казалось, что с того момента, когда она отправилась на свидание с Николасом Борже, прошло много времени.

— А я думала, что ночь у же на исходе. Смертельно устала...

— Милая моя, — рассмеялся Жоффрей, — вы слишком рьяно взялись за дело, позабыв о бочке бургундского, добытого Вилем д'Эвре. Нас уже ждут на «Голдсборо». Пойдемте, мадам, развеем нашу усталость. А о делах — завтра.

Он ревниво прижал жену к себе.

— Можете пригласить и вашего друга. Пусть примет участие в нашей пирушке.

— Ни в коем случае, — категорически отказалась Анжелика. — Борже может подумать, что это западня. Он относится к вам с большим предубеждением.

— Тогда завтра же представлюсь ему, чтобы развеять сомнения относительно моей скромной персоны. А сегодня будем радоваться жизни. Звезды благоприятствуют нам. Будем пить за вашу старую любовь и за наше взаимопонимание.

Анжелика слушала его с удовольствием и улыбалась.

— Ла Рошель... Так было в Ла Рошели...

Факелы в руках матросов, ожидающих супругов у шлюпки, бросали мерцающий свет на мокрый песок.

— Почему вы все вспоминаете Ла Рошель? — спросила Анжелика. — Это чистая случайность, что я встретила Борже здесь.

— Ну конечно, случайность... все случайности! Ноне будем теперь об этом говорить. Завтра у нас будет достаточно времени.

Жоффрей легко поднял ее на руки и понес в лодку.

— Сегодня мы хозяева вечера, хозяева Тадоуссака и всей Канады, — сообщил он громко и весело. — Сегодня наш бог — виноградное вино. Наполним же наши бокалы во славу Бургундии! Мы будем пить, моя красавица! Пить за нашу любовь, за друзей и врагов, за короля Франции! За нашу победу!

Глава 29

Жоффрей не позволил Анжелике опомниться. В салоне Иоланда и Дельфина дю Росой все уже приготовили: платье, веер, пальто, золотистые шелковые чулки, туфли из золоченой парчи... Анжелика присела к зеркалу, и Жоффрей отослал девушек, выразив готовность помочь снять чулки.

— Моя бродячая супруга, — нежно шептал он, целуя руку. — Моя девочка...

Расправившись с чулками из тончайшего шелка, Пейрак позвал Дельфину, которая уже приготовила горячие щипцы для завивки.

Через полчаса наряженная и надушенная Анжелика входила в ярко освещенный салон, где был накрыт праздничный стол.

— Обещаю, сегодня будет чудесный праздник, — сказал Виль д'Эвре, встречая графиню у дверей. — Если здесь, в Тадоуссаке, так весело, представляете, что будет в Квебеке? Как в Версале! — тут же ответил маркиз на свой собственный вопрос. — Только еще веселее и непристойнее.

— Прошу вас, моя любовь, — д'Эвре сделал шаг назад, пропуская Анжелику. — Не припомню, рассказывал ли я вам, как в Квебеке мы устроили такой карнавал, что к утру просто падали от изнурения. Мы так много танцевали, ели, пили, пели, катались по льду и делали кое-что, о чем галантные кавалеры умалчивают... — маркиз усмехнулся. — Ах, Квебек! Как бы я хотел оказаться там сейчас!

Мерцало серебро подсвечников. Запах медовых свечей смешался с ароматом изысканных закусок, также сервированных серебром.

— Недавно я поспорил с вашим поваром о том, как вкуснее приготовить бульон из дичи. Я утверждал, что фазана и бекаса следует провяливать на воздухе шесть дней, а кулинар утверждал, что достаточно четырех...

В то время, как происходила эта беседа, общество уже рассаживалось за столом. За долгие недели путешествия пассажиры, разделившись на несколько групп, подружились между собою. Пережитые приключения, вынужденные заботы и веселые праздники помогли сблизиться совершенно разным людям.

Бургундское подавали в изящном, единственном в своем роде, серебряном сосуде необычайно тонкой

работы. Это была миниатюрная и совершенно точная копия парусного судна. Неизвестному мастеру удалось передать мельчайшие детали: на лестницах можно было различить крохотные серебряные фигурки людей, сторожевые башенки и канаты были сделаны из золота.

Как обычно, Рексатор показал себя щедрым и гостеприимным хозяином. Он и в быту оставался удивительным человеком. С одной стороны, умел вести скромную жизнь, с другой — не отказывался от роскоши. Во всем мире у него были тайники с несметными сокровищами, которые охраняли верные слуги. Анжелика снова болезненно ощущала свою беспомощность: она никогда не сможет постичь характер своего мужа.

После первого госта тут и там завязались непринужденные беседы. Пейрак и Шарль продолжали начатый ранее разговор.

— Поймите, я не злорадствую, но просто поражаюсь беззаботности нашего маркиза, — кипятился Шарль. — Он совершенно игнорирует тот факт, что в Квебеке вас встретят как врага его величества. Для меня не будет неожиданностью известие, что там вас уже приговорили к смерти.

— Чепуха, — махнув рукой, возразил Виль д'Эвре и поклонился дамам, с восхищением рассматривавшим сосуд с бургундским. — Мы ко всему готовы. Повторяю, дорогой Шарль...

— Вы недооцениваете ситуацию, монсieur, — повернулся к нему интендант. — Мы должны быть не просто подготовлены ко всяким неожиданностям, этого мало. Нам следует разработать четкий план действий, иначе — катастрофа. Во-первых, монсieur де Пейрак уже известен как пират Карибского моря. Во-вторых, считают, что он захватил французскую Акадию. В третьих, моряки распространяют всяческие небылицы, не задумываясь о последствиях для графа. Не следует

удивляться: страсти могут раскалиться до такой степени, что нам придется отведать пушечных ядер.

Жоффрей де Пейрак не мог ни возразить, ни добавить: лишь в душе он посмеялся над тем, что у Шарля то и дело срывалось «мы... нам...»

Интендант не унимался:

— В двойном положении находится также мадам де Пейрак. Некоторые считают подозрительным то, что она может усмирить дикого зверя. Потом, она присутствовала, когда отражали атаку ирокезов, главарь, которых, кстати, был убит в ее доме. Каждый, кто хоть немного разбирается в обычаях индейцев, знает, что после такого преступления в живых не оставляют. А мадам вот, здравствует... — он взглянул на Анжелику. — Вас, сударыня тысячу раз хоронили, а вы живы. Это граничите мистикой.

— А еще что говорят обо мне? — весело спросила графиня.

Шарль покраснел.

— Что вы... прекраснейшая из женщин.

Анжелика от души расхохоталась.

— И вы полагаете, что это должно меня встревожить?

— Да, полагаю.

— Безумие! С каких это пор французы стали такими пуританами?

— При чем здесь пуританство? Людей пугает не это.

— Красота? Французов пугает красота?

И Анжелика вызывающим жестом отбросила назад свои прекрасные золотисто-каштановые волосы. Обнажились две нитки жемчуга на пышной груди. Зеленые глаза блестели.

— Они говорят, что я прекраснейшая, и я не разочарую их!

Пикантный бульон, поданный на первое, возбуждал аппетит, божественное бургундское развязывало языки,

и за столом царила легкая дружеская атмосфера. Пейрак, Анжелика, д'Эвре были снисходительны к жизни вообще и к интенданту в частности. Слушали его терпеливо и вежливо, несмотря на то, что Шарль передавал самые невероятные сплетни, где и когда-либо им слышанные.

— Итак, монсieur де Пейрак, подозреваю, что убить вас поручат господам д'Арментьяну и Понт Брианду... О, они могут обвинить вас в смерти патера Вернона, убитого якобы в вашем доме при невыясненных обстоятельствах. Говорят, это неправда, что его разорвал медведь...

— Но конечно же нет! — простонал Виль д'Эвре. — Вернон кулаком сам убил одного медведя. Бедное животное!.. Погибло в борьбе с английским пастором! Они взаимоуничтожились!

— И вы были при этом, не так ли?

— Конечно, — не моргнув глазом, солгал маркиз.

— Не надо хитрить, — строго сказал интендант. — Я лично и очень хорошо знал патера Вернона. Это был благородный и уравновешенный человек. Возможно, несколько замкнутый, но ведь это не порок.

— Э-э-э, вы не видели его настоящего лица, — возразил д'Эвре. — Вы знали его только по Квебеку. А в Голдсборо... Голдсборо! Что за прелестный уголок! Это...

— Бросьте, маркиз. Сегодня надо думать о Квебеке, — пробормотал Шарль, отправляя в рот закуску. — Так мы ваши заложники или нет, монсieur Пейрак?

— Это зависит от того, как нас встретят в Квебеке, — серьезно ответил граф.

— А, наконец-то вы сбросили маску! — самодовольно вскричал Шарль.

Анжелика, как во сне, наблюдала за происходящим. Только что она возвращалась в Ла Рошель, только что, словно наяву, предстали перед нею давно забытые

лица, а вот они снова в Канаде, и уже другие проблема обсуждают ее собеседники... Как бы не поссорились... Может, действительно, следовало пригласить Борже?..

Борже... Анжелика вздрогнула, вспомнив о нем. Николас недвусмысленно предупреждал, что в Квебеке их ждет опасность, а Жоффрей готовится к празднику, он совершенно спокоен и уверен в завтрашнем дне. А если кто-то из присутствующих за столом, замыслил предательство?..

Ах, Николас, Николас!.. Какую роль играешь ты на шахматной доске заговора, кто управляет влюбленным лейтенантом и что ждет его? А ведь о твоей миссии многие, если и не знают наверняка, то подозревают. Скептический Шарль, например, вот уж он восторжествует, узнав, что его мрачные прогнозы начинают сбываться!

— Его жена почти не улыбается, — бросив косой взгляд на интенданта, шепнула Анжелика на ухо мужу.

— Вы великолепны, мадам, — начал было Жоффрей, но вдруг осекся. — Жена Шарля, вы сказали? Но он холост! Кого вы имели в виду?

— Вон ту даму.

— А-а! Это — мадемуазель Лоран. Между ними большая разница. Шарль женится на ней?

— Не знаю. Она его невеста?

— Пока нет, мадемуазель Лоран заботится о духовном благополучии нашего интенданта. Думаю, завершив свои торговые сделки, он наконец, на что-нибудь решится. Но пока что я не слышал о свадьбе.

Завязалась новая дискуссия. Д'Урвилль и Шарль заспорили, хватит ли пушек Пейрака для победы над солдатами форта Сан-Луис в Квебеке. Анжелика лихорадочно подыскивала другую, менее щекотливую, тему для беседы. Как назло, в голову лезла всякая чепуха: сказались пережитое волнение и бессонная ночь. С каким удовольствием графиня оставила бы

сейчас своих гостей и отправилась к себе — хорошенько выспаться и поразмыслить о том, что сегодня произошло.

Она обвела гостей отсутствующим взглядом, ее глаза встретились с взглядом Жоффрея. Полностью захваченный своими мыслями, он не принимал участия в общих спорах, но сразу понял, чем озабочена супруга. Он обратился к гостям:

— Зачем так пессимистично, господа? Мы еще не в Квебеке и не стоит вспоминать о пушках. В конце концов нас пригласил монсиньор Фронтеньяк, с которым я знаком не первый год.

— Конечно, губернатор, как и вы, пришел из Аквитании, известной своим мятежным духом. Жители этой провинции склонны к ереси, — язвительно заметил Шарль.

— Господа, клянусь, ради Канады я готов забыть Монтфорта организовавшего восстание в Аквитании в 1208.

Наступило томительное молчание, вечер мог бы быть безнадежно испорчен, но Анжелика подала знак повару: время угощать только виной. Рубиновые капли бургундского упали в хрустальные бокалы.

— Ах, это превосходный напиток! — с энтузиазмом воскликнул Виль д'Эвре, вдыхая аромат вина. — Поверьте, господа, я долгое время прожил в Бургундии и понимаю толк в этом божественном зелье. Ах, красное вино, вино любви и молодости! Существует ошибочное мнение, что красные ягоды для этого дают, как любые другие. Но в таком случае вино получается светлым. Раскрою вам сию тайну: красные ягоды никогда сразу после сбора не бросают в давилню. О нет! Сначала их кидают в чан целыми. На несколько дней, чтобы сок скрасился в красный цвет — от кожицы. Потом появившуюся жидкость осторожно размешивают палкой. Таким образом, вино остается густым и темным.

Иногда почти черным. Вот видите, сколько времени потребовалось, чтобы получить этот великолепный оттенок, в котором играет солнце; этот неповторимый вкус и аромат, которые точно указывают на адрес, по которому произрастает лоза.

Благоговейно он отпил глоток драгоценного напитка и замер с закрытыми глазами, наслаждаясь вкусом и ароматом вина.

— Господа, это виноград из Тиллица, — наконец торжественно сообщил он. — Я явственно вижу перед собой это место: маленькая, залитая солнечным светом деревенька, церковь с высокой колокольней, ясная голубизна неба и бесконечные, до горизонта, виноградные холмы. Бургундия! И этот глупец, де Артиер утверждает, что вино можно производить и в Канаде. Он со своей чрезвычайно пышной фантазией считает, что вино и бриллианты добывают из-под земли! А Канада — самое пригодное для этого место. Ерунда! В этой дикой местности нет ничего, кроме холода и ночи. И ради чего мы, как проклятые, должны бороздить эту бездуховную страну, в тысячах миль от своей родины?! — внезапно Виль д'Эвре воскликнул с наигранным возмущением: — Но здесь же все молчат, кроме меня! Нехорошо, господа! Расскажите что-нибудь. Почему я должен всех подталкивать?

— Мы готовы выслушать любого, кто доставит нам такое же удовольствие как маркиз, — Жоффрей сделал витиеватый комплимент и поднял бокал:

— Благодаря вам, монсieur, мы пьем это чудесное вино и коротаем вечер за вашими удивительными рассказами. За ваше здоровье, монсieur д'Эвре!

— Вы мне льстите, — неожиданно смутился маркиз. — Впрочем, ничего удивительного: меня везде принимают чрезвычайно любезно. И за это я люблю жизнь — за удовольствия и успех! Ну, согласитесь, монсieur де Пейрак: было бы преступлением оставить

это вино Дугасту! Кому бы оно предназначалось? Невеждам, дуракам, вандалам?

— Губернатору Новой Франции, — с вызовом заявила Анжелика. — Хотелось бы по-дружески обратить ваше внимание, маркиз, на тот факт, что вы забрали вино не у мошенника Дугаста, а у королевского посланника. Бургундское предназначалось монсиньору Фронтеньяку...

— Что? Я ограбил посланника короля? — Виль д'Эвре в ужасе поставил бокал на стол. — А откуда это вам известно? Вы видели этого господина? Вы с ним знакомы? Он ваш бывший поклонник? Так королевский посланник все же на борту «Сен-Жан-Батиста». Ха-ха-ха! Извините, господа, но это на самом деле смешно!

Похохатывая, он смотрел то на Анжелику, то на Пейрака, ожидая ответа.

— Ну-ка, признавайтесь, что за история? Вы обязательно должны ее мне рассказать!

Он подал знак слуге, который тут же наполнил опустевший бокал, — и выпил с нескрываемым восхищением:

— Божественно!

— Вы по-королевски развлекаетесь, маркиз, — заметила Анжелика, усмехнувшись. — Ноя забыла упомянуть, что этот господин в краже вина собирается обвинить моего супруга.

— Ха! Вот весело!

— Увы, не могу разделить ваши восторги. Личный посланник короля, выполняя важную миссию, везет вино из Европы, а вы похищаете четыре бочонка... Полагаю, господин не очень обрадовался по этому поводу. А вы как считаете?

— Что ж, придется извиниться перед ним. Но этот господин сам виноват: который день не обнаруживает себя. Мы не знаем его имени. Согласитесь, это не очень-

то вежливо со стороны королевскою посланника. А впрочем, может быть, вам знакомо его имя?

Анжелика неопределенно пожала плечами.

— Наверняка знаете, — маркиз немножко обиделся, — и скрываете. Я сгораю от любопытства, а вы не хотите пролить свет на загадочные обстоятельства. Ладно. В любом случае, что такое кража вина по сравнению с нашими грехами? Любой судья, не слишком ломая голову, мог бы каждого из нас приговорить к виселице за поступки, которые отягощают нашу совесть.

— На что вы намекаете? — с издевкой спросил Шарль.

Виль д'Эвре издевательским же тоном ответил:

— А вы уже забыли обстоятельства смерти герцогини Мадрибург?

— Молчите! — приказал Шарль, многозначительно посмотрев на слугу.

— Ах, уже всем ясно... Что и от кого вы хотите скрыть? Мы все в одной лодке — банда разбойников!

Маркиз вновь залпом опустошил бокал.

— О, блаженство! Еще вина, друг мой!

Он протянул бокал лакею, бдительно стоявшему позади.

— Признаться, я испытываю пикантные ощущения, оказавшись на стороне чудаков, которые борются против бесчеловечных законов... — признался он. — Может быть, высчитаете, что смерть герцогини не всплывет? О, не обольщайтесь. Это не персона, исчезновение которой останется незамеченным. Патер д'Оржеваль первым все разузнает.

— Ну хватит! — взмолился интендант, — Вы садист! Вы с наслаждением копаетесь в моей ране.

— Бросьте, Шарль. Не стоит так драматизировать!

— Я и не драматизирую. Разве смерть молодой женщины, прекрасной соблазнительной аристократки,

которой покровительствовал двор и патер д'Оржеваль — комедия?

Оба нувориша из Академии — Ваувенарт и Гранд-Бойс — много раз безуспешно пытались, вклинить в разговор, наконец, это удалось.

— О чем вы спорите, господа? Не было убийства. И может, даже та особа осталась в живых. Вспомните — тогда все присутствовали при этом. Графиня де Пейрак пыталась защитить ее от толпы рассвирепевших мужчин. Никто не заметил как герцогиня сбежала в лес. Если она была растерзана дикой кошкой — сама виновата.

Он повернулся к Анжелике:

— Я давно хотел спросить вас, графиня. Почему вы тогда ее защищали? Она причинила нам столько бед...

— Вы прочли мои мысли. Я тоже часто думаю об этом в последнее время. — Видимо, тогда меня возмутило то, что мужчины хотят применить силу по отношению к слабой женщине. Право, в тот момент я начисто забыла, что она ведьма.

Анжелика отпила глоток бургундского и подумала про себя: «И я вышла победительницей в борьбе с дьявольскими силами, даже не догадываясь, что способна на это».

— Женщины! — встал Виль д'Эвре. — Что был бы наш мир без них? Без красоты, добра, шарма, нежности, без этого захватывающего трепета, тайну которого нам не дано постигнуть.

— Моя честь! Вы неисправимый льстец, но я вас люблю, — объявила Анжелика и обняла маркиза.

— Это вино, действительно, роскошно — признался интендант, подняв бокал к свету. — Хотя, думаю, чуть позже оно покажет свое коварство.

— Да, — с шутливой важностью кивнул Виль д'Эвре. — И на дне бокала вы найдете истину. *In vino veritas.*

— Вероятно, — Шарль сквозь хрустальную стенку сосуда посмотрел на маркиза. — Но мы на самом деле виновны в смерти герцогини. Потому так нас мучит совесть, увы, вы правы, монсеньор д'Эвре. Хочу я того или нет, но я — соучастник преступления.

— Двух, — со вздохом уточнил маркиз.

— Двух! — испуганно повторил интендант.

— Ну, о первом вы сами сказали. А второе совершаете в данный момент, наслаждаясь вином, предназначенным для губернатора и епископа.

— Раз уж я сижу за этим столом, меня не интересует происхождение напитков.

— Тем не менее, вы их пьете и находите превосходными.

Глава 30

Интендант, сидел, подперев голову рукой, и страдал. Он в самом деле оказался в весьма деликатном положении. Шарль вспомнил случай с англичанами на реке Сен-Жан, когда лишь вмешательство Пейрака спасло его от плена в Новой Англии. Потом ужасные часы в Тидмагуше, когда свидетельствовал против герцогини, обвиня ведьму в тяжелейших преступлениях. После трагического рассказа каждого очередного свидетеля Шарль давал себе слова больше никогда не ездить в Акадию.

— Зачем меня понесло в Акадию? — простонал изрядно выпивший интендант.

— Как зачем? — насмешливо спросил Виль д'Эвре. — Вам не терпелось засунуть нос в мои дела. Хотите помешать мне получить больше прибыли. Вы думали, в Акадии, как в любой другой французской провинции, достаточно появиться королевскому служащему, что бы все тут же капитулировали перед ним. Но вы ошиблись. В Акадии действуют другие законы, там не обращают внимания на чин, там вы просто ничтожная личность.

— Маркиз, вы зашли слишком далеко, — предостерегла Анжелика. — Вы расстроились, господин интендант? Не слушайте его. Мы все немного выпили. Завтра вы придете в себя и к вам вернется мужество.

— Я просто напоминаю, что все мы сообщники, — гнул свое Виль д'Эвре. — О событиях в Акадии следует хранить строжайшее молчание. Если же вы забудете об этом, я вам персонально напомню...

— Вы так строги к Шарлю, ваша честь!

— Вы еще плохо его знаете, Анжелика. Видели бы вы Шарля, когда он находится на службе. Этот человек сама суровость. Теперь мой черед быть суровым. О, я все ему вспомню!

Анжелика смотрела на непримиримых друзей-противников и ощущала свое превосходство. Сегодня она — впервые за долгое время путешествия — почувствовала себя в безопасности. Глазами отыскала Жоффрея: именно он успокоил ее мятущуюся душу. Муж издали ободряюще улыбнулся и медленно поднял бокал: выпьем же, дорогая, за нашу любовь, за короля Франции за детей, за друзей... Графиня допила содержимое бокала, не оставляя ни капли на дне. Сладкая тяжелая влага влилась в ее горло, текла по венам, делая тело легким, словно пушинка.

Почему-то Анжелика вспомнила о Борже. Зачем этот недавний поцелуй? Графиня не понимала себя, но и не раскаивалась. Она видела себя в Ла Рошели — забытую, несчастную... И сегодня Борже целовал именно ту женщину, а вовсе не графиню де Пейрак.

От этих размышлений Анжелику отвлек Виль д'Эвре, продолжающий доказывать свою правоту.

— Кастель Моргэ еще более опасен, чем Шарль. Он ваш самый опасней враг.

— Он тоже родом из Аквинтии, как Фронтеньяк или мой муж?

— Да, но он настоящий фанатик. Он в сетях у д'Оржеваля и его приспешников, как когда-то его дед запутался в сетях реформаторов. Он сторонник крайних мер, это соответствует его натуре.

— Так Моргэ — протестант? И на таком высоком посту?

— Нет, он католик. Но наихудший католик. У Сабины Кастель-Морган дело обстоит иначе. Эта дама господствует в городе, потому что занимается благотворительной деятельностью. Она не лицемерит, но вместе с тем любит роскошь. Многие считают ее чуть ли не падшей женщиной. Но я люблю ее, как сестру. Мыс ней недавно поспорили из-за ее сына. Дело в том, что патер д'Оржеваль хочет послать парня траппером на север. И представьте себе, мать согласна! Она полностью в руках д'Оржеваля, который называет ее своей невестой.

Анжелика рассеянно слушала то и дело поднося бокал к губам. Ну вот, вино показало свое коварство, все поплыло, закружилось перед глазами. У графини возникло чувство, что пурпурная жидкость, смешавшись с ее кровью, отдало ей все силы земли, и распалило желание. Графиня ощутила жар во всем теле и, закрыв глаза, представила прохладу ночи на палубе. Она встала, чтобы выйти, кружилась голова. Хрусталь на столе переливался разноцветными огнями. Аромат вина смешался с запахом жареного мяса. Откуда-то из-за другого конца стола доносился смех Кантора и Каннеуса, развлекавшихся с «девочками короля». Звучали песни матросов: в этот вечер все члены экипажа, включая дежурных по вахте, получили по кружке вина.

Пройдя пару шагов, Анжелика остановилась. Несмотря на веселое окружение, она оставалась одна. Но это не смущало и не печалило ее: графиня чувствовала себя жизнерадостной и уверенной.

— Тебя пытаются запугать? — обратилась она к себе самой. — Ах, не обращай внимания на пессимизм Шарля! Будущее принадлежит тебе! Ведь ты любишь жизнь и умеешь наслаждаться ею. А главное — ты под надежной защитой любящего тебя мужчины... И Квебек будет в твоей власти!

Чья-то рука опустилась на ее плечо и потянула назад. Анжелика ощутила жаркое дыхание у затылка.

— Вы больше всех выпили, — ласково укорил Пейрак и, осторожно повернув Анжелику к себе, заглянул ей в глаза.

— Любовь моя, — прошептал он.

Анжелика чувствовала его руки на своем теле, его губы около своих. Она чуть приподняла голову. Поцелуй закружил их. Он длился долго, долго...

— Моя маленькая изменница, — сказал Жоффрей с веселой снисходительной. — Идем, любимая! Повар подал фазана. А ты еще должна попробовать все паштеты, приготовленные на гарнир. О, это помогает преодолеть опьянение. Ну же! Осчастливьте снова нас своим присутствием! Без вас праздник бледен. Тьма опускается, когда вы далеко!..

Глава 31

У Шарля двоилось в глазах. Внезапно в конце стола возникли два судьи, которые безотрывно смотрели на бедного интенданта. Шарль напряженно заморгал, и их контуры расплылись...

— Вы очень много сделали для нас, — сказал он, обращаясь к Пейраку. — Я понял, почему король хочет избавиться от вашей персоны. Вершить власть над людьми можно либо как вы, либо — как патер д'Оржеваль. Только ему не хватает золота...

— Зато у этого иезуита есть небесные легионы, — возразил Виль д'Эвре.

Шарль на это никак не отреагировал. Во все глаза глядел он на графа Пейрака — интенданту почудилось,

что в облике Жоффрея явственно проглядывают черты Мефистофеля.

— Мы вручили вам наши жизни, и теперь вы вправе распоряжаться ими, — пробормотал Шарль заплетающимся языком. — Вам все известно о нас!

— Вы заблуждаетесь, монсиньор, — ответил Пейрак. — Вы для меня незнакомец, и я знаю о вас ровно столько, сколько вы сами мне показываете. Вы, как любой другой человек, прячете свое истинное лицо, лишь изредка и не полностью обнажая его. Увы, все грешат этим, и сколько ошибок происходит из-за нашей собственной скрытности! Как хотелось бы исправить картину, которую видят в нас другие! Знаете, давайте сыграем в одну игру — лишь сегодня вечером. Поиграем в истину: покажем друг другу те чувства и страсти, которые кипят в наших сердцах! Давайте позволим другим увидеть нас такими, каковы мы на самом деле. Право же, мгновения взаимного доверия бесценны!

— Вы на моем корабле, — продолжал граф после некоторого молчания, которое никто не осмелился прервать. — Вдали от насилия и угроз остального мира. Сейчас ночь, она создает такое настроение, окрыляет фантазию... Заглянем же в наши души и обнаружим... без стыда... без гнева... самих себя. Настоящих. Покажем себя без грима. Что скрываете вы, монсиньор Шарль? Вы хотели бы сделать карьеру в администрации?

— Нет, ни в коем случае! — закричал Шарль так отчаянно, будто его жизни угрожала опасность.

Необычное предложение хозяина «Голдсборо» изменило атмосферу вечера. Все с любопытством приготовились слушать. И рассказывать.

— Начинайте вы, господин интендант! — предложил граф.

— Нет, никогда, — категорически отказался Шарль. Он гневно хлопнул кулаком по столу:

— Я с вами... не играю! Я ухожу!

Он хотел подняться, но ноги не слушались его, и интендант рухнул на стул.

— Ладно, тогда я покажу пример, — ответил Жоффрей.

Казалось ли это из-за мерцающего золотистого света свечей или в самом деле — у Пейрака изменилось выражение лица, стало чужим, холодным. До костей пронизывал взгляд его темных глаз. Зато нижняя часть лица была абсолютно другой: казалось, его выразительный рот вот-вот рассмеется.

Анжелика с нетерпением ожидала, когда, наконец, он заговорит. Секунды текли, как часы. Но вот Жоффрей начал:

— Сейчас я совершаю самое удивительное приключение в моей жизни. Мы, кажется, испытали все: были на краю гибели, и побеждали, боролись и праздновали... Мне однообразие ненавистно. Я был властелином провинции, благодаря своему происхождению. Но всю жизнь мечтал стать ученым, Я хотел бы, чтобы какой-нибудь щедрый меценат оборудовал мою лабораторию превосходными инструментами: стеклянными колбами, аппаратом превосходными инструментами: стеклянными колбами, аппаратом для дистиллирования воды. Я расточал бы драгоценное время, но создавал удивительные вещи. Знаете, погружаясь в исследование, ученый становится похожим на птицу с подрезанными крыльями. Он видит, он знает, но... не может. Будучи человеком науки я потерял бы все — время, покой... средства, вкус к наслаждениям. Я добровольно спрятался бы в келью и стремил взор в неизвестный мир. Я участвовал бы в чуде постоянного творчества, забывая о днях и ночах... Умение заменяет власть: я все глубже проникал бы в незнакомые сферы, раздвигая границы человеческого познания...

— Пойдите, — прервал его Виль д'Эвре. — Предположим вы полностью посвятили себя науке. А слава? Успех?

— Поверьте, они мало значат для меня.

— А женщины, друг мой? Вы смогли бы отречься от женщин?!

— Я не думаю, что ученый, полностью посвятивший себя науке, должен отказаться от радостей любви.

— Но ведь жизнь среди стеклянных колб скучна и однообразна, не так ли? — спросил Грейс-Бойс.

— Нет. То наслаждение, которое дарит наука, не объяснить словами. Дилетанту не понять этого. Кстати, есть много сфер, в которых может появиться подобное неясное влечение. Деспот из Марокко мулла Исмаил, который до безумия любил роскошь, однажды признался мне, что самая большая его страсть — молитва. Если бы этот человек не был рожден наследником трона, он стал бы великим отшельником. Увы, лучше я вряд ли вам объясню: это то же самое, как описывать звуки музыки глухонемому.

— Вы хотите убедить нас, что наука — та же страсть?

— Да, именно так... Ну вот, у меня все...

Пейрак внимательно посмотрел на присутствующих и предложил:

— Барссемпью, сейчас ваша очередь. У вас достаточно мужества?

Бывший офицер пребывал в великом смущении. Этот еще молодой человек знатного происхождения, жизнерадостный и интеллигентный, превосходно знавший военное дело был образцом для подражания у юношей, вступающих в жизнь. Было также известно, что Барссемпью не видел особой разницы между службой на галерах его величества и морским пиратством: успех ожидал его на любом поприще. Но

ранняя смерть возлюбленной, прекрасной Марии, нанесла юноше тяжелый удар.

— Я стал жертвой любви к собственному брату, — начал офицер. — Он был старшим, честь и состояние рода перешли к нему... Я нисколько не завидовал. Но у нас было родовое имение, в котором наша семья жила целое столетие. Так вот, когда умерли родители, браг совершенно не занимался поместьем. Он жил при дворе, оттуда же руководил. Бедные наши крестьяне работали много и тяжело: многие умерли от непосильного труда, другие сбежали... Я уже ничего не мог изменить. Благодаря брату, поместье, принадлежащее нам обоим, пришло в полный упадок, а позже было продано с молотка.

— А у вас еще были братья? — спросил кто-то из присутствующих.

— Нет. Были только мы вдвоем — близнецы.

— Так теперь вы нищий? — спросил Виль д'Эвре. — Выходит так...

— Я бы на вашем месте брата просто убил, — маркиз был возмущен до глубины души.

— Чтобы избежать этого искушения, я и покинул Францию.

— Кто знает, юноша, может, придет день, поместье вернется к вам... — предположил Грейс-Бойс.

— Вряд ли: у брата есть сыновья...

— Не жалеете о прошлом, монсеньор Барссемпью, — сказала Анжелика. — В наши дни можно жить не только в своем поместье. По своему легкомыслию вы потеряли милость короля. А сохранить ранг и имущество можно, только постоянно идя на поводу у Версаля.

Барссемпью только пожал плечами и, улыбнувшись, повернулся к капитану «Голдсборо»:

— Теперь, быть может, вы, монсеньор Эриксон?

— Я хочу стать королем Польши, — сумрачно пробормотал норвежец.

— Почему именно Польши? — удивился Виль д'Эвре.

— Просто так...

— Вы стремитесь к власти?..

— Польский король отрекся от престола и вернулся в монастырь.

— Нет. По-моему, с ним случилось что-то другое, — задумчиво возразил Шарль.

Никто не знал истории Польши, но всех впечатлило тайное стремление Эриксона, хотя норвежец не удосужился объяснить, откуда к нему в голу пришла столь сумасбродная идея.

Вино сделало свое дело. За множеством откровений забыли даже о еде. Каждый претворял свой рассказ длинными объяснениями. Одни раскаивались, другие утверждали, что полностью удовлетворены своим существованием, третьим больно было возродить свои юношеские мечтания, Грейс-Бойс откровенно сообщил, что всегда хотел быть богатым человеком, иметь много прислуги, собственный выезд, огромный дом и... парик. Но, увы, судьба распорядилась по-другому: ему пришлось путешествовать по рекам Акадии, постоянно балансировать между взлетами и падениями и навсегда распрощаться с юношескими грезами...

— Но вас считают состоятельным человеком, — удивился кто-то.

— Создаю независимость. На самом деле я играю в карты, колочу слугу, развожу розы и каждую ночь нахожу в своей постели женщину...

— Каждую ночь другую...

— Нет, одну и ту же. Эта женщина принадлежит только мне и создана для меня... Я вижу ее во сне, ибо она давно уже оставила это мир... По правде говоря, мне уже порядком надоела одинокая жизнь на берегу реки Сант-Жан, и я подумываю о возвращении во Францию.

Доселе молчавший Ваувенарт вдруг сообщил:

— А я вижу себя священником. Иезуитом.

Внезапное признание, сделанное молодым юнкером из Акадии вызвало всеобщее изумление. Ваувенарт, всегда такой жизнерадостный, открытый темпераментный, предприимчивый, влюбчивый нисколько не походил на духовного учителя. Его откровение развеселило присутствующих. Юноша же не обиделся, но лишь серьезно повторил:

— Да, я хочу стать иезуитом, Чувствую склонность к духовной жизни. Поступлю на учебу в семинарию и, уверяю вас, буду необыкновенно прилежен.

— Но почему? — этот вопрос вырвался у нескольких человек сразу.

— Однажды я целый день наблюдал за патером д'Оржевалем, Он молился совсем как Святой Игнатиус. Он был одухотворен и необыкновенно прекрасен. Кроме того, многие говорили мне, что у меня есть некоторые мистические способности. Могу поручиться, я рожден для службы в церкви.

— Либо ты смеешься над нами, либо просто много выпил, заявил Грейс-Бойс, для которого откровения друга были непостижимы.

— Ни то, ни другое, — парировал Ваувенарт, — Веришь ты или нет, но я сообщил истинную правду. Ты не беседовал с кавалером де ла Салле, когда он вернулся из экспедиции по Миссисипи? Он тоже был иезуитом.

— Ты меня пугаешь, — простонал Грейс-Бойс. — Не торопись: умирать завтра мы не собираемся, и у нас есть достаточно времени поразмыслить. Давай лучше выпьем за то, что любим в этой жизни... Что, уже бочонок пуст?

— Осталось только для меня! — нерешительно сообщил Виль д'Эвре. — Позвольте, я пригублю из этого бокала, прежде чем сообщить вам кое-что о себе. Я всегда хотел... стать женщиной. Всегда завидовал этим

прекрасным созданиям. Они сами могут устроить свою жизнь: любить, кого им хочется, выходить замуж за кого хочется... Им не надо заботиться о профессии или о карьере: знай себе наряжаются и порхают как эльфы... Но с другой стороны, я рад, что родился мужчиной и полностью удовлетворен своей судьбой.

— Господин интендант, теперь в самом деле подошла ваша очередь! — повернулся Пейрак к Шарлю.

— Я не могу решиться...

— Ну, мне вы могли бы признаться во всем, — успокоила Анжелика и положила свою руку на руку интенданта. Шарль был сражен.

— Ладно! когда мне было восемнадцать, я встретился с одним человеком...

— Она была красива?

— Это была не женщина.

— Кто же тогда? — смеясь спросила графиня.

— Мольер, — ответил Шарль так тихо, что многие не расслышали названного им имени. — Тогда, в Орлеане, мы вместе изучали право, и этот юноша носил другую фамилию. Вместе с Жаном Батистом я писал трагедию и делал наброски для сцены. Я хотел последовать примеру своего приятеля и полностью посвятить себя театру. Но мой отец воспротивился. Он выгнал бы меня, если бы я против его воли стал комедиантом. Он уготовил своему сыну более почетное, на его взгляд, будущее, и я послушно пошел по пути, проторенному отцом.

— И добились успеха, — заметила Анжелика, — как и Мольер на своем поприще. Но жизнь комедианта трудна, не каждый может вынести ее тяготы. Ваш прежний товарищ должен много работать, чтобы добиться аплодисментов версальской публики.

— Ну что ж, — сказал, поднимаясь Пейрак. — Мы все удовлетворены своей жизнью в большей или меньшей степени. Что же касается меня, то я без обиняков рад,

что тернистый жизненный путь свел нас всех вместе, благодаря чему мы сумели провести сегодня восхитительный вечер. Выпьем же за то, что нам дарует жизнь! За успех! За мечты! И за... Мольера, — добавил он и протянул свой бокал к бокалу Шарля.

— Да, и за Мольера, — печально повторил за ним интендант.

В это время раздались звуки музыки: Кантор взял гитару и запел красивую старинную балладу.

— Юность, юность... — философски вздохнул маркиз. — Этот молодой человек еще не знает, что многим его мечтам не суждено сбыться. От открыто смотрит в будущее в полной уверенности, что нет для него преград и все, чего он жаждет сегодня, завтра воплотиться в реальность. Так выпьем же за его надежды! Будьте здоровы! — На сей раз маркиз пил не спеша, смакуя, наслаждаясь. Выпив он внимательно рассматривал дно бокала. будто надеялся разглядеть нечто, скрытое от посторонних глаз.

— За Бургундию! За французское вино! За короля Франции!

Виль д'Эвре был так тронут все происходящим, что прослезился. «За Францию! За французское вино!» — тихо повторил он и сердце сжалось от тоски по далекой милой родине.

Анжелика поднялась со своего места. Она безумно устала и слегка опьянела. В голове была одна мысль: в постель, спать. Ее охватило головокружение, и она не чувствовала под собой ног.

— Мадам, лишь вы одна не рассказали нам о своих тайных желаниях, — услышала она голос позади себя.

— Но, господа, о чем бы я могла вам сообщить? Разве что о том, что давно хотела уехать в Америку.

— Вот как!

— О, когда у меня возникло такое желание, я была еще ребенком. А позже, когда удача покидала меня, я

мечтала об уютном доме, мужчине, с которым бы мы любили друг друга да о куче ребятишек.

— Скромные мечты, совсем как Грейс-Бойса, — разочаровался д'Эвре. — Разве вы никогда не мечтали о Версале, не хотели понравиться королю?

— Я нравилась королю, монсиньоры, и он мне нравился, но как видите, мы друг другу разонравились.

— Что-то я об этом уже слышал, — задумчиво наморщил лоб д'Эвре.

— И после всего я презираю двор, — заключила Анжелика.

И уже подойдя к выходу добавила, повернувшись к публике.

— Двор — это золотая клетка, где свили свои гнезда отравители и завистники.

Это заявление обескуражило присутствующих и вызвало робкие смешки. Анжелика выдержала паузу:

— Это все, что нашла здесь, на дне бокала.

— Бедняжка... К тому же еще попалась в лапы пирата, — Пейрак невозмутимо раскуривал свою длинную сигару.

— А, так вы ее все-таки захватили! — оживился задремавший было Шарль.

— Почти, можно сказать так.

— Расскажите!

Увидев, что Жоффрей хочет объясниться, Анжелика подошла к мужу и приложила палец к его губам.

— Нет, дорогой, молчите... Вы утомите господ... Это слишком длинная история.

Пейрак страстно поцеловал сначала это палец, а потом все пальцы на руках Анжелики, нимало ни смущаясь присутствием гостей. Анжелика тоже никого не стеснялась. Вино окрылило их...

Наконец, Анжелика снова — в который уже раз! — направилась к двери. И снова Виль д'Эвре удержал ее:

— Дайте обещание, что когда мы все вместе соберемся в Квебеке, вы расскажете нам историю своей любви!

— Если мы вообще доберемся до этого города. Слышали, что сказал интендант? Мы можем погибнуть под пушечными ядрами.

— Мадам, что вы говорите? — возмутился Шарль. — Вы меня неправильно поняли... Я считаю... Я хотел предупредить. Я убежден, что никто не устоит под вашим обаянием... Весь Квебек будет лежать у ваших ног...

— Нет, я не могу требовать так много, — рассмеялась Анжелика. — Я все прощаю вам, милый интендант, за столь любезный комплимент! Надеюсь, завтра, когда действие вина прекратится, вы его не забудете?..

Она послала остолбеневшему Шарлю лучистую улыбку и покинула салон.

Глава 32

Пейрака забавлял разговор жены с интендантом. Сверх всякого сомнения, оба собеседника были достаточно пьяны. И Шарль, этот замкнутый, сухой малый тоже не мог устоять перед обаянием Анжелики.

Граф часто задавал себе вопрос: в чем тайна шарма его жены? Наконец он пришел к одному-единственному выводу: эта женщина всегда оставалась сама собой. Легкое опьянение несколько не портило ее: напротив, от вина щеки покраснелись, глаза лучились, — Анжелика была красивее, чем когда-либо... Жоффрей представил, как графиня блистала в Версале. Разве мог устоять перед ней мужчина, будь это сам король? Пейрак не мог припомнить никого, кто не был бы покорен красотой, обаянием, умом Анжелики. Несомненно, и Квебек будет у ее ног.

Внезапная боль пронзила сердце. Жоффрей не считал себя ревнивым самодуром, но — Боже! — как

трудно было иногда выносить взгляды, направленные на Анжелику! Да, у его жены необыкновенная власть над людьми. И над ним самим, в первую очередь. От любви и нежности перехватило дыхание. Перед великой страстью к прекрасной женщине могущественный Пейрак был ничтожен, как мальчишка...

Маркиз, наблюдавший за Жоффреем и видевший, с каким обожанием граф смотрел на уходящую Анжелику, задумчиво произнес:

— Это невероятно!

— Что вы имеете в виду, монсиньор? — восторженно воскликнул Пейрак.

— Она вас любит, — чуть не закричал д'Эвре. — Она вас любит по-настоящему! Вы у нее единственный!..

— Почему вы так решили?

— Это всем бросается в глаза, — пожал плечами маркиз.

— А почему вы вообще обратили внимание?

Виль д'Эвре долго не отвечал. Он не мог объяснить даже себе, почему чета де Пейрак вызывает у него такой интерес. Да и вообще — до объяснений ли было в эти предрассветные часы? В конце концов он ответил:

— Вы единственный человек, который может заставить ее страдать.

Глаза Жоффрея вспыхнули новым мягким светом. Музыкой звучали для него фразы, брошенные маркизом: «Она любит вас по-настоящему!» и «Вы можете заставить ее страдать»...

Страдать... Разве он желал когда-либо, чтобы Анжелика страдала? Но, увы... Не все в его власти. И если жена, действительно страдает из-за него, значит, действительно, любит...

Граф вспомнил, как однажды вечером он не пускал Анжелику к себе в комнату, и жена плакала, как ребенок. Он тогда не понимал причину ее слез. А это — любовь...

Да, один он может постичь тайну ее сердца и сделать холодный взгляд великолепных смарагдово-зеленых глаз бесконечно нежным. И вдруг граф пожалел других мужчин, о которых Анжелика говорила со сдержанным дружелюбием или оскорбительным равнодушием — эта женщина привыкла к постоянному восхищению, ей льстили комплименты поклонников, но и только, потом, через неделю, месяц, год она встречала своих обожателей прохладно, как любых других людей. Король... Мулла Исмаил... У них была власть, но они были беспомощны перед Анжеликой.

Он, Жоффрей — единственный из ее возлюбленных, перед которым она опускалась на колени. Пейрак часто ловил себя на мысли, что иногда злоупотребляет властью над женой, ради того лишь, чтобы почувствовать удовлетворение. Нет, это неона, это он в вечном долгу перед прекрасной женщиной. Он не властелин, но лишь равноправный партнер восхитительной Анжелики.

Увидев, какое действие произвели на графа его слова, Виль д'Эвре продолжал равнодушно:

— Но почему, собственно, все вам? Откройте свою тайну. Вы не... — он замялся, но храбро продолжил: — Вы не красавец, ваше лицо подчас внушает страх... Да, вы богаты. Но и у других достаточно денег... Однако, как выясняется, одного богатства мало, чтобы завоевать Анжелику. Да, вы авантюрист, и ваш образ жизни привлекает непосвященных, но разве так должна жить царственная Анжелика? О, я нашел правильное слово — «царственная». Она должна блистать в Версале, я уже неоднократно говорил об этом. Но, если путь во дворец закрыт, то я сделаю ее королевой Квебека!

Он искоса глянул на Пейрака.

— А ведь вы немного ревнуете...

— Я...

Но Виль д'Эвре не дал ему договорить. Он так и сиял.

— О, у вас есть слабости! Прекрасно, это же прекрасно! Теперь передо мной не идол, но живой человек, настоящий кавалер! Вы обладаете всеми качествами, которые женщина ищет в мужчине. Но все же я не могу понять, как могли соединиться два таких противоположных существа — вы и госпожа де Пейрак?

Пейрак наклонился к маркизу:

— Поведаю вам эту занимательную историю, другой мой. Когда-то я покупал серебряный рудник у отца моей теперешней жены. Мошенник не хотел уступать мне прииск, пока я не соглашусь жениться на его дочери. Мне очень хотелось стать обладателем рудника, и я согласился на все условия. Я женился, даже не взглянув на девушку. Так в моем доме очутилась семнадцатилетняя Анжелика.

— Вы бесстыдный счастливец, Пейрак!

— О, если бы я был счастличиком... Нас с Анжеликой скоро разлучили.

— Кто? — с негодованием спросил д'Эвре.

— Король.

— Так король ваш соперник?

— Не совсем так. Я — соперник короля.

— Ах, я понял! — замахал руками маркиз. — Король любит Анжелику, а она любит вас.

— Именно так, — подтвердил Пейрак.

Д'Эвре задумался.

— Да, это, действительно, нехорошо... Двор... А может быть, король забыл ее? — он с надеждой посмотрел на графа.

— Нет, — отрицательно покачал головой собеседник. — Король не мог ее забыть.

— Не мог, — эхом откликнулся маркиз.

Неожиданные признания Пейрака, видимо, воодушевили его. Он удовлетворенно потер руки:

— Хо-хо! Как мне кажется, этот клубок никому не распутать. Но тем лучше, господа, тем лучше. Жизнь полна приключений. Я всегда говорил: «Жизнь прекрасна!»

Беседа с Вилем д'Эвре пробудила воспоминания. Ночи, проведенные с Анжеликой... Она лежит, разбросав волосы по подушке, манящая, ненасытная, на атласной груди дрожат капельки пота, глаза полузакрываются... Граф почувствовал непреодолимое желание овладеть ею прямо сейчас. Она ведь так близко, за перегородкой салона, всего несколько шагов до двери... потом до другой... потом... Граф резко поднялся, поклонился, пробормотав что-то невразумительное о позднем времени и стремительно вышел, оставив Виля д'Эвре наедине с любимым бургундским.

...Анжелика лежала, совершенно обнаженная. Граф смотрел, словно замороженный, на восхитительное тело. Каждый раз по-новому переживал момент откровения. Жоффрей склонился над ложем. Он видел, как подрагивали во сне ее ресницы, чувствовал ее легкое дыхание и, не выдержав, коснулся губами ее полуоткрытых губ. Он не мог больше сдерживаться. Страсть сжигала его. Его руки ласкали упругие груди, идеальные бедра, стройные ноги. Внезапно по ее телу пробежала дрожь. Еще не проснувшись, Анжелика обхватила руками шею Жоффрея, притянула к себе. Не понимая, сон это или явь, женщина дрожала от возбуждения. Она не чувствовала ни усталости, ни опьянения... Только тело и руки Жоффрея, только его страсть, отвечающая ее желанию... Сон это или нет — какое имеет значение? Анжелика ни за сто не хотела сейчас просыпаться.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРИБЫТИЕ И ОТЪЕЗД

Глава 33

Борже ждал... Анжелика видела в бинокль, как он нетерпеливо расхаживал по берегу — туда и обратно, туда и обратно. Мужская фигура в широком пальто и шляпе с пером — должно быть, провожатый из свиты, — держалась поодаль, уважая неотложные дела королевского чиновника.

Посланник его величества ждал здесь, на берегу Тадоуссака... служанку из Ла Рошели, хитрость которой в свое время сыграла злую шутку с его собственной судьбой. Но он не мог ни забыть, проклясть эту женщину: мог только считать минуты в ожидании встречи.

Анжелика же не торопилась. Здесь, в десятках тысяч километров от Европы, вынырнули из небытия призраки прошлого: ситуации, имена, лица... Николас Борже. И вместе с ним Дегрие, префект королевской порции, Людовик — его величество, король могущественного государства...

Графиня вздрогнула: ей почудилось, будто она слышит зов короля: «Анжелика... Моя незабываемая Анжелика!» Она махнула головой, пытаясь избавиться от наваждения. Прошрое... Оно ни за что не захотело выпускать из своих цепких объятий. Но Анжелика не боялась его. К тому, что было в ее жизни, она относилась с уважением и нежностью. И вчера, целуя Николаса, она всех, кто остался целовала в минувшем.

Бог мой, с этого поцелуя и до утра, казалось, прошла целая вечность! Было бургундское, было общество, был Жоффрей... Жоффрей! Сегодня утром Анжелика, когда развлекала за завтраком гостей, мысли занимало одно — прошлая ночь, Жоффрей... Ах, скорее бы кончился день!

Но до вечера было далеко. Холодный полуденный воздух был кристально-чистым, а вода залива подернулась тонюсенькой, едва заметной корочкой льда. Пейзаж, достойный кисти великого живописца,

услаждал взор, но Анжелике было не до красот природы. Она вдруг задумалась над вопросом: почему для тайной миссии короля выбрали именно Борже? О, здесь не могло быть случайности: кто-то, вероятнее всего, сообщил монарху о встречах Борже и Анжелики в Ла Рошели. Бывший губернатор портового города и представить себе не мог, что прекрасная служанка танцевала на версальских балах.

— Но Борже безумно любил эту служанку, — смеясь, заметил вчера Жоффрей. Муж, как всегда понимал ее без лишних слов. Анжелика ничего не ответила на это замечание, но про себя подумала:

— Нет, этот Борже невозможен. Он всегда был таким. Никогда не понимал слова «нет». Тысячу раз отказывала ему и тысячу раз он предпринимал новые попытки.

Увы, графиня не могла себе солгать: вопреки всему Николас могу пробудить ее интерес.

— Два года назад он преследовал меня... И ют теперь он снова здесь, в Канаде, вместе придется коротать зиму в Квебеке... А так хочется покоя.

Графиню занимала перспектива отправиться на свидание со своим бывшим поклонником. Но она медлила. Может быть, пригласить с собой Жоффрея? Было бы лучше, если бы они вместе встретились с посланником короля. Борже понял бы, наконец, что Анжелика в самом деле жена графа де Пейрак, и, возможно, прекратил бы свое преследование. О! Кто-то там еще появился на берегу!

Анжелика взглянула в бинокль. Сердце бешено забилось. К Николасу Борже приблизился... Жоффрей де Пейрак в сопровождении своих испанцев-лейбгвардистов.

Возможен конфликт? Нет, вряд ли... Жоффрей и Николас в высшей степени вежливо приветствовали друг друга, раскланиваясь так, что перья снятых шляп

касались земли, как это было принято при дворе. Затем они остановились, о чем-то беседуя, Анжелика любовалась двумя достойными соперниками. Николас был немного ниже ростом, чем Жоффрей, но внешность, манера держаться внушали невольное уважение. Мужчины говорили так, будто вели дипломатическую встречу, на которой стороны, представлявшие разные интересы, пытались найти компромисс.

Анжелика отложила в сторону бинокль, спустилась в шлюпку. Она решила появиться на берегу прежде, чем собеседники расстанутся.

Но едва шлюпка отошла от «Голдсборо», Анжелика с сожалением увидела, что Пейрак прощается с Борже. Он поднялся в деревню в сопровождении своих телохранителей. Через несколько минут на опустевшем пляже стоял лишь Николас, напряженно вглядывающийся в направлении моря. Он не обращал ни малейшего внимания на маленькое суденышко, которое приближалось к берегу. «Голдсборо» — вот что занимало его. Вероятно, он пытался обнаружить на капитанском мостике силуэт своей возлюбленной.

— Все же он чем-то похож на Филиппа, — подумала Анжелика. — Как я могла не заметить этого раньше, в Ла Рошели? А впрочем, у него появилось совершенно другое выражение на лице. Он страдает? И без усов кажется моложе... Но все же какие необычные у него глаза!

Да, Николас был действительно хорош собою. Ему необыкновенно шел парик и черная шляпа с пером — по последней моде, кроме того, он принадлежал к тому типу мужчин, который умели чрезвычайно изящно одеваться — их мало осталось, галантных кавалеров... Несомненно одно: Николас Борже был настоящим аристократом.

Он заметил Анжелику лишь тогда» когда она выбралась из шлюпки и, сияя от радости, пошел ей

навстречу.

— Вы утешили меня, дорогая! — воскликнул он, протягивая руки. — Я уже испугался, что вчерашний вечер — только сон, игра воспаленного воображения... Вы, вы стали еще прекраснее! Должен признаться, сегодня ночью я не сомкнул глаз...

— А мы провели прекрасную ночь, опустошив ваш бочонок с бургундским, — подумала Анжелика. — Какой стыд!

Чувствуя за собой вину, она протянула руку для поцелуя.

— Только что я видела, что вы беседуете с моим мужем, — твердо сказала она.

Борже помрачнел.

— Ужасный удар в мое сердце. Мне достаточно было взглянуть на эту мрачную фигуру, и я сразу понял, с кем имею дело. Испанские телохранители! Какой вызов! Будто он не знает, что мы в состоянии войны с этой страной! Да уж, мне нетрудно было догадаться, что этот жеманный господин с повадками вождя индейского племени и есть ваш муж. Наверняка граф понимает, что его безобразное лицо вселяет ужас. Иначе зачем бы ему высказывать мне столько дружелюбия и так уверять в преданности королю? Сплошное притворство. Кстати, в конце беседы он подчеркнул, что я могу спокойно продолжать свой путь в Квебек. Вас ли стоит благодарить за эту снисходительность? Пейрак подтвердил также, что завтра мы можем сняться с якоря, ибо уже закончены восстановительные работы на «Сен-Жан-Батисте», понимаю, я должен быть любезен по отношению к нему, но, простите, не могу.

Николас замолчал, но лишь на одно мгновение.

— Если он и есть Рексатор, следовательно, это тот самый пират, с которым вы бежали из Ла Рошели. Да-да, я вспомнил, первый раз я услышал это имя именно в

связи с вашим исчезновением. Парусные маневры у стен города тоже, кажется, в его духе... Да, конечно, сейчас я все понял! — И Николас хлопнул себя полбу, совсем как какой-нибудь крестьянин из далекой французской провинции.

— Не все, — хотела было возразить Анжелика, но прервать речь Борже было не так-то легко.

— Конечно, он вас принуждает, и вы видите в нем своего защитника. Это типичная женская сентиментальность — дать возможность легко себя убедить. Понимаю, вы хотели доказать свою благодарность... Но зачем же выходить замуж! Несчастное дитя! Вам следовало дождаться меня!

— Но кто же мог подозревать, что вы направитесь в Канаду? — с иронией сказала графиня.

— Но Канада, — это ничего не значит. Я говорю о том времени... Я же вернулся в Ла Рошель! А вы уже так легкомысленно уплыли...

— Видимо, вы не знаете, что нас всех должны были засадить в тюрьму, Баумпьер лично показывал мне список. Он заранее сообщил, что вы никогда не вернетесь, ибо впали в немилость.

Борже заскрипел зубами.

— Подлец! Жаль, я не проткнул его своей шпагой! Эта вонючая крыса...

— Убийство Баумпьера ничего бы не изменило.

— Да? — Борже задумался. А потом, глубоко вздохнув предложил: — Оставим эту несчастливую историю. Сегодня вы здесь, и стоите передо мной... мадам Пейрак...

— Но я давно уже мадам де Пейрак.

Анжелика хотела объяснить Николасу, что она уже много лет замужем за Жоффреем. Что они чудом встретились в Ла Рошели после пятнадцатилетней разлуки. Что... Но она ничего не сказала: какое-то неясное чувство удерживало ее от откровений. Борже

относился к тому типу людей, которым не столь важна правда: они предпочитают слышать лишь то, что им нравится. Как сможет Николас перенести утрату своих иллюзий? Чем обернется для Анжелики необдуманное признание? вряд ли произойдет что-то хорошее... Разгневанный Борже может настроить против нее власти Квебека, для которых она и без того оставалась мятежницей из Пуату... Ее положение было еще более тяжким чем положение Жоффрея, который, пусть и тайно, был амнистирован. Анжелика же, как рядовая преступница, носила знак лилии. Ко всем прочим опасностям, которые подстерегли всех в Новой Франции, у графини добавлялась еще одна: быть узнанной и арестованной. Рассказать всю историю посланнику короля, значит, обречь себя на верную гибель. Николас лично вряд ли сделает ей что-то плохое, он слишком влюблен, но и не откажется от королевского поручения.

Конечно, пока следует притворяться. Это будет нелегко, но необходимо. Пока что она внимательно и даже с интересом слушала последние сплетни из Парижа. Ей даже захотелось поподробнее расспросить его о парижских модах, о том, какую пьесу Мольера ставят в этом сезоне, но вместо этого графиня спросила:

— Ох, я забыла... Вы, конечно, женаты?

— Женат? — Николас задержал дыхание. — С чего вы взяли?

— Но почему бы и нет? В течение последних двух лет у вас было достаточно времени, чтобы решиться...

— У меня, который в течение двух последних лет испытал все муки ада?!. Даже не передать, что мне пришлось вынести. Отчаяние из-за вашего исчезновения, немилость короля...

Было странно видеть в таком состоянии всегда уверенного в себе Борже. Он стоял, глотая воздух ртом,

не в силах вымолвить ни слова. Он был потрясен. Но Анжелика сделала вид, что ничего не замечает. Наконец, она решилась задать вопрос, который все время вертелся на кончике языка.

— Скажите, не Дегрие ли подсказал королю, чтобы его величество направил вас на службу в Канаду?

— Если Борже утвердительно ответит, — подумала про себя Анжелика, — это многое объяснит.

— Дегрие сопровождал меня в Версаль. Дворец произвел на него сильное впечатление. Когда распахнулись двери в королевские покои, полицейский служака поклонился чуть ли не до земли. Он был тихим, как мышка. Перед лицом такого величия он понял, наверное, где ему место на самом деле. Да, вы спросили, не он ли меня порекомендовал... Вряд ли. Пока я беседовал с его величеством, этот надутый дуралей смиреннько сидел в углу кабинета.

Да, подумала Анжелика. Жоффрей был прав: есть некое третье лицо, которое управляет всем этим спектаклем. Бедный Борже, казалось, был единственным, кто не подозревал, что его специально направили по следу женщины, в которую он был влюблен. Будь ее воля, графиня объяснила бы Николасу, что Дегрие умышленно держался в тени. Она представила себе довольную улыбку полицейского перфекта, когда он наблюдал за беседой короля и Борже из-за голубой с золотыми лилиями занавеси. Этому человеку, должно быть, доставляло чертовское удовольствие держать в своих руках нити интриги. Анжелика вспомнила, что на прощанье он сказал, что надеется когда-нибудь вновь встретится с маркизой Ангелов...

— Вы думали о Дегрие! — тоном обиженного ребенка воскликнул Борже. — Не вздумайте отрицать, это заметно невооруженным глазом. Каждый раз, когда вы о нем говорите, в вашем лице появляется

мечтательное выражение. Мне бесконечно противен этот человек, но я не могу быть неблагодарным по отношению к нему. Да, именно он сделал так, что сегодня я свободный гражданин, путешествую по Канаде, встретил вас, наконец... Если бы не Дегрие, я в лучшем случае корчился бы где-нибудь в Бастилии на сырой соломе!

Наивный Николас!

Так, беседуя, графиня и королевский посланник шли по берегу, не обращая внимания на суету гавани. Среди странной расы канадцев, состоящей из охотников и морских разбойников Борже чувствовал себя единственным, кто хорошо знаком с Анжеликой. Во всяком случае, у них есть общее прошлое — Ла Рошель... Он тешил себя мыслью, что разговоры о пережитом сблизят их.

— Я люблю Ла-Рошель, — интимно сообщил он.

— Я тоже.

— В этом городе я провел счастливое время моей любви. В мечтах Ла Рошель предстает сверкающей жемчужиной, есть в нем особый характер... И там я встретил вас. А потом, мне нравились тамошние серьезные гугеноты. Нравились их семьи, где рассудительные женщины блюли строгие законы. Признаюсь, я подумывал было о сватовстве к старшей дочери Манигуалэ — прекрасной Джесике. Но ее семья воспротивилась... Я был воплощением ада для этих людей. И мне предпочли, знаете кого? — маленького офицера по имени Таре, дурака, зато гугенота...

Упоминание о Джесике причинило Анжелике нестерпимую боль. Бедняжка! Ее утащили дикари, и она навсегда исчезла в лесах Америки. Что за дикая страна!

Борже был не в курсе этого печального события, и Анжелика сочла за благо не сообщать ему об этом. Он бы очень мучился.

— Ведь я не требовал от гугенотов невозможного, — между тем продолжал королевский посланник. — Только принять католичество... Что же в этом плохого? Ведь нельзя же было допустить, чтобы королевство расколосось надвое из-за борьбы двух религий. Тем более, гугеноты вообще отказывались повиноваться его величеству... Да англичане, не задумываясь, поотрубали бы всем головы. Вот пример: диктатура Кромвеля. Разве она лучше? я терпеливо объяснял это еретикам, но напрасно. Эти упрямые безумцы предпочитали потерять все свое имущество, чем подчиняться... А вы, мадам, признавали их правоту... Вы полностью попали под влияние этого Берке. Вы так наивны — он просто желал обладать вами, этот ненасытный человек... Не верю, что вы не поддались его соблазнам...

Когда вы, наконец, оставите в покое бедного Берке? — вздохнула Анжелика. — Он теперь далеко. Поймите, я больше не служанка, я вообще... замужем.

— Правда, правда, — посетовал Николас. — Этот скверный пират когда-нибудь еще свернет вам шею. Но я не намерен более терпеть. Вы должны стать моей возлюбленной.

— Где? Здесь? — насмешливо спросила Анжелика, указав на маленькую деревенскую площадь, посреди которой они и стояли.

Борже растерялся, и Анжелика расхохоталась.

— Я бы попросила вас, дорогой Николас, выбирать слова. Вы открыли мне сердце, и это льстит, но будьте же благоразумны. Перед вами супруга графа де Пейрак. Нравится вам это или нет, я поклялась ему в любви и верности. Я не открою вам нового, если помню, что люди высокого происхождения, в том числе и вы, имеют ярко выраженное понятие о чести. Прошу поймите правильно: я испытываю к вам нежную дружбу, но не более того. Забудьте свои иллюзии: я огорчусь, если вы почувствуете себя несчастным.

Вдруг она заметила, что Борже с благоговением прислушивается к ее голосу, не вникая в суть слов. Он заразительно рассмеялся:

— В вас так много материнского... Я уже околдован... — блаженно вздохнул он. — Представляю, как вы управляете большим домом... Вижу вас, окруженную детьми. Знаете, я ревновал вас даже к маленькому сыну Берке, которого вы опекали. В один прекрасный день я попрошу вас побранить меня...

— А я уже вас браню.

— Правда? — искренне удивился Борже. Напряжение отступило, и они рассмеялись друг другу, как давние сообщники. Граф мягко напутствовал Анжелику:

— Ничего не бойтесь! Я принял к сведению ваши замечания и готов заключить соглашение, — он галантно поцеловал ее руку, — Вы так прекрасны, что я не могу долго сердиться на вас. Вы причинили мне много боли, но и много радости. Это было бы неблагородно и далее притеснять вас. Обещаю вам, высоко и свято, быть благоразумным в будущем. Только, прошу, не убегайте больше.

Куда же и убегу от вас, друг мой? Разве вы не видите, что наступающая зима не позволит этого? Дорога закрыта. И мы вместе проведем зиму в Квебеке.

— Там я буду видеть вас... Я буду часто видеть вас... — повторил Борже несколько раз, будто не мог поверить в свое счастье. — Это даже больше чем то, на что я смел надеяться. Наша новая встреча не случайность, но знак Провидения...

Жаль, но Анжелика не могла разделить его вывода. Она видела Провидение в образе иронично скалящего зубы Дегрие. Однако же, представив жизнь в Квебеке, она поняла, что присутствие Борже не повредит, а напротив, поможет ей. Может быть... В конце концов даже господин Фронтеньяк будет в какой-то степени

подчиняться королёвскому посланнику. Ведь этот чин в колонии примут за некое неусыпное око короля, и все будут искать благосклонности Борже, боясь, что тот, кому он не симпатизирует, попадет в немилость и к его величеству... Если хорошенько разобраться, то это счастье что король послал в Квебек именно Борже, а не кого-то другого.

Эти мысли окончательно успокоили Анжелику. Она завела какую-то легкомысленную беседу, и шла, время от времени поглядывая в сторону моря. И вдруг на горизонте белое пятно, которое стремительно приближалось. Парус!

Мимо пробежали к гавани люди, дети, собаки. Мальчишки восторженно кричали:

— Мирабель!

Глава 34

— Мирабель! — воскликнул Николас де Борже. — Не тот ли это корабль короля, что должен прийти мне на помощь?

— Может быть вы еще перейдете в атаку? — гневно накинулась на него Анжелика. — Послушайте, наконец! Вам повсюду мерещится опасность! Вам никто не угрожает? Молитесь, чтобы этим кораблем не командовал сумасшедший, которому придет в голову нас обстрелять. Да будет вам окончательно ясно, что все, что касается моего мужа, также относится и ко мне, И бессмысленно далее надеяться на мою дружбу, если вы считаете Пейрака своим врагом.

Она оставила Борже в величайшем смущении и побежала к берегу, где встретила детей с их провожатыми.

Здесь Анжелика чуть было не столкнулась с матушкой Бургезе, которая со своими девочками и пассажирами «Сен-Жан-Батиста» только что сошла на берег. Графиня радостно приветствовала монахиню, так как последние два дня они не виделись.

— Вы не испугались, матушка Бургезе? — бойко сказала Анжелика. — Прибытие этого корабля ничего не изменит. Мы пришли не для того, чтобы воевать...

— Я разделяю вашу уверенность, — спокойно ответила матушка Бургезе.

Население, казалось, забеспокоилось. Однако волнение улеглось, едва люди увидели как спокойно, без суеты выполняют обычные команды матросы «Мирабели».

Но люди Пейрака подготовились к обороне» Взглянув на рейд, Анжелика обнаружила, что расположение кораблей поменялось. Стараясь не привлекать ничьего внимания, капитаны судов начали маневрировать. Корабль Барссемпью кружил возле стоявшего на якоре «Голдсборо», создавая прикрытие, В открытых люках чернели жерла пушек, направленных на «Сен-Жан-Батист», команда которого, собравшись у поручней, следила за подходом «Мирабели».

Две яхты и другой корабль графа защищали гавань со стороны открытой воды. Таким образом, получалось, что если «Мирабель» идет на помощь «Сен-Жан-Батисту», судно неизбежно попадет в ловушку в устье реки Сегуенай. Другого выхода не было.

Анжелика оценила, что пока она беззаботно болтала с посланником французского короля, Жофfrey выстроил прочную оборонительную линию: граф, как обычно, был своевременно предупрежден.

По всему было видно, что судно проскользнет в гавань. Что ж, команда «Мирабели» приняла самое благоразумное решение. Пейрак принял это во внимание, и теперь его больше заботил другой вопрос: правильно ли было встречать корабль Его величества таким образом?

— Мне бы очень не хотелось стрелять в королевскую «Мирабель», — пробормотал он, не заметив

подошедшую сзади Анжелику. А когда же все-таки увидел жену, предложил:

— Не будете ли вы так добры, мадам, вернуться со мной на «Голдсборо»? Скорее всего, нам придется принять у себя командира «Мирабели» и ваше присутствие будет способствовать делу.

Он обнадеживающе поприветствовал появившегося рядом Николаса де Борже и помог Анжелике, детям и Иоланде с Адемаром забраться в шлюпку. «Мирабель» к тому времени подошла так близко, что слышны были команды, раздававшиеся с капитанского мостика.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Паруса натянулись. Тяжелый корабль делал левый поворот. Зрители в шлюпках и на пляже, как зачарованные, наблюдали за маневром.

— Он возвращается в Квебек! — понял Адемар.

Впрочем, можно было предположить также, что он хочет бросить якорь в устье реки Сегуенай.

— Если они сойдут на берег, то смогут атаковать Тадоуссак с тыла! — в страхе прошептала Анжелика. — Не волнуйтесь, мадам, — успокоил Жоффрей. — Охраняются оба берега реки и наши люди держат гавань под прицелом.

В это время «Мирабель» отошла от мыса, и на мачте виднелся лишь марс. Послышался шум тяжелой якорной цепи.

— Вовсе не дураки на этом корабле, — восхищенно заметил Пейрак. — Я не полагал, что люди с королевской марины придумают такой маневр.

В это время они с Анжеликой уже стояли на мостике «Голдсборо». Пейрак хотел добавить что-то еще, но вдруг все увидели, что от «Мирабели» отделилась лодка и пошла по направлению к кораблю Жоффрея.

— Вот видите, я предсказывал этот визит, — сказал Пейрак.

Виль д'Эвре нервно пританцовывал на цыпочках. Ему не терпелось узнать что будет дальше. Где только он оставил бинокль?

— Какой-то чудак с королевской марины! Они всегда так делают, когда находятся на захваченной территории... И потом «Мирабель»! Разве это подходящее название для корабля? Как любовница! Кто еще назовет так свой корабль?! Только случай спасет их от захвата англичанами.

— А как вы назовете свой корабль? — спросила Онорина.

— Я еще не знаю, моя маленькая, не придумал... Ну, например, «Асмодея»... О, мой прекрасный корабль!

Он еще не подозревал, что может потерять это подаренное ему Пейраком судно.

В лодке, кроме рулевого, сидел всего один человек крепкого сложения. Воротник его пальто был высоко поднят и скрывал лицо. На голове была меховая шапка.

— Это не капитан «Мирабели»! — заключил Виль д'Эвре. Обычно он носит в верхней петлице орден и очень гордится своим париком.

Все собрались на носу, чтобы встретить гостя.

Человек с удивительной ловкостью выбрался из лодки и в один прыжок был на палубе. На его плечи был небрежно накинут военный бушлат, на поясе торчала шпага, обут он был в грубые сапоги из кожи морской собаки.

— Герцог д'Арребустан! — в один голос воскликнули присутствующие.

Да, это был герцог д'Арребустан собственной персоной, старый адвокат из Квебека, гостивший в Вапассу прошлой зимой. Он удивленно смотрел то на Анжелику, то на Жоффрея, то опять на графиню, то снова на ее мужа и, наконец, просияв и раскрыв объятия, пошел им навстречу:

— Дорогие мои, как я рад снова вас увидеть! — он галантно поцеловал руку даме. — Но я... я не привык видеть вас в роскошных одеяниях... я знал вас, как пионерку...

Еще не придя в себя от первого потрясения, д'Арребуст замер, увидев Виля д'Эвре и интенданта. Он никак не мог взять в толк, что эти влиятельные в Канаде фигуры находятся на «Голдсборо» в качестве гостей Пейрака. Адвокат довольно неуклюже поприветствовал их и устремил взор на Жоффрея. Старый морской волк впервые видел этого достойного человека командиром флота и предполагаемым хозяином Тадоуссака. Да, сегодня действительно был день сюрпризов.

— Добро пожаловать на «Голдсборо», — учтиво поклонился граф. — Вы принесли послание вашего капитана?

— Нет, почему вы так решили? — удивленно спросил герцог. — Де Луппе сам должен знать, что ему предписано званием и соображениями безопасности. Мне не пристало... Но все же я вас приветствую и предупреждаю!

— О чем?

Лицо герцога исказилось от страха.

— Над Квебеком появились пылающие корабли-призраки, — торжественно объявил он.

Глава 35

— Пылающие корабли-призраки, — пронеслось над притихшими людьми. — Пылающие корабли-призраки...

Анжелика знала, насколько суеверны канадцы. Они походили на жителей ее родной провинции Пуату, где рассказывали о вселяющих ужас огненных охотниках с дикими сворами. Появление на небе этих призраков не сулило ничего хорошего: следом шли чума и смерть. Но большинство офицеров Пейрака не знали значения потусторонних знаков: сообщение д'Арребуста они

восприняли с легкой иронией. Жоффрей спокойно улыбался. Ничто и никто не мог напугать этого человека. Шарль был ошеломлен. Виля д'Эвре скорее забавляла реакция публики.

— Вот весело, — наконец мрачно заметил интендант.

— А что, весело! — с вызовом отозвался маркиз. — Я, например, вижу возможность поразвлечься. Знаете, моя дорогая, мне нередко приходилось слышать подобные рассказы о кораблях-призраках. Здесь их называют дикими охотниками, подобно тому, как у вас во Франции рассказывают об огненных охотниках. Уверяю вас, это не просто фантазии. Мне кажется, я сам наблюдал это явление. В 1660 году, перед большим землетрясением... Помните, монсieur д'Арребусть?

— Мне ли не помнить, — оживился герцог. — Считаю своим долгом вас предупредить: корабли-призраки долго еще будут летать под небом Канады. Это утверждают многие другие жители колонии с чьим мнением я считаюсь. Говорят, над Вилле-Мария появлялся даже флот из пяти кораблей. А один человек, который зимой носа на улицу не кажет, уверял, что корабль-призрак проскользнул в непосредственной близости от него. Достаточно было протянуть руку...

— И кто же был на борту? — прервал маркиз, облизывая пересохшие от волнения губы.

— Святые мученики, патер Бребеуф, патер Лаллемон и какой-то местный охотник, лица которого он не мог разглядеть — молнии слепили глаза — но он думает, что это был Николас Перро...

— Николас Перро? — потрясение воскликнула Анжелика.

— Но ведь не так давно друзья сообщили мне о его смерти.

— Господа, прекратим этот бессмысленный разговор, — раздраженно сказал Шарль, — все мы

прекрасно знаем, что это суеверие и вздор.

— Не говорите так, друг мой, — прервал его Виль д'Эвре. — Рассказывал ли я вам, что видел призраков собственными глазами?

— Ах, вы всегда все видите! Только мне почему-то никогда ничего подобного видеть не доводилось. Вообще, по правде говоря, меня не очень-то интересует, видели вы или нет. Главное, что Квебек взбудоражен. Уверен, половина населения уже укрылась в церкви, а другая — под городской стеной.

— Вы излагаете совершенно верно, — сказал герцог д'Арребуст. — Монахини Урсулы молятся, чтобы корабли Пейрака повернули обратно. Помните об этом, прежде чем двинуться по направлению к городу...

— Так значит вы пришли к нам от имени перепуганного населения? — поинтересовался Жоффрей. — Вы пришли уговорить меня повернуть обратно, как это сделал по велению святой Женевьевы Атилла у самых стен Парижа?

Этот вопрос, казалось, привел адвоката в замешательство. Он некоторое время молчал, а затем медленно произнес:

— Нет-нет, у меня другое поручение. Противоположное...

— Что вы имеете в виду?

Герцог опустил голову.

— Я нахожусь на борту «Мирабели» потому что еду во Францию... — Видно было, что этот пожилой человек чем-то сильно опечален. — Меня арестовали, — тихо, едва слышно произнес он.

— Арестовали! Кто? — испуганно воскликнули присутствующие.

— Из-за чего? — Анжелика была потрясена.

Д'Арребуст посмотрел ей прямо в глаза.

— Из-за вас...

Последовала долгая пауза. Никто не мог проронить ни слова. В конце концов, монсиньор д'Арребу́ст был одним из основателей колонии. Поэтому его арест был событием из ряда вон выходящим. И уж тем более никто не понимал, какую роль сыграла Анжелика в судьбе старого адвоката.

— Да, — печально подтвердил герцог, — меня арестовали из-за вас, мадам... Вернее, из-за вас к монсиньора де Пейрака, — быстро поправился он. — Они решили, что я ваш верный сообщник.

— Ну вот, теперь видите, что ждет нас в Квебеке, — горько сказал интендант, обращаясь к графу.

Жофfrey де Пейрак был, казалось, погружен в свои мысли. Он указал герцогу на «Мирабель».

— Как вы думаете, монсиньор д'Арребу́ст, господа на том судне видят в нас врагов?

— Уверен. Командир «Мирабели» монсиньор де Луппе, кстати, мой дальний родственник, готов обороняться. Он отпустил меня сюда под честное слово — я пленник на корабле. Вы все же намерены вести с ним переговоры?

— Да, обязательно.

— Ладно. Есть ли у вас белый флаг или лоскут белой материи, чтобы я мог подать сигнал?

— Ну вот, вы все-таки пришли сюда с миссией, — сказал Виль д'Эвре, протягивая герцогу свой шарф. Д'Арребу́ст поднял лоскут высоко над головой и несколько раз взмахнул рукой.

После этого сигнала с «Мирабели» спустили шлюпку.

— Я не раз говорил властям Квебека о своем почтительном к вам отношении, — рассказывал герцог графу де Пейраку. — И командир «Мирабели» также об этом осведомлен. Но Луппе очень недоверчивый по натуре человек. В его памяти крепко засели курсирующие о вас слухи. Они возобновились снова,

когда над городом появились призраки. Запомните, ваше появление в гавани Квебека может вызвать истерию.

Монсиньор де Луппе был еще молодым человеком весьма приятной наружности. Правда, заносчивое выражение лица не внушало симпатии, хотя все знавшие его люди соглашались, что командир «Мирабели» — опытный и ответственный человек.

Луппе шел в сопровождении шестерых вооруженных мушкетами солдат. Однако молодой человек, видимо, заранее осознал слабость своей позиции, ибо раскланявшись, обратился к Пейраку со следующими словами:

— Монсиньор, йогу ли я быть уверенным в том, что у вас нет враждебных намерений?

— Именно об этом я хотел спросить вас, монсиньор, — скромно ответил Пейрак.

Маркиз де Луппе беспомощно посмотрел на окружающих и сказал, указывая на флот Пейрака:

— Я доверяю своим глазам, монсиньор. Я стою один против пяти вооруженных кораблей. И если вы не атаковали меня, как я могу ни с того, ни с всего, атаковать вас? Почему я должен испытывать к вам враждебные чувства?

— В таком случае не буду больше докучать вам, — б пообещал Пейрак, — Вы можете беспрепятственно продолжать движение.

— Я охотно остался бы на два дня в Тадоуссаке, чтобы запастись снарядами и питьевой водой, — объяснил командир «Мирабели».

— Делайте что сочтете нужным, при условии, что будете соблюдать соглашение о ненападении.

— И еще при одном, монсиньор. — перебил Шарль. — Вы должны будете взять до Марселя мой строительный лес и корабельные мачты.

— Но мой корабль полностью загружен, — заносчиво ответил Луппе. — Кто вы такой, чтобы разговаривать со мной в таком тоне? Не припомню, чтобы вас кто-нибудь представлял...

— Кто я? Юноша, вы не знаете кто я? — гневно воскликнул интендант Новой Франции, поднимаясь в полный рост.

Не дожидаясь развязки, Анжелика покинула палубу, предоставив мужчинам самим разбираться со своими проблемами. Она утащила в салон и герцога д'Арребуста, ибо сгорала от нетерпения поскорее узнать, от чего он впал в немилость и какую роль сыграла в этом чета де Пейрак.

Глава 36

— Ну, так что же случилось? — спросила Анжелика, едва они с герцогом уселись друг против друга с бокалами бургундского — универсальным средством от всех невзгод.

— Вы еще спрашиваете? Ну что же, я расскажу вам, — вздохнул д'Арребу́ст. — Я готов вам все объяснить... Конечно, во всем была наша вина — Ломенье и моя. Вернувшись в Квебек из Вапассу, мы всем рассказывали, хотели они это слышать или нет, что мы влюблены в Даму серебряных озер, то есть в вас.

— При всем моем желании, я не могу представить, что монсиньор де Ломенье мог так говорить, — сказала, смеясь, Анжелика. — Это вовсе не похоже на нашего богобоязненного мальтийца.

— Так же рассуждали почти все в Квебеке. Поэтому его поведение вызвало большее недовольство, чем мое. Но вы плохо его знаете. Монсиньор де Ломенье очень искренний человек, и свои убеждения будет защищать до конца.

Вам известно, наверное, что канадские власти, посылая нас сюда, хотели устроить очную ставку. Я же был настолько наивен, что вообразил себе, что этим они

пытаются отыскать истину. К сожалению, я слишком поздно понял: этим людям требовалось лишь подтверждение их негативного мнения. По сути дела, мы должны были состряпать на вас донос. Но, не оправдав надежд чиновников, мы потеряли их расположение. Нас обвинили в предательстве и взяточничестве...

Мы, однако, не сдавались. Мы полагали, что если мы все объясним, опираясь на достоверные факты, их души успокоятся. Глупцы! Мы во всем видели шутку! Но разве можно шутить в Новой Франции? Очевидно, нет. Реакция некоторых на наши сообщения была далеко не смешной...

— Выпейте немного, — предложила Анжелика, увидев, что д'Арребуст разнервничался. А ведь когда-то это был самый уравновешенный человек...

— О, настоящее бургундское!

— Действительно, великолепное вино, нектар! Вот увидите, сейчас вам будет гораздо лучше. Успокойтесь, дорогой друг, мы постараемся вам помочь.

— Это невозможно. Я впал в немилость. Меня ожидает Бастилия.

В этот момент дверь распахнулась и в салон, потирая руки, вошел Виль д'Эвре. Он пребывал в прекрасном настроении.

— Покинули всех? Прекрасно... А ваш супруг, сударыня, разрешил проход «Мирабели». К мадам Понтарвиль будет послана петиция с просьбой уступить мне ее маленького негритенка, если вы уже не позволяете забрать Тимоти. Так что я выиграю целый сезон!

Он подсел к хозяйке и с удовольствием налил себе бокал вина.

— Так вы говорите, что прямо в Бастилию? — обратился д'Эвре к герцогу, — Скажу, что у вас не будет там много забот, Я сам там бывал, довольно часто. Но я

всегда брал с собой моего слугу и повара, Вы должны будете в первую очередь потребовать этого и для себя, А в остальном там сносные условия.

— Благодарю за хороший совет, — горько заметил д'Арребуст, — Но, кажется, у вас вызывает улыбку мое безнадежное положение? Вы хотите посмеяться?

— Я? О, нет, я никогда не позволил бы себе этого, — горячо возразил маркиз.

— Тогда давайте обсудим один момент, — предложил герцог глядя на Анжелику. — Как видите, обстоятельства изменились к худшему. Ломенье и я не подозревали. какая опасность угрожает нам, когда пытались изменить общественное мнение, Оказывается, мы покушались на основы власти, на церковь!

Увы, люди всегда принимают в штыки тех, у кого есть собственные мысли... Мы безумцы! Мир безумен!

Вот так и случилось, что однажды утром меня, одного из основателей Квебека, арестовали прямо на службе.

— Как на службе? Как арестовали? — засуетился Виль д'Эвре.

— Вы удивитесь еще больше, если узнаете, что из-за меня пострадала Лилея.

— Тогда быстрее в шлюпку! Ее надо освободить! — Виль д'Эвре одним прыжком оказался у двери.

— Нет, ее нет на борту, — удержал маркиза д'Арребуст, — Слышите? Ее у нас нет. Она уже почти год в Монреале... в тюрьме.

— Посадили в тюрьму? — потрясение ахнул д'Эвре. — Вы хотите сказать, что ее, полную жизни, похоронили, как монахиню в монастыре? Как вы могли допустить это? Как вы можете отправиться в Европу, оставив ее здесь? Чудовище! Я бы на вашем месте пешком дошел до Монреала и выломал бы тюремную дверь. Посадили Лилею в тюрьму... Такую красавицу —

за решетку... У нее самый роскошный в мире бюст, а вы даже не попытались ее спасти...

— Молчите, маркиз, не забываетесь, — прошипел д'Арребуст, схватив д'Эвре за галстук. — Молчите, не разбивайте мне сердце!

Анжелика испугалась за герцога, чье лицо налилось кровью, как будто его хватил удар. Когда д'Арребуст накинулся на маркиза, Анжелика встала между мужчинами. Герцог первым пришел в себя.

— Простите, мадам, — смиренно сказал он. — Просто маркиз затронул интимные для меня вещи. Он сам спровоцировал меня...

Виль д'Эвре приводил в порядок свое помятое платье. Он был весьма несдержан:

— Что? Вы не сберегли Лилею и еще ждете от меня утешений? Вы действительно достойны Бастилии!

Он повернулся и выбежал из салона. Он собирался... написать письмо мадам Понтарвиль.

— Маркиз прав, — с отчаянием в голосе проговорил герцог. — Покинув Канаду, я никогда больше не увижу Лилею. Она спрятана за толстыми стенами на Вилле-Мария, я же проведу остаток дней в Бастилии... Никто не позаботится о нас... Жизнь разрушена!

В двух словах Анжелика описала Жоффрею то, что доверил ей д'Арребуст, подчеркнув при этом, что именно Пейраки стали причиной его многочисленных бед.

— Покинув Канаду, герцог никогда больше не увидит Лилею, — втолковывала графиня. — А кто освободит его из Бастилии? Я предложила ему остаться на борту «Голдсборо», но д'Арребуст дал слово чести маркизу да Луппе...

Жоффрей задумчиво поглядывал на шлюпку, в которой сидел командир «Мирабели». Главнокомандующий королевской Мариной хотел закупить меха.

Пейрак подозвал одного из офицеров «Мирабели». Переговорив с ним, он выяснил, что сопровождающих д'Арребуста лиц мало волнует, что станет с герцогом в Европе. Да и в Канаде: этот офицер не тюремщик при старом адмирале, хотя монсиньор де Фронтеньяк и просил его об этой услуге. Хуже всего в этой ситуации придется семье д'Арребуста и его многочисленной родне...

— Мы найдем решение, — пообещал Пейрак. Вместе с Анжеликой он вошел в салон, чтобы поговорить с герцогом. — Вы хотели бы остаться в Канаде, монсиньор?

— Конечно! — воскликнул д'Арребуст. — Здесь мое сердце, моя жизнь. Но, увы, мне нет здесь больше места. И кроме того, я не могу бежать с «Мирабели» — я дал слово капитану, что вернусь на корабль и отправлюсь во Францию... в тюрьму.

— Слово? Что значит ваше слово здесь, друг мой! Ведь я пират — пусть, наконец, легенда обо мне подтвердится! Вы беспомощны против моей воли. Мне необходимы заложники. И монсиньору де Луппе останется только руками развести...

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, кроме того, что я взял вас в плен!

Глава 37

Анжелика уединилась в салоне «Голдсборо», чтобы написать письмо Дегрие. Над морем опустились сумерки и графиня зажгла масляную лампу. В ее теплом медовом свете лицо Анжелики, склонившейся над бумагой, казалось совсем юным.

Сегодня графиня больше не сходила на берег, проведя остаток дня в беседах с д'Арребустом. Кроме того, у нее не было ни малейшего желания лишний раз встречаться с Николасом Борже, а завтра, когда «Сен-Жан-Батист» ляжет на парус, они вряд ли увидятся. И кто знает, встретится ли она с Николасом в Квебеке?

Но не это сейчас занимало ее мысли. Дегрие — вот о ком думала графиня. Дегрие, друг, который не раз доказывал свою преданность. Это он безбоязненно защищал обвиненного в колдовстве Жоффрея, он рисковал жизнью ради графа. Анжелику успокаивало то, что Дегрие и сегодня вступил в игру, где ей отводилась главная роль. Из этого следует, что полицейский префект за последние два года стал влиятельным лицом при дворе. А также, что положение Пейрака и Анжелики усложнилось: ведь Дегрие появлялся тогда, когда становилось совсем плохо. Бедняга Николас, не понимая скрытых причин, был уверен, что послан в Канаду с тайной миссией короля за какие-то свои личные заслуги. Анжелика же была почти уверена, что это не так. По всей вероятности, Дегрие выбрал того человека, который вряд ли представляет опасность для графини. Кроме того, кроме того...

Заглядевшись на мерцающий огонек лампы Анжелика потеряла нить рассуждений.

— Кроме того... что-то важное... Ах, да! Д'Арребустан арестован, а Ломенье-Шамбард впал в немилость — это тоже не просто так. Над Пейраком сгущаются тучи, несомненно. Но могут пострадать и те, что сегодня рядом с ним. Виль д'Эвре, несмотря на свой оптимизм. Шарль...

Внезапно Анжелика снова вспомнила об Амброзине. Эта женщина, пусть и нет ее в живых, имеет самое непосредственное отношение к заговору. О, при жизни она много сделала, чтобы окутать супругов де Пейрак сетями наветов. Да! Амброзина что-то говорила о Дегрие... Что он... намеревался арестовать подружку герцогини, маркизу де Бринвилльерс... отравительницу... И еще Дегрие... преследовал саму герцогиню! Да-да! Амброзина говорила: «Из-за него я убежала. Он был излишне любопытен. Он следил за мной...»

Вдруг Анжелика явственно ощутила присутствие другого существа. Кто-то прошел мимо нее, задев подол платья. В ужасе графиня вскочила, отпрянула от стола. Она готова была закричать. Но...

— Ах, это ты? Как ты меня напугала... Иди сюда, киска!

Кошка привыкла спать в салоне, Сейчас она подыскивала себе местечко поуютнее. Вспрыгнула на стол, мурлыкая, улеглась на бумага Анжелики и уставилась на графиню своими желтыми глазами, будто хотела о чем-то спросить.

— Ты больна? — казалось вопрошал ее взгляд. — Или можешь поиграть со мной?..

Анжелика расхохоталась от всей души.

— Киска, моя дорогая!

Она усадила кошку на колени. Погладила шерстку, почесала за ушами, животик... Зверек блаженно мурлыкал, а мысли графини вернулись в прежнее русло:

— Ты видела Амброзину, киска, — думала она. — Ты точно чувствовала дьявольское пламя, исходящее от этой женщины... Ты была недовольна, когда она появлялась, ты начинала шипеть, топорщить шерсть... Зло! Оно может обмануть человека, но не инстинкт животного!

Между прочим, первым человеком, который разгадал тайну Амброзины, был индеец Пиксарет. Он сказал Анжелике:

— Эта женщина — настоящая ведьма.

Пиксарет однажды спас графине жизнь и с тех пор называл себя пленником Анжелики. Долгое время он был ее охранником. Ушел он только тогда, когда герцогиня исчезла в лесах. Прощаясь, верный индеец пообещал Анжелике:

— Встретимся снова в Квебеке. Там тебе понадобится моя помощь...

Анжелика почему-то была уверена: индеец придет по первому ее зову...

Потеряв нить размышлений, Анжелика лениво поглаживала мягкую шерстку кошки. Это расслабляло, успокаивало. Графиня вспомнила, в каком состоянии было несчастное животное, когда она подобрала его в гавани. Перепачканное кровью, со сломанной лапой... Тогда Анжелика подумала, что его терзали безжалостные звери. Нет, это было дело рук ведьмы...

Вдруг перед ее мысленным взором предстала другая, куда более страшная картина. Дело было в Версале. Баркароле, королевский карлик обычно рассказывающий ей все придворные сплетни, предупредил Анжелику о готовящемся на нее покушении со стороны завистливых фавориток короля. Славный малый провод госпожу де Пейрак через мрачный потайной ход и сквозь отверстие в стене показал жуткую сцену: опьяненные черной мессой люди убивали новорожденного ребенка. И сейчас еще в ушах стоят охрипшие, смеющиеся голоса убийц:

— Они не будут осматривать корзину с трупом. У меня здесь надежная репутация. Охранники еще раскланяются со мной, когда я буду проходить мимо...

* * *

Но Анжелика попыталась отогнать от себя эти мрачные воспоминания, Она должна была написать письмо Дегрие, Из выдвижного ящика достала письменные принадлежности: листки пергамента, чернильницу, тщательно отточенное перо, ножи для стирания и для пера, печать, оправленную в золото перламутровую чашечку с песком... Приготовив все, Анжелика занесла руку над бумагой.

«Дегрие, дорогой друг!

Услышав о Вас, решила направить Вам послание из далекой страны. Монсиньор де Борже передал мне, правда, не очень выразительно, привет от Вас,

благодарю... Но Вы, возможно, еще не все обо мне знаете?..»

Анжелика положила перо. Она испытывала глубокую благодарность к бывшему полицейскому префекту. Сколько раз он выручал ее!

«Я благодарю Вас очень, очень... за все, что Вы для меня делали и, надеюсь, еще сделаете. И тут я подхожу к настоящей причине моего письма. Может быть, Вы еще помните, как шесть или семь лет тому назад я пришла к Ван, потому что мне угрожали. Я нуждалась тогда в Вашей помощи, так как боялась за свою жизнь. Я должна была стать жертвой покушения. Это было неизбежно, ведь я стала свидетельницей черной мессы... Я могла назвать известные имена, но, любой ценой стараясь избежать скандала, я сохранила молчание. Я была достаточно неблагодарна. Но теперь я решилась, наконец, поговорить об этом...»

Перо легко скользило по бумаге... Перед глазами живо проходили сцены в бюро монсиньора де Ла Рейнье, как он и Дегрие старались выведать у нее какое-то имя.

«Я знаю один маленький дом на углу улицы Бланке-Маптеукс и площади Трике. Там живет или, по крайней мере, жила одна гадалка по имени Десайс-Моувонзин. Кроме того, у нее была прекрасная квартира еще на Ла-Гравойс, вблизи дворца Сайт-Денис, видимо, были и другие убежища. Во всяком случае, эта дама держала в своих руках нити всех интриг, и на ее совести не одно отравление. Она была виновницей убийства нежеланных детей...»

Кошка следила за пером, царапающим бумагу, и пыталась ударить по нему лапой. Но Анжелика не замечала этого. Она была захвачена своими мыслями. Она понимала, насколько близка была к Ангелам, когда вскрывала дворцовые язвы. Ее, молодую девушку, бросили на произвол судьбы, на забаву двору, готовя

тем временем топор палача и костер инквизиции. Анжелика привела к ссылке высокопоставленных персон, разрушила немало блестящих карьер и, наконец, нанесла рану в сердце самому королю.

Сегодня борьба, в которую ее втянули путем шантажа и угроз, достигла решающей фазы, Анжелика обязана раскрыть Дегрие все имена и таинственные интриги. О, как ужаснется полицейский:

«Десайс-Моувонзин имела особые отношения со двором. Вам расскажет об этом барышня Дескойле, если вы потрудитесь ее разыскать. Однажды я поймала эту девушку за руку: она блефовала в игре. Но, любя, простила. Ей необходимо было зарабатывать карманные деньги — жизнь при дворе так разорительна! Вы ведь поймете меня...»

Да, Дегрие поймет... Ведь и он сам долго ждал случая, чтобы разоблачить злые силы, господствовавшие при дворе. Ведь и сам он не раз был послушной игрушкой в руках у подозрительных личностей. Мог, например, без достаточных на то оснований подписать приказ о чьем-нибудь аресте...

«Эта девушка — незаменимая для Вас фигура, — продолжала Анжелике. — Она связана с одной почтенной дамой из окружения короля. Там Вы должны искать...»

В памяти возник образ мадам де Монтеспан, бывшей послушницы монастыря Пойтьери, возвысившейся впоследствии до положения фаворитки. Блондинка с голубыми глазами, чрезвычайно остроумная дама. Почему она испытывала такую жгучую ненависть к Анжелике, ненависть, толкавшую на убийство? Только потому, что видела в графине соперницу...

Помедлив, Анжелика вывела на бумаге еще одно имя: Атенаис Монтеспан, Дегрие должен, наконец, узнать истину, Но вдруг письмо попадет в чужие руки?

Нет, не каждый человек сможет понять все, о чем говорится в этом послании.

Герцог д'Арребуст уверил Анжелику, что его слуга, возвращающийся в Европу, — надежный человек, доверенное ему послание он доставит адресату. Но всякое может случиться...

Конечно, размышляла графиня, она поставила перед собой благородную цель: дать Дегрие ключ от крепостной двери, за которой прячется преступный мир. Крепость находилась под надежной охраной родственников придворных, безнравственных, кичащихся своими пороками, пользующихся привилегиями... Слуги, дворники, исповедники этих людей также были очень осмотрительными: они знали, что их жизнь зависит от любого, сказанного мимоходом слова. Напрасно ищейки де Ла Рейнье вынюхивают в подъездах Версаля. Никто из приближенных ко двору не придет к полицейским. И сама графиня обратилась за помощью к защитникам закона в самый критический для нее момент.

Напрасно, все напрасно. Охотники чуют зверя, но не могут найти. Не была ли жертвой этой напрасной охоты герцогиня де Маудрибург? Нет, вряд ли... Она сама решила, видимо, перебраться в Америку, чтобы расширить поле своих злодейств. Анжелика поразились: как все-таки много знала о ее прошлом Амброзина... Впрочем, она опять отвлеклась. Дегрие удалось поймать за руку мадам де Бринвиллерс. Хорошо, но не была ли отравительница только фишкой в игре?

Может быть, ее подставили нарочно? Ведь Глазер, поставивший ей яд, был куда более осторожен и менее щедр, нежели Моувонзина, снабжавшая зельем весь Париж.

После того, как Дегрие привел отравительницу к эшафоту, полицейская служба опять осталась без дела. Амброзина сбежала, другие же высокопоставленные

преступники остались ненаказанными, ибо никто не мог доказать их злодеяния.

Неожиданно Анжелика вспомнила важную подробность. Она вновь решительно взялась за перо.

«...Вы узнаете абсолютно все, если возьмете у де Ла Рейньи конверт, который когда-то я оставила ему на хранение. Не обращайтесь внимания на то, что я разрешила вскрыть его лишь после моей смерти. Взломайте печать сегодня же. Там я написала все то, что знала о покушении, которое готовилось на мою жизнь, Возможно, в моем письме Вы найдете доказательства. Вы узнаете имена, знание которые помогут Вам в расследовании версальских интриг. Люди, которые там упоминаются, уверены в своей неприкосновенности, но они продали душу Сатане».

Анжелика почему-то была уверена, что какой-нибудь мелкий полицейский чиновник давно уже попал на след мадам де Монтеспан, но молчит, ибо получил за свое молчание кучу денег. Но ведь когда-то и эта женщина должна расплатиться за все свои злодеяния! На ее совести десятки загубленных жизней новорожденных детей, служивших ведьме для удовлетворения ее извращенных любовных страстей. От одной только этой мысли Анжелику бросало в дрожь.

Графиня перевела дух. Она вспомнила, как накануне вечером общество восприняло ее слова о том, что в Версале орудуют отравители. Абсурд! — сказали ей, — слухи! Над этими сплетнями смеется весь Париж. Кто поверит, что высокопоставленные персоны, чья жизнь на виду, способны совершить преступление? Только один человек — Дегрие...

«И последняя просьба к Вам, друг мой. Заклинаю, обратите внимание на то, что говорят обо мне и моем муже. Это поможет Вам найти во Франции людей, замышляющих наше убийство. Прошу также, пустив в

ход Ваше возросшее влияние при дворе представить наши интересы у короля».

Она дважды подчеркнула последнее предложение. Дегрие — истинный друг, он, конечно же, попробует заступиться за Пейраков перед человеком, который держит в руках судьбы беглецов. И, кто знает, может, у него что-то получится...

Анжелика перечитала письмо и осталась удовлетворена. Она хотела подписаться обычно «Мадам де Пейрак», но передумала, очертила размашисто «Маркиза Ангелов».

Поставив печать, графиня отложила в сторону конверт и вновь погрузилась в воспоминания. Она увидела себя юной девушкой, бегущей по зловонным ночным улочкам Парижа от ищеек, натравленных на нее. Она бежала так, что, казалось, еще секунду — и сердце не выдержит, разорвется... Такой и увидел ее тогда Дегрие — . грязной, заплаканной, растрепанной... Печально знаменитая маркиза Ангелов...

Анжелика подняла глаза и встретила взглядом с кошкой.

— Ну вот, мы все сделали, котик. Жизнь продолжается. А вместе с ней — борьба. Увы, прошлое всегда будет с нами. Его трудности, его грехи... Ты понимаешь это, киска?

Кошка ничего не понимала, да ее ничего и не интересовало. Она лежала себе тихонечко и довольно мурлыкала. Анжелика погладила ее:

— Ты веришь, что победа за нами?

Она пододвинула к себе письмо, взяла перо и дописала внизу постскриптум:

«P.S. Может случиться, что нам понадобятся сведения о герцогине де Маудрибург. Соберите и вышлите нам, если, конечно, это возможно, все документы, касающиеся этой особы. Отметьте также

все, что вы о ней знаете и передайте с надежным курьером. Еще раз тысячекратно благодарю».

Амброзина была мертва, но люди должны знать о ее злодеяниях. Анжелика разоблачит и ее, и ее высокопоставленных благодетелей. Она найдет способ показать истинные физиономии людей, претендующих на абсолютную безупречность. Она будет бороться с ними их же собственными средствами, пойдет на хитрость, если это понадобится. Расстояние не мешает нанести врагам смертельный удар.

Глава 38

Открыв дверь в салон, граф де Пейрак увидел спину Анжелики. Похоже, он застиг ее врасплох: графиня писала письмо. Жоффрей удивился: такое с его супругой случилось чрезвычайно редко.

— Наш друг маркиз заразил вас почтовой лихорадкой? — улыбаясь, спросил граф. — Кто же ваш адресат, позвольте узнать? Знакомая мне персона?

— Служащий полиции Франкуш Дегрие, — ответила Анжелика, протягивая послание супругу. — Хотите прочесть?

Жоффрей молча взял бумагу. Пробегая глазами первые строки, он не упустил возможности поинтересоваться, что побудило его жену обратиться за помощью к старому другу, разве бегство в Новый Свет не разъединило их окончательно? Но это он спросил между прочим. В глубине души граф осознавал, что Анжелика сейчас действовала, подчиняясь своей интуиции, которая никогда ее не подводила. Жоффрея бросило в дрожь, когда он осознал важность принятого женой решения. Эта женщина со своей беспощадной решимостью, действительно, должна была производить на многих незнакомых людей страшное впечатление. Она должна была проявлять поистине мужской характер, когда боролась за свою жизнь и жизнь своих детей; сегодня одним росчерком пера она готова

отправить на виселицу известных одной ей высокопоставленных персон, чтобы защитить свою семью... Она отбросила благоразумие и двинулась вперед...

Жоффрей посмотрел в глаза жены. Они, казалось, ждали его согласия. В мягком свете масляной лампы они казались еще более глубокими, более прекрасными... Жоффрей чувствовал магическую силу их взгляда и вдруг подумал о том, что именно в этой глубокой зелени хранится ключ от всех тайн мира.

Он изучал лицо Анжелики так, будто видел его впервые. Благородные черты все более совершенствовались с течением лет — аристократический взлет бровей, тонкая линия носа, ослепляющий румянец полных губ... Лицо богини, мадонны, на котором, как ни странно, пережитые страхи и страдания не оставили и следа. Напротив, оно стало еще прекраснее, чем в юности. Казалось, Анжелика черпала силы из бесконечного источника — божественного родника.

— Ваши разоблачения нанесут тяжелый удар королю, — Жоффрей сложил письмо.

— А почему я должна его щадить? Он не предпринимал ничего, когда меня избивали, преследовали... Он виновен в том, что мне пришлось бежать в дикую Канаду.

Анжелика замолчала. Видно было, что ей нелегко продолжать. Однако она собралась с силами.

— Король... Он уязвлен до глубины души и мстит мне теперь. Он хочет, чтобы я публично выпросила прощения. О, тогда бы мое дело было прекращено... ценой унижения... в его постели...

Вдруг она прервала свою речь и тревожно спросила у Жоффрея:

— Вы в чем-то сомневаетесь?

— В чем? В фактах, изложенных в письме или в вашей решимости его написать?

— В том и другом.

— Я нахожу, что это послание похоже на военный корабль, нагруженный пушками и порохом, готовый к нападению, к тому, чтобы потопить противника вместе с людьми и мышами. Я даже вижу, как монсиньор Дегрие поджигает фитиль и готовит взрыв.

— Да... Дегрие. Он единственный союзник, который остался у нас во Франции.

Она некоторое время смотрела вдаль, положив руку на грудь Жоффрея, словно ища у него защиты.

— Вспомните о Дегрие, — попросила она. — Не был ли он вашим адвокатом?

— Да, конечно. Я хорошо его помню. Он меня на процессе защищал.

— Он и после процесса добивался того, чтобы зам сохранили жизнь, — пробормотала Анжелика, прижавшись к плечу мужа. — Потом его след потерялся в Париже... Только... почему-то мне было предельно ясно, что наши жизни еще не раз пересекутся. Наше новое знакомство состоялось, когда Дегрие был чиновником полиции, а я... затравленной беглянкой...

— Он, конечно, безумно в вас влюбился, — ревниво заметил Жоффрей.

— Дегрие никогда не влюблялся: это на редкость благоразумный человек.

— Но вы — то самое исключение, которое подтверждает правило, не так ли? — улыбнулся Пейрак.

— Ну, может, он и был влюблен... немножко, но не безумно! — категорически заключила Анжелика.

— Зато он безумно стремился помочь вам убежать. Вы не могли бы без его участия покинуть Ла Рошель. О, считайте, этот человек совершил важный поступок: для высокопоставленного чиновника это что-нибудь да значит. За одно это я бесконечно ему благодарен.

Анжелика рассказала ЖофFREю, какие имена указаны в письме, оставленном на хранение Ла Рейньи. Пейрак явственно увидел масштабы борьбы, которая ведется в высших сферах. Он понял, почему жена бывает до оскорбительности недоверчивой: она могла опасаться даже близких людей.

Сама жизнь заставляла госпожу де Пейрак быть предельно осторожной. В обществе, где она долгое время жила, господствовали элитарные законы, направленные на полное порабощение женщины. Мужчины требовали от нее послушания, удовлетворения их любовной страсти, выносили запреты... И среди них — сам король. Король, чья власть привела мадам де Валерьи к бунту против веры, а мадам де Монтеспан к убийствам... Вот с этими людьми и вступила в борьбу непокоренная Анжелика.

— Я подумала вот о чем, — подняла голову Анжелика.

— О чем? Скажите, мадам. Я слушаю...

— Я была покорной королю. Меня убедил в необходимости послушания Молинес, управляющий именем Плесси, где после моего возвращения из Марокко меня держали как пленницу. Тогда я сочинила письмо королю, где обещала быть покорной и прибыть в Версаль для публичного покаяния. Я обещала молить о прощении на коленях, как верная вассалка. Да-да, я это письмо писала, но его... не передали.

Да, это было ужасное время, ужасное! Алчные королевские солдаты разоряли крестьян, совершая опустошительные набега на провинцию, миссионеры в униформах истязали людей... Я не могла больше смотреть на это, не могла...

В это время наш сын Флоримон жил в полной нищете. Однажды он признался мне, что хочет уйти вместе с Шарлем-Генри, моим сыном от брака с маркизом дю Плесси-Бельери... Он утверждал, что им

угрожает опасность. Но я не слушала, я пыталась объяснить, что Шарль-Генри должен остаться, ибо ему наследовать родовой замок. Тогда Флоримон поинтересовался, что наследует он. И я вынуждена была ответить: «Тебе ничего не принадлежит, мой прекрасный, мой гордый сын... У тебя все отняли, ведь ты — отпрыск графа де Пейрак... И защитить тебя могу лишь я, пленница собственного замка, но для этого я должна добиться милости короля. Вот тогда я и написала покаянное письмо монарху, Молинес тут же взял его, чтобы передать...

Жоффрею казалось, будто Анжелика исповедуется ему, будто просит отпущения грехов — Ни словом, ни жестом он не пытался прервать ее и, когда Анжелика сделала долгую паузу, лишь задержал дыхание. Наконец, она вновь заговорила:

— К счастью, Флоримону удалось вовремя бежать... У него провидческие способности... Бедные мальчик! Он хочет... соединиться с вами и Кантором в Америке... Он хочет...

Ее голос вновь замер. Она закрыла лицо руками.

— А что произошло потом?

— Потом? Разве я не рассказывала вам? Солдаты пришли поздно вечером, когда Молинес запрягал мула, чтобы отвезти королю мое письмо... Подожгли крепость, убили моего маленького сына, перерезали слуг... все разрушили и опустошили, овладели мною...

Внутренний голос и здравый смысл подсказывали Анжелике молчать, не продолжать. Но слова лилась против ее воли:

— Это была ужасная ночь... Но у этих людей не было никакого приказа — об этом я узнала позже. Тогда же я думала, что монарх мстит мне, хотя и следовало предположить, что флюиды зла и насилия просто носились в воздухе... В ту ночь закончилось мое

терпение. Я вступила в борьбу против короля, стала мятежницей из Пуату.

Жоффрей по-прежнему молчал.

— Я написала письмо Дегрие и будто избавилась от тяжести. Оно помогло мне, как когда-то мятеж в Пуату помог соединиться с Рексатором.

По лицу Анжелики текли слезы. Она физически чувствовала освобождение от тяжкого бремени.

— Я подскажу Дегрие связаться со старым Молинесом, — решительно сказала она. — Если, конечно, управляющий еще... жив.

Графиня снова взяла перо и склонилась над бюро. Непокорный локон упал ей на лоб, отчего казалось, что мадам де Пейрак совсем молоденькая девушка. Жоффрей с умилением наблюдал за супругой. Ее отвага радовала его.

Вскоре Анжелика закончила писать, смешала свежие чернила с песком, растопила красный воск. Потом запечатала свернутое послание. Мысленно она пребывала сейчас в Париже у Дегрие. Она явственно видела, как полицейский с посланием в руках взламывает печать.

Пейрак наблюдал за женой, преисполненный нежности. Она витала в эмпиреях и в то же время была тут, близко. На этот раз Пейрак вступит в борьбу вместе с ней, он возьмет ее под свою защиту, когда ею вновь овладеют старые страхи.

Анжелика подняла глаза:

— Главное мы сделали. В остальном Дегрие разберется. Мы будем вооружаться для защиты, тем временем он в Париже начнет распутывать клубок.

После долгого молчания она продолжила:

— Самое трудное в этой истории то, что бороться приходится против теней. Да, это заговор теней из прошлого... Нам надо направить на них свет дня, который откроет призрачные лица... Я особенно боюсь

патера д'Оржеваля, этого могущественного иезуита, преследующего меня своей ненавистью, хотя он никогда не встречался со мной... Я спрашиваю себя иногда, существует ли вообще этот человек.

Поймав нежный взгляд мужа, Анжелика рассердилась:

— Вы прямо, как Николас де Борже! Он слушал меня с отсутствующим видом, когда я говорила ему о барьере между нами... Теперь я рассказываю вам о самом, может быть, опасном враге в Канаде, а вы... глядите на меня влюбленно.

Граф покорно вздохнул:

— Но я люблю вас, моя строгая госпожа.

Улыбаясь, он взял ее на руки.

— Это лишь доказательство вашей власти, мадам: сам Себастиан д'Оржеваль сложит оружие, подчиняясь вашему обаянию. Поэтому я не так беспокоюсь, как вы. Вы не можете забыть, что на нашей стороне два заступника, с чьим мнением считается этот грозный иезуит.

— Да?.. Кто, кроме матушки Бургезе, может о нас думать хорошо?

— Граф Ломенье-Шантард. Он наш новый друг. Он посещал так называемую монастырскую школу. Д'Оржеваль любит его как брата... Но что всего важнее, вы сами будете нашей лучшей заступницей. Вы с вашей привлекательностью, вашей образцовой элегантностью и бесподобной красотой покорите все сердца. Ваш свет прогонит тени. Вы вступите в Квебек, как королева. Сейчас вы должны думать только о том, в каком платье вам быть в эти часы?

— Платье? Нет, об этом я не думала!

— Могли бы об этом позаботиться. У вас есть выбор, мадам: бледно-голубое, цвета холодной воды, золотое, как то, в котором вы были в Биарицце на свадьбе

короля, и третье, из пурпурного бархата. Голубое — из Парижа, золотое — из Англии, красное — из Италии.

Анжелика широко раскрыла глаза.

— Когда вы успели подумать об этом? — вскрикнула она. — Но когда же?

— Всегда. Потому что я всегда хочу вас видеть прекрасной, роскошной, счастливой.

— О, вы великолепны!

Анжелика покрывала поцелуями его лицо, руки. Она будет прекрасной! У нее будет успех! Она... всех соблазнит, она развеет их предрассудки. Она утолит их жадный голод на сенсацию. Она не обманет их ожиданий.

Глава 39

Анжелика спешила по берегу сквозь густой туман за Дельфиной и Куасси Ба, которые несли ее корзины.

Было раннее утро и они боялись, что не успеют передать посылку на «Сен-Жан-Батист» до его отплытия. «Мирабель» собиралась покинуть Тадоуссак после обеда. Маркиз Виль д'Эвре еще не покончил со своей корреспонденцией, да и капитан королевского судна был еще занят покупкой меха. Тем не менее Анжелика успела сразу после завтрака разыскать слугу монсиньора д'Арребуста и передать ему тайное письмо для Дегрие, Слуга оказался человеком надежным. Верность, которую он выказывал своему хозяину, не нуждалась в объяснениях — он добровольно следовал за герцогом в Бастилию. Можно ли о чем-то еще говорить!?

Анжелике пришлось буквально навязать своему курьеру кошелек, наполненный золотом, которым на этот случай снабдил ее Пейрак. Слуга согласен был выполнить поручение, невзирая на риск, из одной лишь преданности. В конце концов он взял золото. Графиня убедилась, что оно понадобится в Ле Гавре, чтобы нанять лошадь или карету, чтобы быстрее прибыть в Париж...

Или чтобы оплатить услуги помощников. Может быть, слуге придется подкупить некоторых людей, предубежденных против герцога... Кроме того, Анжелика дала слуге тысячу советов: он должен выучить наизусть все адреса Дегрие, некоторые имена и названия мест, а в случае опасности все документы уничтожить. И ни в коем случае нельзя передавать письмо в чужие руки.

Непроницаемый туман, нависший над заливом, задерживал отплытие «Сен-Жан-Батиста». Корабль по-прежнему стоял в гавани. На мостике судна Анжелика разглядела Жоффрея, беседующего с Николасом Борже в капитаном Дугастом. Видимо, Пейрак давал последние инструкции, ведь они должны были сообщить в Квебеке о прибытии его флота.

Достигнув мыса, Анжелика увидела мать Бургезе, окруженную жителями деревни. Рядом с ней, конечно, была Катерина-Гертруда, ее гостеприимная хозяйка.

— Я вам дам с собой некоторые запасы и лекарства, — сказала Анжелика настоятельнице. — Здесь есть рыбий жир для лечения печени, который я купила у рыбаков на западном берегу. Говорят, он хорошо действует при истощении, особенда у детей. Им также можно лечить раны и ушибы. И вообще мы скоро вновь встретимся. Мы ведь будем видеться в Квебеке?

Монахине была неразговорчива и довольно холодна. Анжелике это показалось подозрительным.

Туман стал таким густым, что нельзя было различить лине рядом стоящего. Анжелика чувствовала неосязаемый барьер между собой и монахиней. Она отвела матушку Бургезе в сторону.

— Маргарита, что с вами? Разве мы больше не друзья?

В ответ Бургезе, посмотрела графине в глаза с явным недоверием, как вначале.

— Я, кажется, знаю, что вас беспокоит. Вы слышали, что над Квебеком появились пылающие корабли-призраки. Это так? — спросила Анжелика.

— Да, — сказала матушка Бургезе. — Вы должны понять. Живя в этой стране в постоянном страхе перед ирокезами, мы часто смотрим в глаза смерти. Каждый раз нас предупреждают об опасности небесные символы. Когда мы видим знак беды, нас охватывает беспредельный ужас. Мы должны спросить себя, о какой новой опасности предупреждает сегодня Бог? Он хочет нас упрекнуть, что мы недостаточно бдительны против соблазнов зла? Последний раз пылающие корабли-призраки мы видели в небе над Квебеком перед войной с ирокезами, Дикари напали тогда на остров Орман и истребили всех его жителей, Незадолго до этого в Монреале было землетрясение. Когда в городе Трайе-Ривьере слышались вопли похищенных, над городом тоже проплывали корабли-призраки. Задним числом легко понять значение знаков: извещают о землетрясении, о нападении ирокезов, будут слышны вопли похищенных заключенных... Как мы должны сегодня понимать эти символы? Что придет с вами, с вашими хорошо вооруженными кораблями в Квебек? Зло или добро?

— Великий Боже! — невольно вырвалось у Анжелики, — Неужели из-за каких-то пылающих призраков мы перестанем понимать друг друга? Ведь это не причина для недоверия. Вы, воплощенный разум, считаете, что мы положи на диких ирокезов? Мы уже не раз сообщали, что в этом году не будет никаких нападений... Могу вас уверить, что это результат нашего влияния на предводителей уттак, которых мы убедили отказаться от мыслей о возмездии. Наши корабли близки к вашим берегам, но мы никогда не откроем огонь. Не здесь надо искать зло, а под маской, из-под которой совершенно сознательно

распространяют о нас по свету страшную молву, чтобы очернить наши добрые намерения.

— Туман рассеивается, — слышались голоса.

И действительно, область видимости постепенно расширилась. Вновь стали видны очертания, кораблей, Анжелика опасалась появления графа Борже. Если он увидит возлюбленную, то не упустит возможности прийти попрощаться в своей манере, с пространными выражениями. Сегодня графиня никак не настроена на комплименты. Ее мучило другое: скоро они будут у стен Квебека. Найдут ли там поддержку? В случае атаки флот Пейрака вынужден будет обороняться. И тогда в воздухе запахнет новой резней. Конечно, в сложившейся обстановке дорог каждый сторонник.

Матушка Бургезе, пользовавшаяся всеобщим доверием, могла бы успокоить души.

— Маргарита, — настойчиво сказала Анжелика, — я не прошу вас лгать ради нашей дружбы, вы только скажите то, что видели собственными глазами.

Маргарита Бургезе призналась, что в Квебеке она не пользуется таким влиянием, как здесь. Область ее деятельности — Вилле-Мария на острове Монреаль. Туда она я отправится как можно скорее.

Анжелика заметила, что бедная монахиня выглядит очень уставшей. Но интуиция подсказывала графине, что матушка Бургезе не случайно уходит от разговора. Кроме кораблей-призраков ее благосклонность пошатнуло и что-то еще.

— Пассажиры могут не торопиться на борт. Туман опять усиливается — слышались издали голоса матросов.

— Слава Богу! Значит, я могу вас еще минуточку задержать здесь: мы не можем так просто расстаться, Маргарита! Что-то есть еще, что вас мучает. Это не связано с внешними событиями. Вы можете мне довериться. Заклинаю вас, говорите?

— Я узнала, что моя община в Вилле-Мария на грани развала из-за епископа, — с отчаянием в голосе начала монахиня. — Так что я увижу по приезду одни развалины того, что так долго строила... Мне необходимо ненадолго остаться в Квебеке, чтобы монашеский орден назначил на эту должность нового человека. Мало этого, так еще и монсиньор Ломенье-Шамбард потерял разум.

— Что вы говорите? Ломенье-Шамбард? Не может быть! — возразила Анжелика.

Она вспомнила, что Бургезе и Ломенье-Шамбард вместе начинали работать в Вилле-Мария.

— Как могло такое случиться?

— Он влюблен в вас, — довела до ее сведения матушка Бургезе и молитвенно сложила перед собой руки. — Такой святой, безупречный человек! О, мой Бог, это отвратительно!

— Но это ложь, — энергично запротестовала Анжелика. — Вы не хуже меня знаете, что монсиньор де Ломенье-Шамбард далек оттого, чтобы испытывать подобные чувства.

Матушка Бургезе обескураженно покачала головой:

— Точно так же, как Понт-Бресанд и многие другие, которые на свою беду увидели вас. После одного взгляда на вас и часа, проведенного в вашем обществе, они готовы отречься от всего: от своих обетов, от своих друзей, чтобы вершить дела вместе с противниками короля и врагами Бога...

— Вы ошибаетесь! — воскликнула графиня. — Маргарита, будьте благоразумны, подождите до встречи в Квебеке с монсиньором Ломенье. Это пустые фантазии. За все время мы виделись с ним лишь два раза. Тут дело в другом. Когда умный, дипломатичный человек имеет свое мнение и может предложить, как избежать кровопролития, обязательно находятся

такие, которые напротив, хотят спровоцировать эту кровь.

Импульсивным жестом Анжелика схватила руку монахини и заставила Бургезе посмотреть ей в глаза.

— Я прошу вас, не поддавайтесь людской молве. Вы уже бывали в трудном положении и много повидали. Вы же не считаете, что нас с вами должна разделять резня, ненависть, око за око, зуб за зуб. Я тоже знаю Святое Писание. Я воспитывалась у монахинь ордена Св. Урсулы в Пуату. Я знаю, что сказал Иисус: мир на земле всем людям доброй воли!

— Вы меня смущаете, — сказала Маргарита Бургезе.

Но вместе с тем, казалось, что слова Анжелики успокоили монахиню. Она нагнулась, чтобы взять с собой принесенное графиней, и стала перекладывать содержимое корзин в свою дорожную сумку.

— Это вы напрасно, — сказала Анжелика. — Прошу, возьмите корзины с собой... Вы сможете вернуть их в Квебеке... И не забудьте, что я вам сказала: мир на земле. Мы, женщины, можем показать пример для мужчин...

Пассажиров пригласили в шлюпки. Матросы помогали усаживаться женщинам и детям.

— Могу ли я вас попросить еще об одном маленьком одолжении: хотя бы немного позаботиться о бедном английском лавочнике, — предложила Анжелика. — Он не хотел оставить своего спящего медведя. Боюсь, что во время плавания он не найдет помощи у экипажа.

Матушка Бургезе удивленно посмотрела на нее.

— Вы, по-видимому, не знаете...

— Что?

— ...Монсиньор де Пейрак прислал на корабль несколько членов своего экипажа, которые будут сопровождать нас до Квебека или только до острова Орлеан. Я не знаю, правда, с какой целью. То ли помочь маневру, то ли охранять нас как военную добычу. Но, во

всяком случае, их присутствие оградит вашего англичанина от жестокого обращения.

— Это хорошая новость, как для англичанина, так и для вас и вашего путешествия. Жоффрей еще не сказал мне об этом... Если бы я знала раньше, я не стала бы просить вас об этом одолжении. Простите меня, и вы облегчите мою душу.

— И вы меня тоже простите, — сказала Маргарита. Казалось, к ней вернулась прежняя уверенность. Хотя взгляд был еще довольно суров. — Действительно, лучше все пустить на самотек, — сказала монахиня с юмором и бросила на Анжелику испытывающий взгляд.

Они больше не сказали друг другу ни слова. Но Анжелика все же надеялась, что ее слова упали на благодатную почву.

Женщины уселись в лодку. Маргарита Бургезе тоже заняла свое место, и матрос передал ей приемыша.

Еще какое-то время лодка оставалась у берега. Маргарита воспользовалась случаем, чтобы снова позвать Анжелику.

— Вы хорошо умеете наставить на путь истинный, — сказала монахиня. — Я благодарна вам за то, что теперь буду вспоминать вас. Но вспомните и вы...

— Что?

— Вспомните ваше собственное суждение, оброненное в разговоре со мною, что зачастую мы составляем неверное мнение о ближнем. Помните, я сказала тогда, что мы часто видим лишь ужасный образ, но не видим человека, который за ним скрывается.

— Да, я вспоминаю...

— Так вот: не забудьте об этом тогда, когда вступите в борьбу с патером д'Оржевалем.

Лодка отчалила от берега.

Глава 40

Последние слова матушки Бургезе оставили в душе неприятный осадок. Анжелика вновь ощутила

безотчетный страх перед прошлым. Так случилось всегда, когда при ней упоминали об иезуитском пасторе. Имя этого человека для Анжелики было связано с именами колдуньи Амброзины и ее брата Цалиля. Рассказы герцогини о ее детстве как-то не вязались с тем, что патер д'Оржеваль сегодня занимает пост духовного пастора Канады.

— Когда детьми мы бродили по деревне, — кажется, так говорила герцогиня, — я, мой брат Цалиль и д'Оржеваль, мы чувствовали, что в нас пылает какое-то неземное пламя... Д'Оржеваль был сильнее, чем мы, его голубые глаза оказывали прямо-таки магическое действие...

В полуобморочном состоянии Анжелика опустилась на землю. Ее бил озноб. Она с ужасом думала о предстоящей встрече с человеком, о котором Амброзина сказала как-то:

— Он сошел с ума — хочет перейти на сторону добра.

Кстати, и Ломенье-Шамбард был другом юности пастора. И он говорил Анжелике о воздействии взгляда д'Оржеваля. Графиня поежилась, представив этот взгляд... Но странно: д'Оржеваль так ненавидел ее, хотя они никогда не встречались. Или... Неожиданная мысль хлестнула, словно ветка по лицу. Анжелика почувствовала непреодолимое отвращение.

Когда она теплым осенним днем прошлого года обнаженной купалась в озере недалеко от Майне, за нею наблюдал какой-то неизвестный. Благодаря этому невидимке о ней разнеслась дурная слава. Анжелика все спрашивала себя: кто мог тогда ее видеть? И вдруг ее осенило: ну конечно же, это был патер д'Оржеваль! Господи, так вот отчего этот господин относится к графине прямо-таки со звериной ненавистью!

Душевное равновесие было восстановлено. Анжелике хотелось смеяться. Странная все же штука —

жизнь. И странные люди — мужчины. Они просто сотканы из противоречий, совершают совершенно бессмысленные поступки, не умеют обуздать свои страсти и фантазии... Бедный патер д'Оржеваль! Ему остается только покаяние. Ведь он видел прекрасное обнаженное женское тело, и не смог противиться страсти. Теперь он мстит за это... Мстит за то, что он человек — не Бог...

Анжелика больше не боялась этого человека. Страх уступил место состраданию и снисходительности. И еще: она теперь не останется одна. Рядом с нею всегда будет Жоффрей.

Глава 41

«Сен-Жан-Батист» медленно отчалил и неповоротливо потащился вверх по проливу Святого Лаврентия «Мирабель» же со свернутыми парусами все еще находилась в гавани. Начинался шторм.

Анжелика не завидовала пассажирам «Мирабели»: им предстояло тяжелое и небезопасное плавание через зимний океан» В пути их ждало много испытаний: дожди, штормы, морозы... Анжелика представила беззащитных людей на пропитанной солью и водой палубе корабля. Каждому из них еще предстоит испытать свою судьбу. Все ли вернуться живыми в родную Францию? Дай Бог, чтобы их не покинула надежда.

* * *

«...в конце улицы Бланкс-Мантеакс Вы найдете дом... там убивают новорожденных детей...»

«Ваше величество, молю о милости и справедливости!»

«Мадам, не будете ли Вы так добры послать мне Вашего маленького мавра...»

* * *

Там, в той стороне этого бесконечного моря, лежит Европа с ее народами, городами, тюрьмами, домиками

на холмах и вечным звоном колоколов... Там Париж — больше легенда, чем реальность.

Реальностью была Канада: пустыня залива Святого Лаврентия, величественные лесистые горы, острова с птицами и далекий уединенный Квебек.

Два последних дня были суматошными. Готовился к отплытию «Сен-Жан-Батист»; на «Мирабели» расчищали место, чтобы погрузить товары господина интенданта... Собирался стартовать и флот Пейрака, Анжелика поняла это, увидев, как моряки примеряют к бортам красную материю с широкой золотой каймой, У нее мелькнула мысль, что, украшая корабль к торжественному входу в гавань, моряки хотят притупить чувство неуверенности в благополучном исходе плавания.

* * *

В последний вечер пребывания флота графа де Пейрак в гостеприимном Тадоуссаке все население вышло проститься с Жоффреем и Анжеликой. Собрались на берегу реки Сегуенай. Погода была на редкость спокойная — ни ветерка; вода была гладкой, как шелковый платок. На крутой берег легли красно-золотые отблески уходящего солнца. У места впадения реки в залив все увидели гигантские спины морских рыб.

Дети ринулись вниз, к воде.

— Мама, мама? Смотри, кит пришел! — взволнованно кричала Онорина.

И действительно, внизу, в море плескались не один, а четыре кита: мать и трое детенышей, один из которых точь-в-точь повторял движения китихи.

— Они пришли к нам, только к нам! — дети прыгали от радости.

Маленький Нильс Аббиаль поднес к губам свирель. Раздался длинный ровный стон, похожий на

заклинание. Его повторила гитара Кантора, которая издала потом радостные ритмичные звуки.

Привлеченные музыкой, дети поднялись ближе ко взрослым, встали, взявшись за руки, в круг.

— Господи, воля твоя! — закричала Катерина-Гертруда, — дети танцуют!

Ее бабушка, пришедшая в Канаду из Перигорда в 1630 году, считала, что, когда дети танцуют — это опасно. В ее родном Перигорде верили, что если дети начинают танцевать или «беситься как черти», значит, в их игры вмешались гномы или эльфы. Ведь дети, как существа особо чувствительные, очень подвластны волшебству...

Катерина-Гертруда побежала домой за святой водой. Анжелика же, сама не зная почему, спустилась вниз, к пляжу.

— Все будет хорошо, — уверяла себя графиня, — все будет хорошо! Дети танцуют... не зря...

Но на землю спустились сумерки и солнце спряталось за лесистыми холмами, хотя его свет все еще отражался на дрожащей поверхности воды. На пляже тут и там разводили костры. Анжелика стояла у самой кромки песка. Оглянувшись, она заметила какое-то движение у индейских каноэ. Ей показалось, что промелькнул силуэт Жоффрея. Нет, это не может быть он: Пейрак остался в деревне.

— Может, я начинаю терять рассудок? — озабоченно спросила себя Анжелика.

К ней подошла Катерина-Гертруда. Добрая крестьянка напрасно бегала за святой водой: дети и без того прекратили пляски и искали на берегу раковины.

— Говорят, у озера Мистасин лесные охотники продают прекрасные охотничьи меха, — обратилась Катерина-Гертруда к Анжелике. — Хочу отправиться туда. Может, встречу там своего кузена Эйсебиуса.

Вернувшись на «Голдсборо», Анжелика застала Пейрака беседующим с офицерами. Между делом он наблюдал за погрузкой последних ящиков. Наверх поднимали вещи, которые понадобятся сразу после прибытия — начиная от столовой посуды и кончая одеждой обитателей корабля. Не были забыты подарки для хозяев Квебека.

— Монсиньор, вы не были только что на берегу реки? — спросила Анжелика у мужа.

Вопрос показался Жоффрею странным, он уверил Анжелику, что отправился на «Голдсборо» сразу же после того, как они расстались в деревне.

— Мне показалось, я видела вас там...

А про себя Анжелика подумала:

— Из-за волнений последних дней мне все чаще что-то кажется.

Через некоторое время к матери пришел Кантор со смехотворной просьбой: юноша хотел на время забрать кошку к себе на судно, ибо в трюмах завелись мыши. Он сообщил, что росомаха Вильерьинка исчезала, убегала, наверное, обидевшись, что хозяин стал уделять ей мало внимания. Она пропадала где-то несколько дней, а потом неожиданно появилась рядом с Кантором на торговой площади.

— Я не возьму Вильерьинку на торжественную церемонию, — сказал Кантор. — Канадцы, как и индейцы считают росомаху животным, в котором живет дух дьявола. Не уверен, но что это хитрейшее из созданий нашего творца — несомненно.

Сколько не звал Кантор, он так и не мог найти кошку. К поискам подключилась Онорина, вовсе не желавшая идти спать. Анжелика, Жоффрей... даже Виль д'Эвре. Они обыскивали мостик, когда случилось странное происшествие.

Со стороны берега к кораблю медленно приближалась вереница огней. Индейцы, сидящие в

каноэ, высоко поднимали факелы, чтобы сообщить о своем прибытии. Внезапно из темноты вынырнули страшные лохматые маски — Одна из них — в виде головы буйвола — была с рогами красного цвета и огромными глазами из белых камней.

— Знахарь... — узнал Виль д'Эвре. — Что он хочет от нас?

Лодка причалила к кораблю в том месте, где оставил свой ботик Кантор. В другом каноэ поднялся абориген, украшенный перьями, и крикнул на удивление звонким голосом:

— Эй, вы, европейцы! Хотите самые прекрасные в мире меха? Мы привезли их с Севера, со стоянки Руперта.

Услышав голос, Виль д'Эвре наклонился через поручень так, что чуть не свалился в воду:

— Но это же голос Анны-Франкуш де Костель-Морган.

— Да, это я, — подтвердили снизу. — Кто меня знает?

— Маркиз Виль д'Эвре, губернатор Акадии.

— Восхищен встрече с вами, господин маркиз. Какой счастливый случай свел нас в Тадоуссаке?

— О, долгая история... Как ты сюда попал, друг мой?

— Я пришел с Гудзона и принес прекрасный мех!

— Выменял у индейцев на алкоголь, вонючий торговец! — неожиданно вскипел маркиз.

Из-под бычьей маски в ответ раздался звонкий смех.

— Эй, что там за чудовище веселится?

Человек с воловьей головой поднялся, и Анжелика увидела тот же силуэт, который видела на берегу.

— Да кто это?

Онорина угадала первая, ее звонкий голосок разнесся далеко над водой.

— Я знаю, знаю, кто он! Я узнала его по рукам и ножу! Это — Флоримон!

Это был, действительно, он! Их потерянный сын — Флоримон!

Глава 42

Остров Орлеан медленно проплывал мимо. Он казался мощной акулой с треугольными плавниками. Залив неожиданно сузился и огромному кораблю стоило больших усилий лавировать в тесном канале. По другую сторону огромной водной капсулы лежал Квебек. Над ним стояло такое же угрюмое небо с низкими облаками. Ключья тумана загромождали берега.

Солнце повернуло на зиму. Наступаю время таинственных страхов и безнадёжности, когда, глядя на умирающую природу, кажется, что впереди один бесконечный ледяной мрак. День ото дня усиливались снежные вихри. Темнело рано. Но на борту огромного корабля царило радостное оживление: цель длительного путешествия приближается с каждым часом.

Подготовка к вступлению в Квебек шла полным ходом, Барабанщик по десять раз на день примерял униформу. Вестовой, который с помощью длинной медной трубы должен был возвестить городу о прибытии флота графа Пейрака, получал последние инструкции. Онорина и Герубин учились делать реверанс. Словом, все готовились так старательно, что не было времени обращать внимания на плохую погоду.

Анжелика увидела благоприятное предзнаменование в появлении на борту «Голдсборо» Флоримона и его друга Анна-Франкуша. Молодой Пейрак унаследовал лучшие черты своих родителей. Невозможно было не обратить внимания на этого статного прекрасного юношу, истинного француза во всем. В красноречии и манере держаться Флоримон ни в чем не уступал рыцарям Красной Розы и Грааля.

Юноша не стал подробно рассказывать о своих приключениях, утешив родителей тем, что для этого

найдется достаточно времени в Квебеке. Он упомянул лишь о том, что получил в Гудзоне руководящий пост, и это обстоятельство дало ему возможность отправиться на юг. И он, и его приятель Анна-Франкуш были беспомощны перед интригами и пороками городов и, разумеется, ничего не знали о заговоре, в который оказались втянутыми Анжелика и Жоффрей. Юноши долго жили среди аборигенов и переняли от них независимость суждений и поступков. С легкостью, свойственной молодости, они поменяли свои кожаные одежды на сюртуки и несказанно радовались тому, что скоро смогут танцевать с дамами на балах.

Вместе с Кантором они распевали веселые песни в то время как небольшой экипаж парусника «Мент-Десерт» выполнял сложные маневры в тумане:

Три корабля на море у меня, Два полны золота и драгоценных камней,

А на третьем едет любимая моя...

Анжелика была счастлива обрести сына, появившегося на «Голдсборо» столь необычным способом. Его благополучное возвращение в лоно семьи подтверждало, что в Канаде, дикой и необжитой стране, можно выжить лишь под защитой ангелов или святых. Экспедиция, в которой был Флоримон и которой руководил кавалер де Ла Салле, без вести пропала в диких лесах Миссисипи. Анжелика еще в Вапассу встречала другого члена этой экспедиции — Жана ле Куенесса, который сообщил, что все беды исходят от неуживчивого характера кавалера де Ла Салле. Это подтвердил теперь и Флоримон: он отказался продолжать экспедицию из-за дурного характера руководителя.

Одиссея Флоримона была хорошо понятна и близка графу Пейраку, который узнавал в сыне свои черты, Флоримона, например, так же мучил исследовательский зуд. Это радовало Жоффрея. Но его опечалил тот факт,

что юноша оставил Ла Салле в трудную минуту и не пошел за ним, хотя и знал, что лучше него никто не знает картографии... Пейрак собирался серьезно поговорить об этом с сыном.

Флоримон же был безумно счастлив. Он считал, что самым прекрасным в его путешествии по Новой Франции была встреча с семьей, хотя юноша и соглашался с тем, что заметки и карты, лежащие в его ранце, тоже приносили ему немалое удовлетворение, как исследователю.

Глава 43

— Когда люди увидят, как вы прекрасны, они откроют для себя неизведанный доселе мир красоты, — сказал Жоффрей. — Красота — это то, чем нельзя пренебречь, что в зародыше душит ненависть...

— Неужели я действительно так красива, как говорят? — поинтересовалась Анжелика.

— Вы сказочно красивы, мадам, — взволнованно прошептал Пейрак. — Легенды о вашей красоте опережают вас!

Анжелика рассмеялась, глядя в зеркало.

Пейрак предложил свои услуги в выборе платья, в котором Анжелика войдет в Квебек. Это была непростая задача: все наряды графини были великолепны. Она примерила пурпурное платье из Италии. Тяжелые складки драгоценного бархата подчеркивали достоинства фигуры и придавали облику величие.

Подойдя из-за спины, Жоффрей жестом фокусника украсил обольстительную шею Анжелики великолепным колье: искусно ограненные бриллианты перемежались с рубинами. Графиня невольно вспомнила о первом подарке мужа, который он преподнес ей, семнадцатилетней девушке, также неожиданно к неясно. Сегодня, как и тогда, ее бросило в дрожь, как только Жоффрей дотронулся до нее.

— Неужели после стольких лет супружеской жизни чувства опять расцветают, словно в начале?

Невольно ей пришла на ум песенка, которую недавно распевали молодые люди:

Три корабля на море у меня: Два полны золота и драгоценных камней,

А на третьем едет моя любимая...

Анжелика вспомнила, с каким вкусом и значением Жоффрей умел подбирать подарки. Несмотря на свою занятость, он всегда приобретал драгоценные вещи, которые украшали жизнь ему и его близким. Всегда, когда Анжелика печалилась, когда ей казалось, что жизнь не сулит ничего, кроме бед и тревог, Жоффрей неожиданно доставал откуда-то сияющие бриллианты, которые околдовывали игрой света и вселяли надежду своей красотой. А то вдруг он устраивал праздники — доставались бочки вина и всем присутствующим дарилось золото... У Анжелики сложилось впечатление, что суровые жизненные испытания помогли Пейраку осознать великую ценность человеческой доброты.

Жоффрей же смотрел на жену так, как, смотрит художник на лучшее свое произведение, в которое вложил весь опыт, все мастерство... Сейчас он был ослеплен красотой супруги, стоявшей перед ним в пурпурном одеянии. Королева! Картина из Лувра! Какой волшебник мог создать такую красоту?!

Да, в Квебеке мгновенно забудут о мнимой опасности. Кому придет в голову защищать город от столь великолепного вторжения?

Эта мысль рассмешила Жоффрея.

— Вы выглядите несказанно довольным, — заметила Анжелика.

— Да, это так. Я думаю о наших противниках и о том, что их ждет при встрече с нами.

— Вы так неумолимы?

— Разумеется. И вы — мое единственное оружие.

— Я... Вы верите, что у меня хватит сил, чтобы разделить ваше торжество?

— Уверен, хватит. Ведь вы женщина, покорившая самого короля!

— Сегодня я стала другой. Не такой... стремительной, что ли... Любовь делает женщин мягче.

Глава 44

В тот вечер они бросили якорь у острова Орлеан.

Через некоторое время на борт «Голдсборо» поднялись два человека. Это был Маупертус и его сын Пьер-Андре....

Они приехали предупредить графа, что, ожидая его прибытия, город гудит, как улей, Анжелика была тронута преданностью своих старых друзей, которые решили предварительно поставить Пейрака в известность.

Граф де Пейрак предложил жителям Квебека подробно рассказать о событиях, которые происходят в городе.

— Готовится праздник, — сообщили они. — Монсеньор Фронтеньяк и высокое собрание очень озабочены тем, как лучше вас встретить, Епископ сдержан. Об иезуитах ничего нельзя сказать. Монсеньор Костель-Морган призывает дать вам отпор. Увы, после появления пылающих кораблей-призраков у нею появились сторонники...

На плоскогорье за городом собрались толпы индейцев. Они также обеспокоены появлением небесных знаков. Если Костель-Морган перетянет их на свою сторону, это может плохо кончиться для вас.

— А Пиксарет? Где он? — спросили Анжелика.

— Этого никто не знает. Вообще трудно уследить за аборигенами. Должен вас предупредить, мадам, на них нельзя полагаться.

— Что вы! Пиксарет не бросит меня в беде!

Присутствующий при беседе герцог д'Арребуст удивленно посмотрел на графиню.

— Мадам, но монсеньор Маупертус прав. Конечно, после ирокезов вам удалось укротить вашего заклятого врага Пиксарета, вождя аборигенов. Трудно даже поверить в это... Вы смогли объединить так настроенных друг против друга людей... Всего за месяц... Но вы слишком доверчивы, на мой взгляд. Мне тревожно за вас...

— Мы друзья с Пиксаретом.

— Друзья? Эти индейцы не так просты, как вам кажется. Вы, господин Маупертус, утверждаете, что индейцы собрались за городом? Гуроны и абенакисы ненавидят друг друга. Вот будет приятно, если наши крещеные индейцы по случаю прибытия в Квебек графа Пейрака перережут друг друга.

* * *

Пьер-Андре и Виль д'Эвре беседовали чуть поодаль, и до слуха Анжелики долетело имя, которое заставило ее тотчас подойти к ним.

— Не о Николасе Перро вы сейчас говорили?

— Да, — кивнул Пьер-Андре, — я встретил его два дня тому назад.

— Какое счастье! Я так боялась за него!

Она знала, что канадцам уже все известно о пылающих кораблях-призраках и боялась, что это принесет несчастье ее другу.

Жоффрей с улыбкой посмотрел на жену.

— Моя маленькая прорицательница, — тихо сказал он.

— Я понимаю, что все это глупости, — сказала Анжелика. — Но здесь, в диком краю, люди живут в постоянном страхе, поэтому, естественно, они верят во вмешательство потусторонних сил. Моя кормилица рассказывала страшные легенды, после которых мы с сестрой не могли уснуть... И все же эти истории

заставляли думать, что мир гораздо больше и таинственнее, чем мы думаем.

— Я несколько не сомневаюсь в этом, — сказал Пейрак. — В Новом Свете особенно много необъяснимых загадок, неподвластных сегодня науке. Я сам много раз был свидетелем...

Он сделал паузу, прежде чем продолжил:

— Это случилось на высокогорном озере близ Флориды. Странный свет до полусмерти испугал многих людей... Никто не мог объяснить, что же все-таки мы видели в этот день. Что ж, надо смириться с тем, что мы должны принимать мир таким, каков он есть. Мы должны ждать, пока опыт человечества не поможет раскрыть тайны мироздания.

Он задумчиво посмотрел вдаль.

— Легенды мореплавателей гласят, что гладкий океан заканчивается огромной пропастью, в которую проваливаются корабли. И несмотря на это, моряки отважно пускались в путь, гонимые азартом открытий, но пряча в сердце смертельный страх. Интуиция подсказывала им, что они откроют новую страну.

И земля оказалась круглой! Кто не рискует, тот не выигрывает!

Жофрей замолчал, а потом спросил некстати:

— Вы уже решили, какое все же платье наденете по прибытию в Квебек?

— Нет-нет... Мне даже не с кем посоветоваться — у меня больше нет камеристки...

— Это, конечно, не самое большое несчастье, которое может случиться, — рассмеялся граф.

* * *

Анжелика покинула салон с твердым намерением предложить Дельфине место камеристки. Она попросит девушку молчать о лилии, выжженной на плече графини. Конечно, подобная просьба унижительна, но Анжелика надеялась, что молодая девушка не станет

злоупотреблять ее доверием. Графиня все объяснит, расскажет, как ее в Ла Рошели несправедливо сочли еретичкой.

* * *

Подойдя к двери каюты, Анжелика услышала молитву. Девочки короля говорили с Богом. Радуюсь, что получила отсрочку, Анжелика повернула обратно и решила немного прогуляться по палубе.

Облокотившись о поручни, она смотрела вниз, туда, где клочкотали волны, разбиваясь о корпус корабля. Сзади виднелся силуэт острова, возвышавшегося над морем мощным бастионом. А впереди лежала непроглядная ночь, покрывшая и воду, и лес своим черным бархатным платком. Анжелика чувствовала себя свободной от всяких страхов. Ей показалось, что в нее вливаются свежие силы для новой жизни. Она знала, кому и какие роли предстояло сыграть в ее судьбе.

Графиня собралась было вернуться в салон, как посреди необъятного черного небосвода увидела яркое светящееся пятно, которое вдруг вновь растворилось в ночи.

Анжелика окаменела. Что это было? Вспышка? Зарница?

Корабль медленно покачивался на волнах.

Анжелика резким движением стряхнула свое оцепенение и побежала к Жоффрею. Охрипшим от страха голосом она рассказала мужу об увиденном.

— Вы слишком серьезно отнеслись к рассказам моряков, — граф взял ее за руки. — Этот феномен пережил первооткрыватель Колумб и его люди. Еще никто не знает этому объяснения. Не надо беспокоиться. Считайте, что ничего не случилось.

Он укутал ее в свое пальто и прижал к себе. Но Анжелика не успокоилась. У нее разрушилось привычное представление о времени и пространстве и

возникло ощущение полной беспомощности, потерянности и одиночества.

— О, смотрите, смотрите, там! — воскликнула Анжелика в ужасе, указывая рукой на небо.

— Нет, там ничего нет, — успокаивал Жоффрей.

— Что за точки светятся там, на горизонте? — испуганно спросила она.

— Присмотритесь внимательно и вы поймете. Мы достигли цели. Это огни Квебека.

Глава 45

Не сомкнувшая ночью глаз, Анжелика, едва рассвело, занялась последними приготовлениями. На туалетном столике были разложены все необходимые предметы: баночки с кремами, коробочки с пудрой, румяна, помада... Анжелика, глядя в зеркало, подумала о том, что сегодняшней утренний туалет — начало значительного в ее жизни дня, и потому сегодня она должна заниматься собой особенно тщательно.

Несмотря на бессонную ночь и странное видение, графиня была спокойна и умиротворена. Перед ней лежал Квебек — город мечты. Интуитивно она чувствовала, что ее появление в этом городе станет моментом торжества.

Вошла Дельфина, за нею Генриетта. Девушки помогли графине одеться и принялись за сооружение замысловатой прически.

В дверях тихо появилась Иоланда.

— Как ты прекрасна, дитя, — воскликнула Анжелика, взглянув на девушку, которой очень к лицу было оранжевое платье с белым воротником и прелестный кружевной чепчик. — Как жаль, что ты обменяла свои коралловые серьги, они бы сюда очень подошли.

— Да, это была моя глупость, — печально подтвердила Иоланда, — но, право, я потеряла голову, увидев прекрасные меха.

— Как там Онорина? — поинтересовалась Анжелика, предчувствуя неприятный сюрприз.

Иоланда замялась. Есть небольшие трудности. Проснувшись, Онорина наотрез отказалась надевать платье, потому что хочет выглядеть, как мальчик. И еще она сказала, что не присядет в реверанс перед губернатором.

— Приведи ее ко мне, — приказала графиня, — Я сака с ней поговорю.

Закрыв перламутровую баночку с кремом, Анжелика набросила на плечи сатиновое, подбитое горностаеями пальто в салоне было прохладно. Она обдумывала разговор с Онориной. О, с этим ребенком трудно придти к соглашению!

Девочка уже стояла на пороге. Она была одета в вывернутые наизнанку брюки и униформу мушкетера. Этот костюм когда-то подарил малышке Жоффри.

— Дорогая моя! — воскликнула Анжелика. — Как могла ты свое роскошное платье променять на серую невзрачную униформу?

Для Онорины и в самом деле было приготовлено восхитительное платье из воздушной тафты. Это было настоящее произведение искусства. Но Онорина наотрез отказалась от него.

— Скоро начнется война, — объяснила она матери. — И когда начнут стрелять, я хочу выглядеть, как солдат.

— Нет, — объяснила Анжелика, — Скоро будет праздник, и ты должна выглядеть, как принцесса. Смотри, я тоже надена свое самое красивое платье.

— Но ты же ведьма, — возразила дочь — И должна быть прекрасной...

Анжелика прекратила разговор. Бог мой! Чего только не услышала маленькая Онорина от герцогини де Маудрибург прошлым летом: Амброзина не стеснялась говорить мерзости даже малолетнему

ребенку. От этих воспоминаний сжалось сердце. Бедное дитя! Анжелика взяла Онорину на руки, крепко прижала к себе:

— Мой бриллиант! Мое сокровище!

— Значит, мы договорились, что я буду ходить, как мальчик? — Онорина была поражена.

— Конечно, мне это не очень нравится, но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя несчастной. Правда, монсеньор де Ломенье будет разочарован, увидев тебя в праздничный день некрасиво одетой...

Этот довод заставил Онорину задуматься. Она чувствовала особую симпатию к мальтийскому проповеднику. Девочка явно колебалась, и в это время Анжелике пришла идея.

— Что же касается приветствия, — хитро сказала она, — то поздороваешься так, как тебе нравится.

В том-то и была причина отказа Онорины от девичьего наряда. Она боялась, что Герубин — мальчик довольно неуклюжий, испортит всю церемонию приветствия. Онорина же, дочь графа Пейрака, не должна допускать, чтобы смеялись над ее маленьким другом. Конечно, же, мама права. Онорина выступит вперед и первой поздоровается с монсеньором Ломенье, и тогда Герубину не надо будет делать трудный для него реверанс.

Иоланда догадалась о ходе размышлений Анжелики и начала снимать с девочки костюм мушкетера. Онорина спокойно подчинилась, В этом ребенке уже чувствовалась настоящая женщина.

Анжелика обратила внимание, что в салоне изменилось освещение — откуда-то извне проникал другой свет, Анжелика бросила рассеянный взгляд в сторону окна и увидела, как снаружи вспыхнуло зарево.

— Боже! Пожар!

Она распахнула окно и задохнулась то ли от ледяного воздуха, то ли от великолепной картины,

открывшейся взору. Корабль по-прежнему стоял на якоре у острова Орлеан. Над морем занималась заря. То, что Анжелика приняла за вспышку огня, в действительности было сиянием восходящего солнца. Квебек был окутан розовым светом и окна домов искрились тысячью красных фонариков. В ясном утреннем свете город казался хрустальным. Ночью, должно быть, выпал снег, который теперь лежал на крышах домов пышной ватой. Сказки тысячи и одной ночи!

— Онорина! — позвала дочь Анжелика, — Иди сюда, посмотри на город!

Она подняла ребенка на руки и они вместе — мать и дочь — любовались удивительной картиной. В гавани было спокойно. Казалось, город еще не проснулся.

* * *

В этот момент в салон вошел Жоффрей, а следом за ним — портной с ножницами. Они несли три платья — голубое, золотое и пурпурное. Следом показался Куасси Ба. На фиолетовой бархатной подушке африканец нес украшенную драгоценными камнями шкатулку из палисандрового дерева, до краев наполненную искрящимися бриллиантами, жемчужными ожерельями, алмазными брошами и золотыми браслетами.

— Вот драгоценности, — показал Жоффрей. — А вот платье со шлейфом. Праздник начинается, мадам!